

РС
П 67
М431450

ПОЭТЫ
ВОЛОГОДСКОГО
КРАЯ

* * *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОЭТЫ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

* * *

Хрестоматия
Часть 1

Составитель С.Ю. Баранов

Вологда
«Легия»
2011

УДК 821.161.1(470.12)-1

ББК 84(2Рос-4Вол)-5

П 67

Редакторы:

Г.В. Судаков, д. ф. н., проф. ВГПУ,
О.М. Чернышева, к. ф. н., доц. ВГПУ

Рецензенты:

Л.М. Арина, к. ф. н., доц. ВГПУ,
Л.В. Широкова, к. ф. н., учитель СОШ № 15 г. Вологды

Поэты Вологодского края: хрестоматия / сост. С.Ю. Баранов –
П67 3-е изд., испр. и доп. – Вологда: Легия, 2011. –

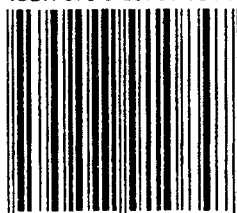
Ч.1. – 364 с.

ISBN 978-5-89791-084-7

УДК 821.161.1(470.12)-1

ББК 84(2Рос-4Вол)-5

ISBN 978-5-89791-084-7

9 785897 910847

© Баранов С.Ю., составление, 2011

© ООО «ИПЦ «Легия», 2011

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Цель предлагаемой вниманию читателя книги – познакомиться с творчеством поэтов Вологодского края как можно более широко. Своих поэтов на Вологодчине знают, почитают и любят. Однако это, по преимуществу, творческие личности второй половины XX века: Александр Яшин, Сергей Викулов, Ольга Фокина, Николай Рубцов, Александр Романов, Виктор Кортаев. Поэзия же, им предшествовавшая, известна гораздо меньше или вообще незнакома современному читателю.

Конечно, человек, живущий на территории Вологодского края, не может ничего не знать о Константине Батюшкове. Именем поэта-земляка названа одна из улиц в центре Вологды. На домах, где он жил, установлены мемориальные доски. На Соборной горке у Софийского собора воздвигнут памятник ему. В Спасо-Прилуцком монастыре находится его могила. Принадлежавшие некогда семейству Батюшковых имения Хантоново в Череповецком уезде и Даниловское неподалеку от Устюжны входят в число культурных достопримечательностей Вологодской области.

В последние годы многое было сделано для популяризации творчества и для увековечения памяти Николая Клюева, Игоря Северянина, Алексея Ганина – поэтов, ранее почти недоступных читателю по причинам отнюдь не литературного характера. Тот, кто интересуется стихами, вероятно, имеет представление об уроженце Кадников Василии Красове. Книга его сочинений, выпущенная Северо-западным издательством, появлялась в начале 1980-х гг. на прилавках книжных магазинов. Может быть, мимо внимания читателя не прошли публикации краеведов об отбывавшем в Вологде ссылку литераторе Владимире Соколовском, о «забытом у судьбы» поэте Василии Сиротине, о приговоренном тяжелой болезнью к неподвижному существованию стихотворце Никополионе Святском. Правда, эти авторы уже не столь известны, как Батюшков или Северянин, и большинство читателей о них, скорее всего, и не слышало.

Между тем, на территории края жили и писали стихи многие поэты. Среди них – Михаил Муравьев, Николай Остолопов, Платон и Юрий Волковы, Фома Вахрушев, Николай Иванович и Николай Александрович Иваницкие, Сергей Касаткин, Александр Круглов, Юлий Зубов, Сергей Непеин, Михаил Швецов, Александр Пугачев, Анатолий Субботин. Некоторые из них со временем становились участниками литературной жизни Москвы и Петербурга-Ленинграда, авторами столичных журналов; произведения других публиковались только в местной печати. Были и такие поэты, чье твор-

чество существовало в рукописном виде и не выходило за пределы узкого круга знакомых, товарищей, сослуживцев. Авторы стихов различались по степени талантливости, по уровню образования, по идейным убеждениям, по литературным ориентациям. Но каждый внес свой вклад – больший или меньший – в культуру края, способствовал развитию нравственно-эстетических интересов на его территории.

Начало истории художественной словесности Вологодского края теряется «во мгле веков». Предваряющим эту историю этапом можно считать устное народное поэтическое творчество, своеобразным заповедником которого Вологодчина считалась издавна.

Если же иметь в виду художественную словесность как таковую, специального упоминания заслуживает то, что перу инок Кирилло-Белозерского монастыря Ефросина принадлежит едва ли не самый интересный список воинской повести «Задонщина», выдающегося произведения древнерусской словесности конца XIV века, посвященного Куликовской битве. Начиная с этого произведения, можно уже вести речь о поэзии как литературном факте на территории Вологодского края. Являясь по тематике воинской повестью, по стилю, по художественной организации «Задонщина» квалифицируется исследователями как создание «песенно-эпического» творчества. Это «лирический отклик» на важное историческое событие.

Тенденции, характерные для литературы переходного от средневековья к новому времени XVII века, отчетливо воплотились в писаниях Семена Шаховского. Он принадлежал к роду ярославских князей, ведущих свое происхождение от Рюрика; находился на царевой службе, участвовал в боевых действиях во время польско-литовской интервенции и в посольских миссиях; с декабря 1619 г. владел вотчиной в Вологде. Шаховской имел репутацию знатока «книжной премудрости» и самоотверженного правдолюбца. Как строитивого поборника справедливости его неоднократно подвергали опале. Ему доводилось отбывать ссылку на Унже, в Тобольске, Енисейске, Усть-Коле, Устюге, Сольвычегодске, в Новом Якутском городке. Шаховской был автором сочинений о Смуте («Житие царевича Димитрия», «Повесть о некоем мнисе, как послася от Бога на царя Бориса» и др.), посланий (патриарху Филарету, князю Д.М. Пожарскому, келарю Троице-Сергиевого монастыря Симону Азарьину и др.). Стихотворные молитвы, написанные им, – дань характерному для литературы XVII века силлабическому виршетворчеству. Показательным примером духовной поэзии Шаховского является «Молитва преподобному Димитрию, вологодскому чудотворцу».

В XVIII веке на культурной жизни Вологодского края ощутимо сказались веяния эпохи Просвещения. Литературным занятиям в это время предавались, главным образом, люди из духовного сословия и дворяне. Их принадлежность к сообществу «поклонников муз» легко объясняется условиями воспитания и образования. Именно эти две социальные категории имели доступ к просвещению, выходящему за рамки элементарной грамотности и

простейших правил счета. Необходимой частью такого просвещения была литературная подготовка, предполагавшая не только знание произведений словесности (преимущественно античной), но и владение практическими навыками создания поэтических текстов. В перечень учебных дисциплин Вологодской и Великоустюгской семинарий входили поэтика и риторика. Отпрыски дворянских семей, получавшие домашнее образование, а затем воспитывавшиеся в столичных пансионах и учебных заведениях военного ведомства, в соответствии с духом времени также нередко имели начальную литературную подготовку. Перед теми, кто поступал в Московский университет, открывались перспективы вхождения в большой мир изящной словесности. Этому нередко способствовали профессора, опекавшие даровитую молодежь из провинции.

Выходцем из семьи бедного сельского дьячка был М.А. Засодимский, дед известного писателя второй половины XIX века П.В. Засодимского. Он окончил Вологодскую семинарию, учился в Славяно-греко-латинской академии и в Московском университете, обладал не только обширными познаниями, но и поэтическим талантом. Вернувшись в родной губернский город, М.А. Засодимский преподавал в духовных и светских учебных заведениях, занимал различные должности в казенных учреждениях, продвигался по чиновничьей лестнице и водил знакомство с местными дворянами-литераторами. О его владении литературной культурой господствовавшего тогда классицизма свидетельствуют стихи, написанные им в 1775 году к торжествам, проходившим в Вологде по поводу заключения Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией.

Образованные дворяне относились к литературным занятиям как к естественному атрибуту образа жизни просвещенного человека. Для некоторых сочинителей – как для предводителя вологодского дворянства А.В. Олешева например – писательство было сопряжено с вхождением в роль «уединенного философа», размышляющего о превратностях и смысле человеческого существования. Недаром основным результатом его литературной деятельности стали два сборника суждений моралистического характера, а в сочиненных им стихах доминирует дидактическое начало.

Другие дворяне-литераторы, подобно А.М. Брянчанинову, владельцу усадеб Осаново и Фомино в Грязовецком уезде, видели в писательстве разновидность непринужденной словесной игры на самые разные темы. Такую игру они предпочитали вести на страницах семейных альбомов и в дружеской переписке. Их творчество – характерный образец дворянской усадебной культуры. И хотя Брянчанинов обращался порой к «высоким» жанрам (им, например, была написана ода, посвященная Екатерине II), на то, чтобы занять видное место на поэтическом Олимпе, он не претендовал. Его, как и Олешева, можно назвать литератором-дилетантом, поскольку писательство для них обоих – не главное дело жизни.

Оттенок дилетантизма есть и в творчестве М.Н. Муравьева, несмотря на то, что для русской литературы это более значимая фигура, чем его учи-

теля А.В. Олешев, А.М. Брянчанинов и М.А. Засодимский. В Вологде юный Муравьев жил недолго – около года. Но за это время местные литераторы оказали заметное влияние на формирование его творческих склонностей. Впоследствии Муравьев отдал дань признательности своим наставникам, посвящая им стихи. Он высоко поднялся по служебной лестнице. Екатерина II доверила ему воспитание своих внуков, великих князей Александра и Константина. В последний год царствования Павла I его назначили сенатором. По воцелении на престол Александр I определил своего бывшего воспитателя секретарем для принятия прошений в собственный кабинет. Затем поэт стал товарищем (заместителем) министра народного просвещения и попечителем Московского университета. Он внес огромный вклад в дело развития образования. Свои же литературные труды сановный государственный муж считал делом частным и общественную значимость придавать им не пытался. Большая часть написанного Муравьевым при его жизни опубликована не была. Авторитет выдающегося представителя русского сентиментализма он приобрел после смерти, благодаря усилиям двоюродного племянника К.Н. Батюшкова, издавшего трехтомное собрание его сочинений.

На протяжении первой трети XIX века поэзия Вологодского края сохраняла тесную связь с литературой предшествующего столетия. Н.И. Ивановичи вспоминал, что XVIII век «благополучно катился в Вологде» еще и в 1830-е гг. В стихах служителей церкви – преосвященного Евгения (Болховитинова), М. Заварина, Д. Пятилина – это ощущалось особенно отчетливо. Но и для литераторов-дворян заветы эпохи Просвещения долгое время оставались в силе, несмотря на кризис философии рационализма и на усиление романтических веяний.

Их литературному творчеству нередко был присущ оттенок, очень точно уловленный в давней формуле «приятное и полезное препровождение времени». В соответствии с этой формулой делом первостепенной важности считались служба, заботы по хозяйству, защита чести и интересов рода. Поэзию же можно было охарактеризовать, вслед за Г.Р. Державиным, при помощи сравнения: «любезна, приятна, сладостна, полезна, как летом вкусный лимонад».

Яркий представитель этой традиции в первой трети XIX века – Павел Межаков. Несмотря на то, что он участвовал в литературных кружках и обществах, публиковался в петербургских журналах, выпустил два поэтических сборника, а в одном из своих стихотворений выразил страстное желание «быть поэтом иль ничем», литература не стала для него ни делом жизни, ни основным родом занятий. Межаков писал стихи для собственного удовольствия, не стремясь к овладению творческими высотами и не претендуя на лавры властителя умов и душ. Пожалуй, точнее всего его жизненная позиция выражена в строках: «Я жизнь считаю – счастьем, Бездействие – грехом, Труд с пользой – сладострастьем, Свободу – божеством, А цение – забавой». Наиболее полного расцвета как личность он достиг, когда вышел в

отставку, обосновался в с. Никольском Кадниковского уезда и занялся благоустройством усадьбы, превратив ее в образцовое «дворянское гнездо» с богатой библиотекой, театром, картинной галереей, оранжереей, конным заводом, посвятив себя заботам о просвещении своих крестьян и улучшении их быта.

Константин Батюшков, которому Межаков пытался подражать в своих стихах, придерживался иной литературной позиции. Он исповедовал романтический по духу принцип творчества: «Живи, как пишешь, и пиши, как живешь... Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы». Для него смысл жизни и поэзия были взаимообусловлены.

Тенденция литературного развития, обозначенная Батюшковым, не отменила, однако, явления, которое можно было бы назвать «усадебной поэзией». Оно просуществовало на протяжении всего XIX столетия, выстояло под напором драматичных для дворянства последствий крестьянской реформы и дало неожиданно яркую вспышку на рубеже веков в том же Кадниковском уезде Вологодской губернии. На этот раз черты «усадебной поэзии» воплотились в литературных занятиях Владимира Зубова, представителя старинного дворянского рода, давшего целую плеяду государственных и общественных деятелей, трудившихся на благо России и Вологодского края. Имение Кузнецово, в котором он воспитывался, было характерным образцом быта русской дворянской интеллигенции. Здесь жила многодетная дружная семья, не знавшая праздности и преданная идеалам культуры. Глава семейства Ю.М. Зубов был человеком энциклопедически образованным и успевавшим делать невероятно много на самых разных поприщах – от судопроизводства до воздухоплавания. Писал он и стихи, которые время от времени появлялись в печати. При его участии в имении выпускался домашний журнал «Кузнецовская хроника». Литературные занятия были неотъемлемой частью образа жизни, который сложился в усадьбе. При этом их плоды далеко не всегда предназначались для публикации. И старшие, и младшие Зубовы писали, прежде всего, для своих близких и для себя. Писательство было для них формой приобщения к культуре и имело не столько общественный, сколько личный смысл. Получив в подарок от отца имение Кубин Бор, Владимир Зубов перенес в него жизненные принципы, усвоенные в родительском доме. Он много работал, продвигался по службе, но и находил время для чтения, музицирования, сочинения стихов. Из написанного им сохранилось далеко не все. Сохранившееся дает полное основание причислить Владимира Зубова к достойным внимания поэтам рубежа веков – тем более, что он и биографически разделит печальную участь многих представителей этой генерации. Правда, большая часть его поэтического наследия не была опубликована. И это не просто одна из историко-литературных несправедливостей. Это также следствие принадлежности автора к особой ветви русской литературы – к «усадебной поэзии».

Если социальная принадлежность и могла в какой-то мере располагать к литературному творчеству, то, разумеется, не каждый служитель церкви и

не каждый дворянин становился поэтом. Чтобы писать стихи, помимо знания литературных образцов и основных правил версификации нужно было иметь еще и талант или, во всяком случае, склонность к занятиям подобного рода. И все-таки связь между образованием и литературной жизнью Вологодского края в XIX веке существовала. Связь эта поддерживалась в стенах учебных заведений. Н.Ф. Бунаков вспоминал, что в конце 1840 – начале 1850-х гг. сочинение стихов могло спасти нерадивого ученика Вологодской мужской гимназии от исключения и обеспечить ему право на обладание аттестатом. Гимназические поэты пользовались благосклонностью начальства, их выступления были непременной частью торжественных актов, публикации написанных ими произведений в местной, а иногда и в столичной печати расценивались как средство повышения авторитета гимназии. Это отношение к сочинителям стихов сохранилось впоследствии и в таких учебных заведениях, как Вологодская Мариинская женская гимназия (открыта в 1862 г.) и Вологодское женское епархиальное училище (открыто в 1888 г.). «Школьная поэзия» была примечательным явлением провинциальной литературной жизни, несмотря на то, что она не отличалась тематическим разнообразием, при подготовке к публичным чтениям и печати придирчиво проверялась на благонадежность и редактировалась преподавателями. Случалось и так, что текст, сочиненный учителем, выдавался за произведение гимназиста.

Стихи писали как ученики, так и педагоги. Литературные труды становились подчас одной из служебных обязанностей гимназического преподавателя. Однако это не исключало и свободного влечения к поэтическому творчеству. Не следует забывать, что в учебных заведениях того времени обычными явлениями были административный произвол, казенщина, духовная апатия, бескультурие. Об этом писали в своих воспоминаниях и Н.Ф. Бунаков, и Н.И. Иваницкий, и В.А. Гиляровский. Человек, испытывавший влечение к литературным занятиям, искал дружеской поддержки, внимания, сочувствия и одобрения своих опытов на поприще словесности. Так, во второй половине 1830-х гг. вокруг учителя истории, статистики и греческого языка Вологодской гимназии Ф.Н. Фортунатова сложился кружок любителей литературы, в который входили педагоги этого учебного заведения Н.И. Навашин, Н.И. и А.И. Иваницкие, преподаватель богословия из Вологодской семинарии П.И. Савваитов, бывший офицер Н.Е. Вуич, его приятель В.И. Соколовский, высланный из столицы за политическую неблагонадежность и ставший по протекции князя П.А. Вяземского первым редактором «Вологодских губернских ведомостей». Кружок в немалой степени способствовал развитию поэтического таланта В.Д. Макшеевой, одной из немногих женщин-поэтов Вологодского края в XIX веке. По возрасту она могла бы быть ученицей своих товарищей по кружку, но женской гимназии в Вологде тогда еще не существовало. Дочь богатого помещика, Варвара Макшеева получила хорошее домашнее образование, позволившее ей свободно общаться с выпускниками университета и духовной академии, а написанные юной поэтессой стихи публиковались в московских и петербургских журналах.

Кружок Фортунатова объединял выходцев как из дворянского, так и из духовного сословий. Стихи членов этого кружка принадлежали дворянской культуре и по образу мыслей существенно не различались. Но по мере приближения к середине XIX века понятие «дворянская поэзия» становилось все более относительным. На литературе ощутимо сказывался рост демократических умонастроений, и сама литература в немалой степени способствовала этому росту. Идеология дворянства имела своих сторонников вплоть до начала XX века. Последовательными «государственниками» были потомственные вологодские дворяне-литераторы Юрий Волков и Анатолий Брянчанинов.

Однако наиболее мощным идейным течением второй половины столетия стало народничество, выражавшее устремления разночинной интеллигенции. С ним в той или иной мере было связано большинство поэтов Вологодского края второй половины XIX века. Народническими настроениями они проникались во время пребывания в столицах или общаясь со ссыльными, оказывавшими сильное влияние на состояние умов местной интеллигенции. В 1860-х гг. на территории Вологодского края отбывали ссылку такие видные деятели народничества, как В.В. Берви-Флеровский, П.Л. Лавров, Н.В. Шелунов. С ними поддерживали знакомство местные уроженцы П.В. Засодимский и Н.А. Ивацкий. Заметное влияние политические ссыльные народнической ориентации оказали на становление взглядов юного В.А. Гиляровского.

Народничество было сложным и неоднородным явлением, имевшим много вариаций и оттенков – от революционного экстремизма до весьма умеренного либерализма. На примере поэтов Вологодского края может быть проиллюстрирована почти вся гамма его разновидностей. Николай Саблин, сын вологодского исправника, входил в политическую организацию «Народная воля» и участвовал в подготовке покушений на Александра II. Стихи, которые он писал, носили откровенно публицистический характер и служили целям революционной борьбы. Павел Засодимский был идейно близок к либеральным народникам. Он не только активно сотрудничал в народнических изданиях и писал произведения разных жанров о положении дел в пореформенной деревне, об участии социальных низов, но и сам «ходил в народ» – изучал постановку дела в крестьянских артелях, учительствовал на селе. Александр Круглов очень точно подходит под определение писателя-просветителя народнического толка, он видел свою основную задачу в том, чтобы «сеять разумное, доброе, вечное» в умах и душах читателей и тем самым способствовать улучшению участи народных масс. При всех отличиях представители разных ветвей этого идейного течения сходились в одном: их воодушевляло сознание долга интеллигенции перед народом, желание приносить ему пользу, вести его «от мрака к свету». Этим пафосом проникнуты поэмы «Складчина Трудилович» неизвестного автора и «Ночная дума» В. (Ивана?) Соколова.

Импульс к возникновению и распространению народничества давали не только социальные процессы и идейное брожение, ими вызванное. Превращению понятия «народ» в важнейшую категорию общественной и духовной жизни в немалой степени способствовал интерес к крестьянской культуре

ре, постепенно нараставший на протяжении первой половины XIX столетия. Он пробудился в эпоху романтизма, когда начался поиск первооснов национального мирозерцания («народного духа») в произведениях фольклора, в живой народной речи. К середине XIX века явственно обозначилась две культурные тенденции – «народолюбие» и «народознание». Характерную черту первой составляло восторженное преклонение перед «сеятелем и хранителем», во второй доминировало стремление к сбору, систематизации и изучению материала, необходимого для глубокого и многостороннего представления о крестьянстве. Одна тенденция не исключала другую, но вторая оказалась более продуктивной и принесла более ощутимые и долговечные плоды. Наступил «золотой век» русской этнографии и фольклористики, многие знаменательные события истории которого имели непосредственное отношение к культуре Вологодского края.

В 1841 г. в Петербурге вышел из печати сборник «Народные песни Вологодской и Олонецкой губернии», подготовленный Ф.Д. Студитским, грязовчанином по происхождению. В 1860-х гг. выдающийся фольклорист А.Н. Афанасьев опубликовал в составе своего знаменитого свода народных русских сказок целый ряд текстов, записанных на территории Вологодского края (среди них такие шедевры, как «Морозко» и «Перышко Финиста ясна сокола»). Опираясь на опыт предшественников, Н.А. Иваницкий собрал и в 1890 г. опубликовал «Материалы по этнографии Вологодской губернии», где были богато представлены описания крестьянского быта, обычаев, верований и фольклорные тексты разных жанров. А выход в свет в 1915 г. «Сказок и песен Белозерского края», собранных братьями Б.М. и Ю.М. Соколовыми, окончательно закрепил за Вологодчиной репутацию заповедника традиционной народной культуры. Созданию и упрочению этой репутации в немалой степени способствовали местные краеведы П.А. Дилакторский, А.А. Шустиков, Е.В. Кичин и многие другие. Собранные ими материалы печатались в неофициальных частях газеты «Вологодские епархиальные ведомости» (выпускался с 1838 г.) и журнала «Вологодские епархиальные ведомости» (выпускался с 1864 г.). Оба издания сыграли заметную роль в знакомстве публики и с устным народным творчеством, и с поэтами края. Правда, фольклорно-этнографические и литературные материалы на их страницах появлялись нерегулярно: место таких материалов в периодических изданиях определялось вкусами и интересами очередного редактора.

Возрастание значимости фольклора в культуре XIX века сказалось на отношении к нему литературы. В поэзии Вологодского края есть немало примеров использования сюжетов, жанров, образов, мотивов, художественных приемов, языковых средств устного народного творчества. Уже в самом начале столетия Николай Остолопов пытался писать стихи, имитирующие стиль народной песни («Не бушуйте встры буйные...»). Его подражание было основано на сентименталистском понимании фольклора, но в стихах чувствуется и знание первоисточника, народной лирической поэзии в ее непосредственном бытовании. В романтическом ключе народную песню интер-

претиривала Варвара Макшеева («Голубое небо Вдруг покрылось тучей...»). При этом следует отметить, что подражала она не столько фольклору как таковому, сколько Алексею Кольцову, чье творчество с конца 1830-х гг. стало своеобразным эталоном освоения народной поэзии литературой. Именно Кольцову наиболее охотно подражали писавшие о народе поэты Вологодского края второй половины XIX века. Его влияние ощутимо сказывается в стихах Василия Красова, Вячеслава Гусева, Семена Киснемского, Никтополиона Святского. В 1870-х гг. появляются подражания народному творчеству в некрасовском духе.

Помимо лирической песни, внимание поэтов привлекали и другие жанры фольклора. Перу Анатолия Брянчанинова принадлежат поэтические обработки народных сказок и былин. «Петушок» Павла Вересова является литературной версией одной из наиболее известных сказок о животных «Петух и жерновцы». В его балладе «Сила молитвы» использованы мотивы двух фольклорных жанров – легенды и былички. В баснях Семена Образцова, которые автор считал подражаниями «дедушке Крылову», можно найти переключки с народной бытовой сказкой. Д. Всесвятский в стихотворении «Причеты» отразил существование в современной ему деревне одного из наиболее архаичных жанров устного народного творчества, связанного с похоронным обрядом. Анонимная поэма «Сверлюк Стерлюк Харахорович» начинается со стихотворного переложения местного предания о проклятии Ивана Грозного, тяготеющем над Вологодой. Сама по себе эта поэма – любопытный образчик литературной мистификации, стилизации под произведения устного народного творчества. Возможно, что ее автором был П. И. Савваитов, передавший в журнал «Москвитянин» фрагмент о злополучном посещении царем Иваном Васильевичем строительства вологодской Софии.

Хотя фольклор и литература – разные типы творчества, непреходимой границы между ними нет. Влияние фольклора на литературу было более сильным, но случалось и обратное. Примером того служат стихотворение Феодосия Савинова «Родное», которое стало текстовой основой народной песни «Вижу чудное приволье...», и «Улица» Василия Сиротина, снискавшая популярность в широких массах и распевавшаяся далеко за пределами Вологодчины.

Параллельно поиску путей сближения демократически настроенной интеллигенции с народом шел и процесс развития самосознания крестьянства. Он получил воплощение и в литературном творчестве, поспособствовав появлению плеяды крестьянских поэтов. Первым из них на территории Вологодского края был, по-видимому, Григорий Историков, крепостной графини Спренгпортен, владевшей землями и душами в Грязовецком уезде. В самом начале 1840-х гг. его отправили в Петербург учиться переплетному делу. Там он не только удовлетворил рано вспыхнувшую в нем страсть к чтению, но и сам попробовал сочинять. Художественный уровень написанных им стихов невысок, на них печально сказалось как отсутствие систематического образования, так и слабое владение поэтической техникой. Между тем оценивать их

нужно не только по сугубо литературным критериям. Они интересны как событие, примечательное с точки зрения социальной психологии: крепостной крестьянин начинаст осознавать себя субъектом культуры, чувствует необходимость выразить свой взгляд на мир в слове, предпринимает попытку войти в русскую поэзию в качестве выразителя дум и чаяний многомиллионного крестьянства. После отмены крепостного права примеры такого рода перестали быть исключением. В то же время драматизм судьбы крестьянского поэта не утратил своей остроты. Об этом свидетельствует печальный итог борьбы с жизненными обстоятельствами Николая Дорогина, поэта-самоучки из села Ирхино Вологодского уезда. Он мечтал получить гимназическое образование, чтобы подняться на более высокий творческий уровень, а вынужден был служить сидельцем в винной лавке, участвуя тем самым в глубоко противном ему спаиванию народа. Нежелание смиренно принять навязанную судьбой роль привело его к добровольному уходу из жизни.

Так же непросто, но в целом более благополучно складывались литературные биографии крестьянских детей, пополнявших ряды разночинной интеллигенции и становившихся учителями, государственными или земскими чиновниками, «вольными художниками». Сын белозерского крестьянина Павел Вересов по собственной инициативе поступил в учительскую семинарию, окончил ее, самоотверженно трудился на ниве народного просвещения, публиковал свои сочинения в педагогических журналах и выпустил их в Вологде отдельной книгой. Он писал стихи на разные темы, людам из народа посвящены его поэмы «Андрей Томигор», «Ополченец», «Горе нееловца», «Пахом Поздзатыльница и его благодетели». Из крестьян Череповецкого уезда происходил Иван Соколов, тоже окончивший учительскую семинарию, но избравший иной род занятий. С трудом обосновавшись в Петербурге, он сумел войти в литературный мир столицы и стать желанным сотрудником целого ряда периодических изданий. Принесший ему известность цикл очерков «Дома» основывался на материале сельской жизни тех мест, где прошли его детство и юность. Кумиром Соколова в поэзии был Некрасов, которому во второй половине XIX века принадлежала пальма первенства в разработке крестьянской темы. Андрей Шустикова родился в семье бывшего крепостного крестьянина Кадниковского уезда. Ему удалось попасть в число вольнослушателей Киевского университета. За увлечение идеями революционеров-народников он был оттуда изгнан, вернулся на родину, крестьянствовал, жил в Вологде, избирался гласным городской думы, занимался сбором этнографических и фольклорных материалов, писал очерки и рассказы из народной жизни. Его этнографический очерк «Тавреньга Вельского уезда» Русское географическое общество отметило Малой золотой медалью. Шустиков сочинял и стихи, но они в его наследии занимают скромное место.

В XX век поэзия Вологодского края вступила незаметно. Конечно, хронологическая граница между столетиями внимание поэтов привлекла, и стихи по поводу ее пересечения тоже были написаны. Однако литературная хронология далеко не всегда совпадает с календарной. На протяжении пер-

вого десятилетия XX века в литературе Вологодского края все еще «благополучно катился» XIX век. Новомодные столичные веяния в искусстве касались ее мало.

Нельзя сказать, что эти веяния остались вовсе незамеченными. Одним из первых симптомы их возникновения уловил еще в начале 1890-х гг. Владимир Зубов. Приверженец идейно-художественных принципов «золотого века» дворянской культуры, он не принял нарождающийся модернизм и высмеял его в цикле стихотворений-пародий. Человек того же поколения, Сергей Касаткин отнесся скептически и к духовным итогам миновавшего столетия, и к ближайшим перспективам существования человечества. Трезво мыслящие люди, они, тем не менее, не подозревали, чем обернется новое столетие для них самих и для других поэтов, которым суждено было стать очевидцами глобальных потрясений, изменивших облик не только поэзии, но и всей русской жизни.

В самом начале XX века уже печатали свои первые произведения Николай Клюев и Игорь Северянин, однако их голоса не были пока еще отчетливо слышны. Продолжали творческие пути Анатолия Брянчанинова, Александра Крутилова, Павла Засодимского, Владимира Гиляровского, Павла Вересова – писателей, сформировавшихся в прошлом столетии. Недавно пришедший в литературу поэт и журналист Михаил Швецов часто выступал на страницах вологодских газет с лирическими и сатирическими стихами, которые вписывались в классическую традицию, были ориентированы на «вечные» ценности.

Ситуация начала заметно меняться накануне Первой мировой войны. XX век вступал в свои права и в литературе Вологодского края. В судьбах поэтов первых десятилетий XX века так или иначе отразились события трех русских революций, Первой мировой и Гражданской войн, сложные перипетии строительства социализма и сталинский террор. Евгения Студенецкая родилась в семье политических ссыльных. Анатолий Субботин воевал и в царской, и в Красной армиях. Иван Марков скончался, заболев тифом на фронте. Питирим Сорокин являлся одним из лидеров партии эсеров, личным секретарем А.Ф. Керенского и был выслан советским правительством из страны. Каллистрат Жаков и Игорь Северянин также оказались в эмиграции. Иван Булатов яростно проповедовал коммунистические идеалы. Алексей Ганин стал одной из первых жертв тоталитаризма. Позднее был расстрелян и Николай Клюев. Заключение в лагерь подвергались Евгений Попов и Борис Непеин. Ссылка в Сибирь решающим образом повлияла на биографию Анатолия Пестюхина. Александр Яшин, будучи советским писателем и по убеждениям, и по характеру творчества, мучился в конце жизни сознанием неблагополучия пройденного пути.

Драматично складывались и судьбы творческого наследия этих поэтов. Имена репрессированных и эмигрировавших писателей долгое время находились под запретом, а их произведения не публиковались. С конца 1960-х гг. началось постепенное возвращение к читателю Северянина, десятилетием позже достоянием публики стали стихи Клюева. Оба они считаются теперь крупней-

шими фигурами в русской поэзии Серебряного века. В начале 1990-х гг. стали вновь доступными для читательских масс произведения Алексея Ганина. Тогда же соотечественники выдающегося социолога Питирима Сорокина получили возможность свободно знакомиться с его трудами. Что же касается литературного творчества этого разносторонне талантливого человека, то оно до сих пор остается малоизвестным и практически неизученным. Трудно оценить духовные потери, обусловленные долговременным изъятием из культурной жизни произведений Каллистрата Жакова. Его поэма «Биармия», ожидавшая публикации три четверти столетия, квалифицируется ныне как коми литературный эпос, как явление особо значимое для народа, чья история тесно связана с Вологодским краем. Произведение это пока также известно не столь широко, как того заслуживает.

Многие из местных поэтов первой трети XX века не претендовали на всероссийскую известность и публиковались преимущественно в губернских и уездных периодических изданиях. В это время Вологда переживала издательский бум. Здесь выходили десятки газет и небольших журналов. Некоторые из них прекращали существование после выпуска одного – двух номеров, другие оказывались более живучими. Но в любом случае редакторы были заинтересованы в привлечении новых литературных сотрудников. Кроме того, в губернии издавались книги краеведческого характера и сборники художественных произведений – в том числе поэтических. Чаще всего это были небольшие по формату и объему книжки в скромном типографском исполнении. Но они способствовали развитию интереса к художественному творчеству, формированию культурного пространства на территории края.

Литературная жизнь Вологодчины в 1900–1920-е гг. отличалась богатством и разнообразием. Судя по газетам того времени, в губернском центре и некоторых уездных городах привычным явлением стали публичные лекции на литературные темы и выступления поэтов. При периодических изданиях стихийно складывались объединения молодых писателей и журналистов. В середине 1920-х гг. в Вологде возникли литературные группы «Борьба» и «Спайка». Первая из них находилась под идеологическим влиянием РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), вторая тяготела к московской группе «Перевал», ориентированной на общечеловеческие ценности. На рубеже 1920–1930-х гг. советское государство взяло курс на полное подчинение «мастеров культуры» своей политике, и литературная жизнь начала утрачивать необходимое для творческих поисков многообразие.

В предлагаемом издании представлены около ста поэтов. Конечно, этот ряд можно значительно пополнить. Далеко не ко всем нужным источникам удалось получить доступ. Есть еще немало имен, до сих пор не выявленных. Требуют специальных разысканий и уточнений многие биографические факты. Хочется надеяться, что книга будет не только читаться, но и даст импульс для дальнейших разысканий по теме, вынесенной в ее заглавие.

Она предназначается для всех, кто интересуется культурой Вологодского края, получившей воплощение в стихах, и в первую очередь – для учителей литературы и школьников, то есть для тех, кто готовит будущее, и для тех, кому это будущее принадлежит.

Составитель благодарит людей, оказавших ему помощь в сборе материала для книги, и прежде всего – сотрудников Вологодской областной универсальной научной библиотеки Наталью Николаевну Фарутину и Елену Леонидовну Демидову.

С. Ю. Баранов

ЗАДОНЩИНА

(Кирилло-Белозерский список)

Поидемь, брате, в полуночную страну жребии Афетову, сына Ноева, от него же родися Русь преславная. Оттоле взыдемь на горы Киевския.

Первее всехъ вшедь восхвалимь вешаго Бояна в городе в Киеве, гораздо гудца. Тои бо вещии Боянь воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу русскимь княземь: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимеровичю, восхваляя ихъ песни и гуслеными буинными словесы на русскаго господина князя Дмитриа Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича, зане же ихъ было мужество и желание за землю Русьскуюю и за веру христианьскуюю.

От тоя рати и до Мамаева побоища.

Се азъ князь великый Дмитрии Иванович и братъ его князь Володимеръ Ондреевич поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крепостью, помянувше прадеда князя Володимера Киевскаго, царя русскаго.

Жаворонокъ птица, в красныя дни утеха, взыди под синие облакы, пои славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его Володимеру Ондреевичю. Они бо взнялися какъ соколи со земли Русския на поля половецкия.

Кони ржуть на Москве, бубны бьютъ на Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенить слава по всеи земли Русьской, чюдно стязи стоять у Дону великого, пашутся хоригови берчати, светятся калантыри злачены, звонят колоколи вечнии в Великом в Новгороде. Стоять мужи наугородци у святыя Софии, а ркучи такову жалобу: «Уже намь, брате, к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособь не поспети».

Тогда аки орли слетошася со всея полуношныя страны. То ти не орли слетошася, съехалися все князи русския к великому князю Дмитрею Ивановичю на пособь, а ркучи такъ: «Господине князь великый, уже погании татарове на поля на наши наступаютъ, а вотчину нашу у нас отнимають, стоять межю Дономь и Днепромь, на рице на Чече. И мы, господине, поидем за быстрюю реку Донъ, укупимь землямь диво, старымь повесть, а младымь память».

Тако рече князь великый Дмитрие Иванович свои братии русскимь княземь: «Братьеца моя милая, русские князи, гнездо ес-

мя были едино князя великаго Ивана Данильевича. Досюды есмья были, брате, никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни белу кречату, ни тому псу поганому Мамаю».

Славии птица, что бы еси вышекотола сиа два брата, два сына Вольярдовы, Андрея Половетцаго, Дмитриа Брянскаго. То бо бяше сторожевыя полкы, на щите рожены, под трубами поють, под шелома възлелеаны, конець копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовьской земли.

Молвяше Андреи к своему брату Дмитрею: «Сама есма два брата, дети Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколдимеровы. Сядемь, брате, на свои борзи комони, испиемь, брате, шеломомь своимь воды быстрого Дону, испытаемь мечи свои булатныя. Уже бо, брате, стукь стучить и громь гремить в славне городе Москве. То ти, брате, не стукь стучить, ни гром гремит, стучить сильная рать великаго князя Ивана Дмитриевича, гремьять удалци золочеными шелома, черлеными щиты. Седлаи, брате Ондреи, свои борзи комони, а мои готови напреди твоих оседлани».

Уже бо всташа силнии ветри с моря, прилеleyша тучю велику на усть Непра, на Русскую землю. Ис тучи выступи кровавыя оболока, а из них пашють синие молнии. Быти стуку и грому велику межю Дономь и Непромь, идеть хинела на Русскую землю. Серие волци воють, то ти были не серые волци, придоша поганые татарове, хотять проити воюючи, взяти всю землю Русскую.

Тогда же гуси гоготаше, и лебеди крилы възплескаша. То ти не гуси гоготаша, ни лебеди крилы възплескаша, се бо поганый Мамаи приведе вои свои на Русь.

Птици небесныя пасущесе то под синие оболока, ворони грають, галици свои речи говорять, орли восклегчють, волци грозно воють, лисици часто брешють, чають победу на поганыхь, а ркучи такь: «Земля еси Русская, какь еси была доселева за царем за Соломоном, такь буди и нынеча за княземь великимь Дмитриемь Ивановичемь».

Тогда же соколи и кречати, белозерские ястреби позвонять своими злачеными колоколци.

Уже бо стукь стучить и громь гремить рано пред зорею. То ти не стукь стучить, ни громь гремит, князь Володимерь Ондреевич ведеть вои свои сторожевыя полкы к быстрому Дону, а ркучи такь: «Господине князь Дмитреи, не ослабляи, уже, господине, поганый татарове на поля на наши наступають, а вои наши отнимають».

Тогда же князь великий Дмитрие Иванович ступи во свое золотое стремя, вседь на свои борзый конь, принимая копие в правую руку. Солнце ему на востоце семтября 8 в среду на рожество пресвятыя богородица ясно светить, путь ему поведаетъ, Борис Глеб молитву творять за сродники свои.

Тогда соколи и кречати, белозерскыя ястреби борзо за Донь перелетеша, ударишася на гуси и на лебеди.

Грянуша копия харалужныя, мечи булатныя, топори легкые, щиты московскыя, шеломы немецкые, боданы бесерменскыя.

Тогда поля костыми насеяны, кровью полиано. Воды возпиша, весть подаваша по рожнымъ землямъ, за Волгу, къ Железнымъ вратомъ, к Риму, до Черемисы, до Чяховъ, до Ляховъ, до Устюга поганыхъ татаръ, за дышущем моремъ. Того даже было нелепо стару помолодиться.

Хоробрыи Пересвет поскакиваетъ на своемъ вещемъ сивце, свистомъ поля перегороди, а ркучи таково слово: «Лучши бы есмя сами на свои мечи наверхлися, нежели намъ от поганыхъ положенымъ пасти». И рече Ослебя брату своему Пересвету: «Уже, брате, вижу раны на сердци твоемъ тяжки. Уже твоеи главе пасти на сырую землю на белую ковылу моему чаду Иякову. Уже, брате, пастуси не кличють, ни трубы не трубять, толко часто ворони грають, зогзици кокують, на трупы падаючи».

Тогда же не тури възрыкають на поле Куликове на речке Непрядне, взопаша избиении от поганыхъ князи великихъ и боярь сановныхъ, князя Федора Романовича Белозерскаго и сына его князя Ивана, Микулу Васильевича, Федоръ Мемко, Иванъ Сано, Михаило Вренковъ, Иаковъ Ослебятинъ, Пересветъ чернец и иная многая дружина.

Тогда же восплакашася горко жены боярыни по своихъ осподарехъ в красне граде Москве. Восплачется жена Микулина Мария, а ркучи таково слово: «Доне, Доне, быстрыи Доне, прошель еси землю Половецкую, пробиль еси берези хараужныя, прилелеи моего Микулу Васильевича». Восплачется жена Иванова Федосия: «Уже наша слава пониче в славне городе Москве».

Не одина мати чада изостала, и жены боярскыя мужей своихъ и осподаревъ остали, глаголюще к себе: «Уже, сестрици наши, мужей нашихъ в животе нету, покладоша головы свои у быстрого Дону за Русскую землю, за святыя церкви, за православную веру з дивными удалци, с мужескыми сыны».

В лето 6888 бысть Мамаевчина, Маматякъ за Дономъ на усть Непрядвы. Тогда было благовещение на Пасху, по смерти Алексия митрополита на третей годъ бои был. В лето 6889 во праздникъ вознесения господня прииде изо Царяграда на Русь Киприанъ митрополить, годъ спустя по Задончине. В лето 6890 бысть Тахтамышевщина августа 20 на князя на Дмитриа Ивановича и взя Москву и много зла сътвори. В лето 6891 князь велики Дмитрие сослалъ Киприана митрополита на третей годъ по Задонщине. В лето 6896 мая 19 преставися князь велики Дмитрие Иванович по Задонщине на осмой годъ. В лето 6897 выиде изъ Царяграда Киприанъ митрополить, а с нимъ два митрополита послы. В лето 6900 сентября 25 преставися старецъ Сергии по Задонщине 13 лет прешло. Тое же осени октября 24 выиде из Орды князь велики Василие Дмитриевич. В лето 6915 сентября 15 преставися Киприанъ митрополить, пасъ церковь божию лет 30. Богу нашему слава ныне.

1470-е годы

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

Пойдем, братья, в северную страну, удел Афета, сына Ноева, от которого берет начало Русь преславная. Оттуда взойдем на горы Киевские.

Взойдя, прежде всех восславим вещего Бояна в городе в Киеве, искусного гусляра. Ибо тот вещий Боян, перебирая своими златыми перстами живые струны, пел славу русским князьям: первую – князю Рюрику, вторую – Игорю Рюриковичу и Святославу Ярославичу, третью – Ярославу Владимировичу, мы же восхвалим теми песнями и звоном гуслей владетельного русского князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, ибо они проявили мужество и желание постоять за землю Русскую и за веру христианскую.

От той битвы на Калке и до Мамаева побоища.

И вот великий князь Дмитрий Иванович и брат его князь Владимир Андреевич закалили сердца свои мужеством, собрались с силами, помянули прадеда князя Владимира Киевского, царя русского.

Жаворонок-птица, радостных дней утеха, взлети к синим небесам, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу. Ибо они взлетели, словно соколы, с земли Русской на поля Половецкие. Кони ржут в Москве, бубны бьют в Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенит слава по всей земле Русской, чудно стоят знамена у Дона Великого, реют расшитые знамена, блещут панцири золоченые, звонят вечевые колокола в Великом Новгороде. Стоят новгородские мужи у святой Софии, говоря так: «Неужто нам, братья, к великому князю Дмитрию на помощь не поспеть?»

Тогда словно орлы слетелись со всей северной страны. Нет, то не орлы слетелись, съехались все князья русские на помощь к великому князю Дмитрию Ивановичу, говоря так: «Господин великий князь, уже поганые татаровья на поля наши наступают, вотчины наши захватывают, стоят между Доном и Днестром на реке на Чече. И мы, господин наш, пойдем за быструю реку Дон, явим всем землям чудо, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили».

Великий князь Дмитрий Иванович своим братьям русским князьям отвечает так: «Братья мои милые, русские князья, все мы

из одного гнезда великого князя Ивана Даниловича. До сих пор ни от кого не знали обиды: ни от сокола, ни от кречета, ни от того поганого пса Мамай».

Соловей-птица, вот бы тебе прославить своим пением двух этих братьев, двух сыновей Вольярдовых: Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского. Предводители сторожевых полков, они на щите рождены, под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, с острого меча поены в Литовской земле.

Молвит Андрей своему брату Дмитрию: «Мы с тобой два брата, дети Ольгердовы, внуки Гедиминовы, правнуки Сколомендовы. Сядем, брат, на своих борзых коней, зачерпнем, брат, шлемом своим воды быстрого Дона, испытаем мечи свои булатные. Ибо уже, брат, стук стучит и гром гремит в славном городе Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит, то стучит сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича, то гремят удалцы золочеными шлемами и червлеными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже прежде твоих готовы».

Вот уже поднялись сильные ветры с моря, принесли великую тучу к устью Днепра, на Русскую землю. Из тучи вышли кровавые облака, а из них бьют синие молнии. Быть стуку и грому великому между Доном и Днепром, идут хинове на Русскую землю. Серые волки воют, то не серые волки были, пришли поганые татаровья, хотят пройти с боем и захватить всю землю Русскую.

Тогда же гуси загоготали и лебеди крыльями всплескали. То не гуси загоготали, не лебеди крылами всплескали, это поганый Мамай привел своих воинов на Русь.

Птицы небесные стерегут добычу под синими облаками, вороны грают, галки свои речи говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, лисицы часто лают, предвещают победу над погаными, говоря так: «Земля эта – Русская, как если бы до сей поры была за царем Соломоном, так будешь и теперь за князем великим Дмитрием Ивановичем».

Тогда же соколы и кречеты, белозерские ястребы позвонят своими золочеными колокольчиками.

Уже ведь стук стучит и гром гремит перед утренней зарей. Это ведь не стук стучит, не гром гремит, князь Владимир Андреевич ведет воинов своих сторожевых полков к быстрому Дону, говоря так: «Господин князь Дмитрий, держись крепко, уже, госпо-

дин мой, поганые татаровья на поля наши наступают, а наши воины их защищают».

Тогда великий князь Дмитрий Иванович вступил в свое златое стремя, сел на борзого коня, взял копьё в правую руку. Солнце ему на востоке 8 сентября, в среду, на рождество Пресвятой Богородицы ясно светит, путь ему указывает, святые Борис и Глеб молитву творят за сродников своих.

Тогда соколы и кречеты, белозерские ястребы скоро за Дон перелетели, ударили на гусей и на лебедей.

Грянули копьё каленые, мечи булатные, топоры легкие, щиты московские, шлемы немецкие, копьё басурманские.

Тогда стали поля костями засеяны, кровью политы. Воды возопили, разнесли весть по разным землям: за Волгу, к Железным вратам, к черемисам, к чехам, к полякам, в Устюг, к поганым татарам, за волнующееся море. Слыша то, старому человеку стоило и юность вспомнить.

Храбрый Пересвет скачет на своем вешем сером коне, свистом поля перегородил, и говорит такую речь: «Лучше самим на свои мечи броситься, нежели от рук поганых пасть». И сказал Ослябя брату своему Пересвету: «Уже, брат, вижу тяжкие раны, нанесенные в сердце твое. Уже суждено твоей главе пасть на сырую землю, а моему чаду Якову – на белый ковыль. Уже, брат, окрест пастухи не кличут, трубы не трубят, только вороны часто грают, кукушки кукуют, на трупы слетаясь».

Тогда же не туры заревут на поле Куликовом на речке Непрядве, оплакивая избивенных погаными князей великих и бояр знатных: князя Федора Романовича Белозерского и сына его, князя Ивана, Микулу Васильевича, Федора Мемко, Ивана Сано, Михаила Вренкова, Якова Ослебятина, Пересвета-чернеца и многих иных дружинников.

Тогда заплачут горько боярыни по своим мужьям в красном городе Москве. Всплачется жена Микулы Мария, говоря такую речь: «Дон, Дон, быстрый Дон. Ты протек по всей земле Половецкой, пробил берега нерушимые. Принеси на своих волнах моего Микулу Васильевича!» Восплачется жена князя Ивана Феодосия: «Уже наша слава поникла в славном городе Москве».

Не одна мать своего чада лишилась, и жены боярские мужей своих и хозяев потеряли, говоря друг другу: «Уже, сестрицы, мужей наших в живых нет, сложили они головы свои у быстрого До-

на за Русскую землю, за святые церкви, за православную веру с дивными удалцами, с отважными сынами».

В 6888 (1380) году была Мамаевщина, Маматяк за Доном в устье Непрядвы. Тогда было благовещение на Пасху, после смерти Алексия-митрополита на третий год битва была. В 6889 (1381) году, в праздник Вознесения Господня, пришел из Царьграда на Русь Киприан-митрополит – год спустя по Задонщине. В 6890 (1382) году была Тохтамышевщина – августа 20 в княжение Дмитрия Ивановича, и взяли татары Москву и много зла сотворили. В 6891 (1383) году великий князь Дмитрий сослал Киприана-митрополита – на третий год после Задонщины. В 6896 (1389) году 19 мая представился великий князь Дмитрий Иванович – после Задонщины на восьмой год. В 6897 (1390) году выехал из Царьграда Киприан-митрополит, а с ним два митрополита – послы. В 6900 (1391) 25 сентября преставился старец Сергей – после Задонщины 13 лет прошло. Той же осенью, 24 октября, выехал из Орды великий князь Василий Дмитриевич. В 6915 (1406) году 15 сентября преставился Киприан-митрополит, который пас церковь Божию 30 лет. Богу нашему слава ныне.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Задонщина* – литературный памятник конца XIV – начала XV в., посвященный победе объединенных русских войск, которыми командовал великий князь Московский и Владимирский Дмитрий Иванович (1350–1389), над войсками Золотой Орды под предводительством темника Мамаю. Битва эта произошла 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле между Доном и Непрядвой. Началась она поединком богатырей Пересвета и Темир-мурзы (Челубея). Оба поединщика погибли. Атаку татарской конницы на центр русского боевого порядка сдержал запасной полк. Удары засадных полков в тыл и по правому флангу татар привели к разгрому Мамаю. Дмитрий Иванович после этой победы получил прозвище Донского. Куликовская битва стала важнейшей вехой в освобождении Руси от татаро-монгольского ига. В битве, согласно памятникам древнерусской письменности, участвовали 15 белозерских князей, некоторые из них названы по именам: Федор Семенович (Романович) Белозерский с сыном Иваном (оба погибли), Семен Михайлович, Андрей Кемский и Андомский, Глеб Каргопольский и Ярославский (Цыдонский).

«Задонщина» предположительно датируется 80-ми гг. XIV в. Памятник сохранился в шести списках, которые восходят к не дошедшему до нас первоисточнику. Публикуется он обычно как реконструкция, осуществленная на основе всех шести вариантов. Публикуемый Кирилло-Белозерский список является самостоятельной редакцией произведения, представляющей собой сокращенную его переработку. Список этот сделан монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином в 70-х гг. XV в. Ему же принадлежит и название, закрепившееся за памятником. Полное название произведения в редакции Ефросина: «Писание

Софония старца рязанца, благослови Отче: Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича». Авторство неизвестно по другим источникам Софония рязанца многим исследователям представляется сомнительным. Характерной особенностью «Задонщины» является широкое использование цитат, реминисценций, образов из «Слова о полку Игореве». Оба памятника древнерусской словесности написаны ритмической прозой, которая квалифицируется как один из способов стихосложения.

...*удел Афета, сына Ноева, от которого берет начало Русь преславная.* – Считалось, что в соответствии с Библией Русь находится в той части земли, которая после потопа была отдана в удел сыну патриарха Ноя Иафету (Афету). *Боян (Баян)* – русский поэт-певец, живший предположительно в XI–XII вв.; впервые упоминается в «Слове о полку Игореве». *Рюрик* – варяжский князь, призванный в 862 г. ильменскими славянами княжить в Новгород; основатель династии Рюриковичей. *Игорь Рюрикович (?–945)* – великий князь Киевский с 912 г. *Святослав Ярославич (1027–1076)* – великий князь Киевский с 1073 г. Возможно, здесь ошибка и в виду имеется *Святослав Игоревич (945–972)*, великий князь Киевский. *Ярослав Владимирович (ок. 988–1054)* – Ярослав Мудрый, великий князь Киевский с 1019 г. *Владимир Андреевич (1353–1410)* – двоюродный брат Дмитрия Донского, князь Серпуховской, за свои подвиги получивший прозвище Храбрый. *От той битвы на Калке и до Мамаева побоища.* – Фраза, вероятно, не завершена; Калка – река, на которой монголо-татары впервые столкнулись в 1223 г. с русскими дружинами и разбили их. ...*помянули прадеда князя Владимира Киевского, царя русского.* – Слово «прадед» здесь употреблено в значении «предок»; «прадедом» назван Владимир I Святославич (?–1015), великий князь Киевский с 980 г., креститель Руси; царем он не был, первым в России царский титул принял Иван IV Грозный в 1547 г. *Поля Половецкие* – занимаемые монголо-татарами земли. *Вечевые колокола* – колокола, предназначенные для созыва вече (народного собрания). *Святая София* – главный новгородский храм. *Чеча* – искаженное название реки Красивая Меча, правого притока Дона. *Иван Данилович* – Иван I Калита (до 1296–1340), в начале XIV в. княжил в Переславле-Залесском, затем в Москве, а впоследствии стал великим князем Владимирским. *Вольярд* – Ольгерд (1345–1377), великий князь Литовский, находившийся на службе у великого князя Московского. *Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский* – князья, служившие, как и их отец Ольгерд, великому князю Московскому. *Гедимин (?–1341)* – великий князь Литовский с 1316 г., основатель династии Гедиминовичей. *Сколоченд* – вероятно, литовский князь Едирвил-Скирмунт (XIII в.). *Хинове* – обобщенное название степных кочевых народов. *Соломон* – царь Израильско-Иудейского царства в 965–928 гг. до н. э. *Борис (до 988–1015)* и *Глеб (?–1015)* – сыновья Владимира I Святославича, канонизированные Русской православной церковью как невинно убиенные; считались покровителями русских князей. *Железные врата* – Дербент, город на западном побережье Каспийского моря, завоеванный в XIII в. монголами; автор мог также иметь в виду теснину в среднем течении Дуная, носившую такое же название. *Черемисы* – марийцы, народ в Поволжье. *Пересвет (Александр)* – монах Троицкого монастыря, которого Сергей Радонежский послал вместе с иноком Ослябей на Куликово поле; был уроженцем города Любеча, до пострига – брянским боярином, «великим ратником», умеющим «устанавливать полки»; поединком Пересвета с татарским богатырем началась Куликовская битва. *Ослябя (Роман, в иночестве Родион)* – инок Троицкого монастыря, посланный вместе с Пересветом на Куликово поле Сергием

Радонежским (до пострига был московским боярином). ...*моему чаду Якову* – Яков Ослебягин упомянут также в некоторых вариантах другого памятника Куликовского цикла, «Сказания о Мамаевом побоище»; согласно этому источнику, он был ратником первого сторожевого (разведывательного) отряда. *Непрядва* – западный приток Дона, одна из естественных границ Куликова поля. *Микула (Васильевич)* – московский воевода, свояк Дмитрия Донского. *Алексий* – русский митрополит с 1354 г.; был главой московского правительства при малолетнем Дмитрии Ивановиче; канонизирован Русской православной церковью. *Киприан* – митрополит с 1390 г.; канонизирован Русской православной церковью. *Царьград* – Константинополь. *Тохтамышевичина* – осада и разорение Москвы и других городов Северо-Восточной Руси войсками татаро-монгольского хана Тохтамыша. *Старец Сергей* – Сергей Радонежский (ок. 1321–1391), подвижник, чудотворец, основатель Троице-Сергиева монастыря, поддерживавший объединительную и национально-освободительную политику Дмитрия Донского; канонизирован Русской православной церковью. *Василий Дмитриевич* (1371–1425) – Василий I, сын Дмитрия Донского, великий князь Московский, получивший в Золотой Орде ярлык на Нижний Новгород, Муром, Городец, Тарусу и Мещеру.

Семен Шаховской

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУ ДИМИТРИЮ, ВОЛОГОДЦКОМУ ЧЮДОТВОРЦУ

О, преблагий наш пастырю и учитель!
О, великий чудотворец Димитрий!
Услыши мя, грешного, молящего ти ся,
призывающе имя твое святое на ся.
Вижди мя, убогово, в толище беде суще погружаема,
вижди мя, немощного и уловляема
отовсюду, и всякаго блага лишенна,
и умом от малодушия помраченна.
Потщися, святче Божий, плененнаго свободити
мя, не остави мя, грешного, врагом в радость быти
и лукавых моих деяний умрети.
Моли о мне, грешнем и блуднем, содетеля моего и владыку,
ему же ты со безплотными предстоиши лики.
Молитва ко мне сотвори Бога моего.
В нынешнем веце и в будущем,
да не воздаст ми по делом моим
и по нечистоте сердца моего,
но по своей благости воздаст ми.
На твое бо милосердие уповаю и тобою ся хвалю,
и имя твое святое на помощь призываю,
и к цельбоносному гробу твоему недостойный аз припадаю,
и исцеления прошу: избави мя, светильниче Христов,
от злых бед, находящих на мя,
и встающая волны укроти.
Отовсюду да не обымет мя напасть за имя твое святое,
и не погрязну в пучине глубоце,
в тимении греховне.

Моли, преподобне Димитрие, даровати мне,
грешному, от Христа Бога велию милость.

<Начало 1620-х или 1649>

МОЛИТВА ПРОТИВ РАЗЛУЧЕНИЯ СУПРУЖЕСТВА

Помилуй, Господи Царю,
и сохрани жену мою.
Аще и незаконно поях ю,

и чада моя,
еже еси даровал, презря
моя согрешения.

Соблюди их, Владыко, и помилуй,
и долгоденьствия даруй.

Во здравии и спасении
посети, Владыко, милосердием

своим.
Во веки, аминь.

<Около 1622>

ПРИМЕЧАНИЕ. Молитва была написана после того, как по повелению патриарха Филарета князя Шаховского разлучили с четвертой его женой и детьми, поскольку многократное супружество церковью не признается действительным.

Тимофей Акундинов

ДЕКЛАРАЦИЯ МОСКОВСКОМУ ПОСОЛЬСТВУ

Пять камней Давыд имел в пастуше тоболе,
коли, не стерпев от неприятель сердечнов боле,
шол смело против страшного Галиада
израильтянского верне боронянти стада.

<...>

Галиаду спясю дух и гордости забила.
Тако и мы во имя Божие имеем с пяти смыслов готовых
на неприятеля пять вершей сложоных.

1

Хвала милостивому святому Богу!
От неприятеля бежав через осьмь земель, не приткнули
мы о камен свою ногу,
а не нарушили здоровья и чести и сана,
и ныне есте мы под крылами милости турсково
Ибрагим султана,
дву цесарств и сту царств и двухсот пятидесяти
кролевств трех частей света монархи,
той может стереть неприятеля и моих карки;
его же слава по то ся на земли пусть сладит,
поки в небе звезды и месяц светит.

2. На поносителей ответ

О Москва, мати клятвопреступления,
много в тебе клопотов и нестроения!

И ныне ты, не иставшися, и крови жаждаеть
и на своего господина клеветный лук напрязаешь.
Хто тебе што милой отчизне здавна послугует,
на того твоя ненависть всеу негодует.
Тех древних своих княжат уставы отверзаешь,
а новых выродков, мнимых князей, приямляешь
и их, наскокателей, почитаешь и обогащаешь,
а чужими бедами отнюдь ся не наказуешь.
Хочешь или льстивое жалованье с их познати, —
советую ти и разуму их и любви внимати.
Изрини от себе тех митрополитанчиков окаянных,
наших и отца нашего государя — царя врахов
непостоянных,
и послушай Христа и Спаса твоего,
а прими мене в дом достояния моего.
Я естем мнимый подьячей, а истинный
царевич Московский,
яко же иногда крал Аполон Тирский.
Я естем здесь непознанный князь Шуйский,
яко же иногда и Овиан, цесарь Римский.
Его свои, ему познавши, на престол звездоша,
тако ж и ты, Москва, не презри мене, изнемогоша.
А коли будут твои детки поносити нас чем,
мы с образца своих родитель на винник хвастая
не будем жаловать ни в чем.

3. На Филарета митрополита

У трех товарищев был один хлеб заветный:
тому из них съесть, кто сон увидит хвалебный.
А сами были розными обычи товарищи:
один горд, другой лукав, третий вран на нырыщи.
Но лукавый гордого и враноподобного обманул,
их в бучи лукавством потопил и сам в нем утонул.
<...>

Царствовати ж устроил сына своего митрополитанского.
А гордому королевичу польскому царствование
Московское яко во сне ся снило,

враноподобному ж тушинскому вору на ево безголове
не долго власти было.

А все те от Филарета были злых браней дела,
хотя Польска благословенной Москвы не овладела.

На устье меча народ весь был пояден
и от конца до конца земли огнем поपालен.

Почто, Москва, зло все забываешь,
а мне, природному своему, повинности не воздаваешь?

4. На нынешний розряд Московский и митрополитанчиковский

Что ся ныне в нашем веку сотворило, —
то много ся злых дел расплодило.

Яко едва ж ести и нам у Бога милости место,
коль тяшко от бояр народу и тесно.

Только умножися гордости и кривды,
яко ж и отнюдь не знают суда и правды.

Древних бо княжат уставы отвергоша
и вся древния судебники обругаша,

новья ж своя вся суетне поставляют,
и тем бесчисленно народу укривжают.

Яко великия рыбы малых поглатают,
так оны их и имения их снедают.

Еще ж и гради мнози суетне згубиша,
а широкими поместьи и царство обнищиша.

Только сами ся изобильно обогатили,
военный ж чин ни во что наменили,

но хотят те отором и прочим соседством
грозны и страшны быти своим богатством,

счастье свое в немецких питиях полагающе,
гради ж земли своя немцом и поляком раздавающе.

И татаром пустошить земли своя не возбраняют,
аще от них и бесчисленно человек, яко скоту,

отгоняют.

Но еще им же за то выходы дают и дани,
чтобы могли от них целы пробить сами.

Москва руце угрызает и оных ненавидит,
от них же приношения пенязей не видит.

Кто даст, того послушают от всей веры,
кто не даст, – затворятся от него двери.
Что ж ты в том, Москва, добре оплошилась?
Блюдишь, чтоб дверь милосердия Божия
не затворилась.

5. К читателю

Христианское есть – пад, востати,
а дьявольское есть – пад, не востати.
Сам, христороубче, понимаешь,
мой ласковый читательнику, узнаешь,
кому воздать честь и верность,
помнячи природных государей давность.
К тому не будешь их поношати,
но, и о прежнем каяся, прощати.
Понеже кто ся власти противляет,
тот, по апостолу, Богу ся противляет.
Мой верный милый читательнику,
не дивись настоящему враждебнику,
что он в наследии нашем господствует –
так ему мир, а не Бог дарствует,
который злых возвышает,
а благих отнюдь уничижает.
Смотри же не начала, но конца,
да будешь мудр до конца.
Хто сначала скачет,
тот напоследок плачет.
А так найдешь корысти не мало,
что ся тут кратко собрало.
Само бо доброе себя хвалит,
а злых лукавство палит.
Здоров же, любимиче, буди,
а своего государевича не забуди.

1646

ПРИМЕЧАНИЯ. Декларация была написана в Стамбуле и вручена 11 декабря 1646 г. русским дипломатам, с которыми Акундинов вел переговоры. *Давид* –

библейский царь Давид; будучи в юности пастухом, убил камнем из пращи филистимлянского великана Голиафа, опаснейшего противника воинов-израильтян. *Голиаф* – Голиаф. *Ибрагим* – султан Оттоманской Порты (1615–1648). *Аполлон Тирский* – персонаж древнерусской переводной повести, много странствовавший и переживший множество приключений. ...*непознанный князь Шуйский* – Акундинов выдавал себя то за сына, то за внука князя Василия Ивановича Шуйского (1552–1612), бывшего русским царем в 1606–1610 гг. *Овиан, цесарь Римский* – персонаж из древнерусского переводного сборника «Римские деяния», «Повести о гордом царе Аггее» и некоторых произведений фольклора; он понес суровую кару за сомнение в справедливости евангельского изречения: «богати обнищаша и нищии обогатеша». *Филарет* – в миру боярин Федор Никитич Романов (ок. 1554/1555–1633), отец царя Михаила Федоровича; при Борисе Годунове был насильственно пострижен в монахи; в 1605 г. Лжедмитрий I произвел его в митрополиты Ростовские, в 1608 г. Лжедмитрий II (Тушинский вор) провозгласил Филарета патриархом Московским; в 1619 г. он был поставлен в патриархи и стал соправителем своего сына; Акундинов признавал за ним лишь сан митрополита Ростовского. ...*гордому королевичу польскому* – речь идет о королевиче Владиславе (1595–1648), претенденте на московский престол; после свержения царя Василия Шуйского он был избран земским собором под давлением боярской думы, но фактическим правителем России так и не стал, хотя и пытался захватить власть с помощью военной силы; Филарет возглавлял посольство к нему в феврале 1610 г.

Неизвестный автор

САМОРОДНЫЕ СТИХИ

Приказчик Семен Горяинов, плутаешь,
У отписок у печатей сшивок не очишаешь,
Которые отписки к преосвященному архиепископу
присылаешь,

И у тех печатей усы оставляешь,
И подьячего Данилка, глупца, не научаешь.
Знатное дело, что ты сам, дурак, не знаешь,
Как к господину с честью подобною отписки

посылают

И у печатей у сшивок усы очищают.
Да и преж сего тебе о том говорили,
И вы, дураки и глупцы, все позабыли,
И буде станете вперед так присылать,
Станут вас гораздо смиряти,
На большую чепь сажати
Да после того плетью хлестати
И у тебя, приказчика, у самова усы драти,
А у подьячего Данилка уса нет – ино бороду рвати,
А ся вам память – на мирских сходках прочитати
И свою глупость и дурачество пред всеми обличати.

Последняя четверть XVII в.

ПРИМЕЧАНИЕ. По данным Г.В. Судакова, опубликовавшего этот текст, «упомянутый в стихах Семен Горяинов происходил из известного рода Горяиновых, которые служили при архиерейском дворе. Он был приказчиком в вотчине Вологодского и Белозерского архиепископа на Лежском волоку».

Михаил Засодимский

**ЕПИСТОЛА
ГОСПОДИНУ КАВАЛЕРГАРДУ ЕГО БЛАГОРОДИЮ
РОМАНУ ВЛАДИМИРОВИЧУ ЛОМАНУ,
1775 ГОДА, ИЮЛЯ 10 ДНЯ,
В БЫТНОСТЬ ЕГО В ВОЛОГДЕ КУРЬЕРОМ**

Посланник радостный российския богини,
Победы славныя и миром ироини!
Прими сии стихи усердия во знак,
Которым в граде сем пылает житель всяк,
Твое прибытие нас всех увеселяет
И наше счастье нам живо представляет.
Монархини лице в твоём лице мы зрим;
Пославшую тебя в твоей особе чтим;
Мы духом той стопы объёмлем, лобызаем
И гласу уст ея, мир каплющих, внимаем.
Она от высоты престола к нам гласит –
И глас в концы всего владычества летит:
«Благодарений песнь восшлем все вкупе Богу,
Нам даровавшему в сии дни милость многу».
Рек враг: «Постигну гнев, корысти разделю,
В прах россов разобью, их имя истреблю
И вечно оными я буду обладати,
Падут они, падут и не возмогут стати,
И будут продолжать в оковах вечный стон».
Но – соблюдаяй Бог всегда российский трон
И укрепляющий на брани россов руки,
Услышал гордого Измаила те звуки,
Которы в ярости безумно возносил
И, злостью распален, россиянам грозил;
Услышав, разрушил прегордые затей,

Рассыпал, кои враг воображал, трофеи.
Бог рек – и глас Его стал слышен от небес:
«Вселенная Моих исполнена чудес:
Я скипетры даю и царства разрушаю,
Высоких низю Я и низких возвышаю, –
Я предприятиям людей нарек предел,
И без Меня никто своих не кончит дел;
Хоть славнейший ирой – среди побед преткнется,
Без воли Моя кой на войну прострется;
Предвечныя судьбы Мои хранятся ввек, –
Так может ли познать их бездну человек?
Россию Я хранил всегда и сохраняю
И всех врагов ея под ноги покоряю.
Прийми, Россия, меч, оружие и щит,
Теки, рази врага (Бог в гневе говорит),
Врага, кой тишину вселенной сотрясает
И вероломством мир с соседьми разрывает,
Врага, кой алтари священны разорил
И почитающий Меня народ стеснил,
Теки и побеждай, тебе я побораю,
Плени и грады жги, их в власть тебе вручаю;
Ты во вселенной мир желанный водвори;
Где льстивый Махомет – там святость воцари,
И вере страждущей ты всю взврати свободу;
Будь щит, покров, стена стесненному народу».

Так рек – и с гласом сим Бог меч в десницу дал
ЕКАТЕРИНЕ сей, которую избрал
Противников карать, невинность защищать,
Златой век возвратить, род дерзких наказать.

Как алчущий бежит зверей начальник – лев –
Чрез дебри, горы, лес на лов, рассвирепев,
Всех, кои попадут, скотов дерет, терзает,
На части мелкие животных раздирает,
Кровавит челюсти, всех хошет поглотить
(Кто может уж его тогда гнев укротить?),
Так росс, десницею всесильной ополченный
И счастьем своей царицы утвержденный,

Летит против врага без страха по волнам,
Без ужаса течет по камням и пескам;
Падет пред ним везде прегордый чалмоносец,
Российский же герой везде победоносец;
Не может Махомет его отгнати прочь,
Ни почитателю в несчастьи помочь,
Кой руки к оному в Медину простирает
И ризы на себе в отчаяньи терзает,
Кричит: «Нас сохрани от сильных русских вой!
Иль всеу чтим тебя и красим гроб мы твой?
Не слышишь ты... а мы мятемся, цепенеем,
Страшимся и дрожим, трепещем и бледнеем...
Румянцев граф близ стен Византии стоит
И нам последним падением грозит;
В полках его всяк Марс, всяк войском может править:
Так может ли что нас от рук его избавить?
На суше росская нас храбрость всех разит
И предводитель наш уж не один убит;
Все крепости падут, Силистрия пылает;
А на море наш флот от россов же сгорает;
Орлов граф не дает убежища судам,
Кипящих вод летит бесстрашно по буграм,
Покорна вся ему Нептунова держава,
Со всех сторон падет, я вижу, наша слава.
Ни в чем надежды нет, все счастье протекло,
Нас в бездну ввергло бед, Россию вознесло;
Ни море, ни земля, ни огонь не помогает,
Но все нам вечную погибель предвещает...
Не помогаешь ты... ах!.. гибнем... помогай,
Иль вместе с нами ты от россов погибай!..»
Так гордый Мустафа в отчаяньи взывает
И тысячи срацин отвсюду собирает,
Велит с поспешностью на россов им идти,
Иль пасть, иль победить, и тем чалму спасти.
Как пругов, в знойный день собравшись, многи кучи
Скрывают солнца луч, как грознейшие тучи,
На ниву, на траву, спираючись, летят
И зелень всякую пожрать вконец хотят,
Так турки тучами текли вооруженны,

На россов пламенем и злобой ополченны,
И в гордых мыслях всех пленили, рвали, жгли
И всей вселенною, казалось, трясли.

Но, как от норда ветер на пругов сих дхнул хладом
Со пламенным дождем и со свинцовым градом,
Блеснули молнии от росских в них мечей,
От огнедышущих раздался гром хлябей,
От ужаса вдруг мух сих туча помертвела
И с высоты стремглав на землю полетела, –
Всех смертоносная жнет российская коса,
Наполнились их тел и дебри, и леса,
Озера и луга, болота, реки, море...

В отчаянье кричат все: «Горе, горе, горе!»
Печальный оных стон в Медине слышен стал,
Потряс диваном всем, сераль поколебал.
Лишаясь солнцев сын желанныя надежды,
Во злобе, в ярости власы рвет и одежды:
«Погибну, – говорит, – теперь погибну я!
Погибнет слава ввек, погибнет власть моя!
Мне сила российская во всех странах ужасна,
И собственна страна стает уж мне опасна;
Из сердца своего мысль горду истреблю,
С покорной просьбою о мире приступлю
Ко трону российскому, к великой ироине,
Ей вверюся, коль нет уж счастья в судьбине;
С печалью, с горестью, с бесчестьем в гроб пойду,
Как милости себе и в оной не найду,
И, вечно мучаясь, там буду я терзаться
И беспрестанно тех безумью удивляться,
Что, не довольствуясь спокойной тишиной,
Желают счастье снискать себе войной.
Войной кто получить себе чужое тщится,
Конечно своего навеки тот лишится;
Сумнительная вещь для всякого война:
Который брань начнет – та гибнет сторона».

Бог сердце нежное вложил ЕКАТЕРИНЕ,
Прещедрой матери, премудрой монархине:

Имеет и к врагам своим она любовь;
С прискорбностию зрит детей своих на кровь,
На кровь, текущую великими реками,
Взирает полными горячих слез очами;
Желает, чтоб народ ея был счастлив, здоров,
Знал матери сея миролюбивый нрав.
Российских храбрых войск премудрый предводитель
И гордостью срацин надменных победитель,
Узрев припадшую с покорностью Луну
К победоносному российскому Орлу,
Сказал: «Мать росская любезно принимает
Того, кто к ней течет и мир иметь желает;
Со всеми хочет быть в приятной тишине, —
Противны только ей упорники одне;
Не хочет, чтобы кровь напрасно проливалась,
Но ищет, чтоб везде спокойность умножалась;
Сию ты раздражил, но свой порок признал,
Мысль гордую отверг, просить о мире стал;
Так полное дано от ней мне повеленье
Поставить, утвердить навеки замиренье».

Сие рек граф — и мир желанный заключил,
И чрез сие покой всем прежний возвратил.
Сей мир стесненному отраду дал народу,
И многим он принес желанную свободу;
Границы росские сей мир распространил,
Купечеству в морях свободный путь открыл:
К обогащению россияне стремятся,
И флаги росские на Черном море зрятя,
Бесстрашно в области турецкие идут,
На Белом море их и Черном турки чтут;
Не страшны россам уж прегорды мусульманы,
Не будут мучить их насильствами тираны;
Молдавец и волох свободу возвратил,
Крым независимость и вольность получил;
Где святость возросла, теперь там не стенает...

Но все здесь написать перо ослабевает,
Затем письмо сие стремится окончатъ;

Но дух мой тех щедрот не может умолчать,
Которые на нас мать наша изливает,
Как сборы некие с подвластных отрешает;
Здесь милость матерня ея ко всем видна,
Которая ее ввесть в славы храм сильна;
Сим подданным сердца влечет она к любви,
Влечет к тому, что мы своей пролить все крови
За честь и здравие не отречемся той,
Которая дает мир, счастье и покой.
Воспой, Россия, песнь, прославь свою судьбину,
Творца благодари, что дал ЕКАТЕРИНУ,
Которая тебе защита и покров
От неприятелей и внутренних врагов;
Добротою своей тебя та украшает,
Обилием щедрот тебя обогащает,
Благополучия на самый верх ведет;
Воспой ее, чтоб глас твой слышен был в весь свет.

Вы ж, жители сих мест, мать щедрую прославьте
И лик торжественный пред гостем сим составьте!
В лице его зрите владычицу доброт,
Нам изливающую толь множество щедрот,
Которых вестник – он, творец – ЕКАТЕРИНА.

Сия ж и мне была писать стихи причина,
Которые тебе с почетом приношу:
Я в них усердием к монархине дышу;
И малый муз собор наш к оной чем пылает,
То в кратких сих строках пред вами открывает;
В них искренность одна, хоть слог и не красен,
Которою нам дух к сей матери возжжен.

По мере сил открыл риторики учитель
И сих немногих строк неважный сочинитель

Михайло Засодимский.

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение приурочено к торжествам по поводу заключения Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией, выгодного для России.

Р.В. Ломан привез в Вологду государственные акты, связанные с этим событием, и принял участие в торжествах. *Российская богиня* – императрица Екатерина II. *...мир каплющих* – здесь имеется в виду благовонное вещество «миро»; в то же время автор, по-видимому, сознательно использует многозначность этого слова (также и «мир» как отсутствие войны). *Измаил* – здесь: Турция (в Библии это имя носит сын Авраама, считающийся родоначальником арабов). *Махомет* – здесь: обобщенное название мусульман. *...стесненному народу* – имеются в виду народы, находящиеся под турецким игом. *Златой век* – здесь: состояние мира, процветания, изобилия, счастья (по мифологическим представлениям, это изначальное состояние человечества, не омраченное раздорами и тяжелым трудом). *Росс* – русский. *Чалмоносец* – мусульманин. *Махомет* – пророк (ок. 570–632), основатель ислама. *Медина* – священный город мусульман на Аравийском полуострове, в котором находится гробница Магомета. *...от сильных русских вой* – от сильных русских воинов. *Румянцев граф* – П.А. Румянцев-Задунайский (1725–1796) – полководец, командовавший армией и одержавший ряд блестящих побед в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. *...близ стен Византии* – здесь: близ стен столицы Турции Стамбула (до захвата турками в 1453 г. – Константинополь, столица Византии). *Силистрия* – город-порт на Дунае. *...на море наш флот от Россов же сгорает* – в ходе сражения в Чесменской бухте (1770) турецкий флот был уничтожен. *...Орлов граф не дает убежища судам* – русской эскадрой командовал А.Г. Орлов (1737–1808). *Нептунова держава* – морские просторы. *Солнцец сын* – турецкий султан. *...припадую с покорностью Луну к победоносному российскому Орлу* – использование символических образов (Луна – символ могущества турецкого султана; изображение орла входит в состав герба России). *Волох* – румын. *...жители сих мест* – вологжане. *...перед гостем сим* – перед Р.В. Ломаном. *...сих немногих строк неважный сочинитель* – самооценка автора занижена, стихи вполне соответствуют уровню поэтической культуры 70-х гг. XVIII в.

Неизвестный автор

НА ОТКРЫТИЕ ТЕАТРА

Прочти начальные сих строк ты письма.
Кому те писаны, узнаешь без меня.

Ах! если б можно мне взнестися на Парнас,
Лицо увидеть там и Муз, и Аполлона.
Единожды узрев их, в тот сказал бы час:
Какого дождались мы в сей град Амфиона!
Старается он в нас пороки обругать.
А чем? – Я не скажу. – Всяк может угадать.
Наставил он людей, чтоб те людей ругали,
Дурные их дела наружу представляли.
Ревнивых, и скупых, и старых волокит,
Завистливых, бродяг, льстецов и чародеев,
Юпитер! помоги всех перечесть злодеев.
Зубами скрежешь ты. – Так видно, что сердит,
И днесь открытого театра ненавидишь?
Не одного меня, сим многих ты обидишь.

<1786-1787>

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение написано в связи с театральными представлениями в Вологде во время Святка (между 25 декабря 1786 и 6 января 1787 г.); всего было поставлено 11 пьес. Р.М. Лазарчук считает, что автором этого и следующего текстов мог быть М.А. Засодимский. *Прочти начальные сих строк ты письма* – указание на то, что текст представляет собой акrostих (начальные буквы строк образуют слово, в данном случае – имя адресата). *Александр Зюзин* – чиновник Ярославского наместничества, принимавший живое участие в организации театральных представлений в Вологде.

НА ОТКРЫТИЕ Ж И ПЕРВУЮ ОПЕРУ

Проснись, российского театра красота,
Приятные имущ во действии уста!
И на театр взведи свои теперь ты очи,
Воздвигнуты в странах, лежащих к полуночи.
Там нежности свои Розана и Любим
Являют жажущим соотчичам твоим.
Я прямо назову всех действующих в оном,
Отца Розанина, Милену и с Семьоном.
Что все стараются детьми твоими быть:
К тому начальник их желает приводить
Любовью, ласкою, словами и наградой,
Чтоб были оные в дни скучные отрадой.
О новый наш театр! колико ты блажен!
Ты мужем каковым в сем месте соружен!
И лица каковы тебя днесь открывают,
Какие ж зрители здесь быть удостояют!
Нет ни единого, кто б тщетен был похвал.
Правитель твой тебе сие блаженство дал.
В тебе увидим мы пороки пораженны,
А честные дела от всех людей почтенны.
Ты нам училищем будь в нравах и в делах
И утешением в прискорбных временах.

<1786–1787>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Розана, Любим, Милена, Семьон* – персонажи комической оперы «Розана и Любим» (текст Н.П. Николаева, музыка И.И. Керцелли). *Ты мужем каковым в сем месте соружен!* – Имеется в виду генерал-губернатор А.П. Мельгунов, глава Вологодского наместничества.

Афанасий Брянчанинов

ОДА

1

Всходяща солнца луч темнеет,
Увидевши твою красу,
Язык, вещая, мой коснеет,
Тебе что в жертву принесу.
Цветы средь лета все завянут,
Когда они не перестанут
Свой обращати взор к тебе.
Источник током обратится,
И раздраженный лев смирится,
Узря пришедшую к себе.

2

Древа вершины приклоняют,
Трава вся ляжет на пути.
Тут нежны ноги избирают,
Чтоб им безвреднее идти,
Рука твоя чему коснется —
Тут изобилие прольется
Всего, что к славе служит нам,
Чем чувства смертных всех пленяет,
Где нежность, разум обитает
Ко утешению сердцам.

3

Чрез столько лет, как ты родилась,
Благополучно жизнь идет.

С тех пор натура возгордилась,
Как ты произвелась в свет.
Рекла вселенная: «Тобой питаюсь,
Тобой всечасно утешаюсь,
Ты мне надежду подаешь,
Собою смертных всех прельщаешь,
К себе ты взоры обращаешь,
Счастливо жизнь свою ведешь».

4

Страна, которая тебя питала,
Где ты с младенчества росла,
Какую радость ощущала,
Ее утехи нет числа.
Что та от смертных отличилась,
Которая во мне родилась,
Подобно розе расцвела.
Собой натуру украшает,
Меня всечасно утешает,
Питомицей моей была.

5

Потомкам в память то оставишь,
Тобой что украшался свет.
Ты мир, спокойствие восставишь,
Прогонишь тьму грозящих бед.
Везде та слава воссияет.
Твой взор все чувства обновляет,
Из сердца гонит злобу прочь.
Система света пременится,
Где разум твой распространится,
Ты в день преобращаешь ночь.

6

Я видел, как гремяща слава,
С трубой летая над тобой,
Сказала: «Вот моя забава –

Блаженство всех и всех покой.
Та смертных гордость презирает,
Утехи в ей не обретает.
Она достойна в свете жить.
Любя, себя любить заставит.
Свой век она собой прославит,
Стремясь зло искоренить».

7

Внемли, что я сказал нелестно,
Внемли хвалу мою к себе.
То правам разума противно,
Чтоб я когда польстил тебе.
Несходно с чувством, что вешаю,
Я в том утех не ощущаю.
Тут только множество сует:
Любить, притворствовать, учиться,
Вотще без совести трудиться,
Когда святая правды нет.

8

Бессилен петь хвалу кажуся,
Нестройну лиру положу,
Куда я мыслью обращуся
И что еще тебе скажу.
Я знаю, что ко славе света
Умножит Бог цветущи лета.
Восхощет счастьем увенчать.
Живи и в жизни будь покойна,
Покою ты того достойна.
Мне больше нечего желать.

ПРИМЕЧАНИЕ. По убеждению Р.М. Лазарчук, опубликовавшей оду по рукописи, лирический адресат произведения – императрица Екатерина II. Некоторые стиховые несовершенства текста могут объясняться тем, что он не был окончательно отредактирован автором. К числу погрешностей относятся нарушение ритма (пятистопный ямб вместо четырехстопного в строках 25 и 31) и отсутствие рифмы, которая должна была бы связывать строки 61 и 63.

Приятностью то в глазах наших блистает,
 Когда нас, живучи, что в свете утешает.
 Мы видим: кто себе начнет где строить дом,
 Мнит: «Буду, живучи, увеселяться в нем»;
 Найдет спокойствие, блаженствует, гордится...
 Но мысль моя к тому теперече стремится:
 Конечно в свете все преобращает рок,
 Тот завтра вниз падет, кто был вчерась высок;
 Увянет и цветок, когда руки коснется –
 Жизнь человеческа подобно так прервется.
 Нет вечности ни в чем, пустая славы звук.
 Кто, в свете живучи, касается наук,
 Натура и того с крестьянином равняет,
 Он так же движется, живет и умирает.
 Когда б на тот конец мы жизнь свою вели,
 То все бы мысленно мы вяли, не цвели,
 В унылости, в тоске дни жизни провозждали,
 Увеселения себе не ожидали
 И, отягчая той прискорбностью сердца,
 Не мнили б о другом, а ждали все конца,
 Которого никто из смертных не минует,
 Хоть всякой ропщется на смерть и негодует.
ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ нам брань творить велит,
 Сопрогивляется кто храбро – победит,
 Противников казнит, тех пленным посылает,
 Казня других, и сам равно казнен бывает.
 Он храбрости своей иную бы дал часть,
 Кагда бы не была на то монарша власть.
 Или и то сказать, другого чин прельщает,
 Которой за войну, быв ранен, получает;
 Отстрелена нога, наскрозь пробита грудь,
 Или оторвано другое что-нибудь.
 Лишившись руки, мне б скучно жить на свете.
 Внемли, читатель, ты в моем теперь ответе:
 Конечно, для того войны я не терплю,
 А мир и тишину, спокойствуя, люблю.
 Я знаю, что и всем нам умерети равно,

Кто в хижине умрет или воюя славно;
Поручик, прапорщик, полковник, генерал
От пули мертв падет, так равно и капрал.
Земля покроет всех, в ею все *претворятся*,
Конечно все на смерть на свете сем родятся.
За добрые дела пускай заплата есть –
Тот по миру ходил, заслуживал тот честь, –
Нет разницы ни в чем, к тому я лиру строю,
Равна смерть нищему, *как и в войне* герою.

Алексей Олешев

ХВАЛА БОГУ

В восторге ум пленен, зря звезд горящих славу.
О Боже, всех Творец, я чту Твою державу.
Мой дух к Тебе гласит, усердьем воспаляюсь,
Тя хвалит вся земли и неба чудна связь,
Божественной Твоей устроена рукою:
Внемли гласящую пылинку пред Тобою!
Я и в несчастьи, и счастья пою,
Что Ты, о Господи, спасаешь жизнь мою.
Превыше чту я всех Тебя, о царств Содетель!
Ты будь моим делам и совести свидетель!
Я веры истинной предметом восхищен,
Из книги вечности Тя славить научен.
Украшая небеса пресветлыми звездами,
Твое величество являют перед нами.
Огромны сонмы сих сияющих светил
Непостижимо Ты, о Боже, утвердил.
Ты со превыспренных высот и к нам снисходишь
И жизни тварям всем и пищу производишь.
Тобою созданы и червь и человек
И ко хвале Твоей свой продолжают вск,
В Тебе единое душ правых утешенье
И чистым Ты сердцам даешь одушевленье.
Во непорочности они храня любовь,
С веселием текут под Твой священный кров,
Могущество Твое всех прославляя боле,
И жизнь и смерть свою Твоей подвергши воле;
На всякий день и час Тебя благословят
И всех благих себе подателем Тя чтят.

Вы, мудрые земли, от дел Творца предивных,
Могли ли вы понять стези щедрот обильных?
Хоть маленькую часть откройте совершенств
И дайте нам совет, источник благоденств.
Кто звездоносну твердь и како управляет?
Как солнце светит днем, а ночью мрак бывает,
Планеты как себе предписан путь блюдут
И как в окружности их спутники текут,
В назначенных путях светила как проходят,
Чрез что нам день и ночь порядочно низводят?
Я знаю, вы такой дадите мне ответ,
Что Перст Божественный весь управляет свет,
Что Он недремленный есть наших дел свидетель,
Что в будущем иль здесь мзду возьмет добродетель
И что наилучшая есть Оному хвала –
Благие в жизни сей содеяны дела,
Что к оным каждого дух должен прилепляться,
Кто хочет вечного блаженства наслаждаться.
О Боже! с горних мест на нижний дол низзри
И светом истины дух смертных озари!

<1780>

ПРИМЕЧАНИЯ. Из книги вечности – из Библии. ...*всех благих* – всех благ.
...*мудрые земли* – мудрецы, мыслители, ученые. ...*возьмет* – возьмет, получит.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧЕЛОВЕКУ

Когда на тление я смертного взираю
И чудный оного состав воображаю,
Колико бренный прах, колико груба смесь
Одели гордый дух и сколь он странен весь,
Волнуют страсти в нем едина со другою,
И каждая творит его себе слугою:
В подобие стихий ведут с собою брань,
И человек дает свое им сердце в дань.

О бедный: что начать? – и сам не понимает,
Одним позорищем презрения бывает.
Вчерась высок и горд – севодни низок, мал,
Недавно Крезом был, а ныне Иром стал.
Вчерась он меч вонзил и пролил кровь слабейших,
Сегодня жертвой сам соделался сильнейших.
Кто обращается с людьми по всякий день,
Зрит счастья во всем переменную степень.
О сем Давидов сын премудро рассуждает,
Где жизнь людей и всех животных представляет*,
Являя розницу меж нами и скотов:
Они подобны нам, лишены только слов;
А может быть, они свой и язык имеют
И так же, как и мы, друг друга разумеют.
Все суета сует! что наш и скотский век
Смерть пресекает здесь, то Соломон изрек**.
Но мы бессмертия в грядущей жизни чаем.
Что ж скоротечностью здесь наших дней скучаем?
Неведомых вещей не должно и искать,
А лучше вечности бессмертия желать.
Пойдем путем, куда ведет нас добродетель,
Мзду многу нам воздаст за малый труд Содетель.
Да удалится прочь от наших дел порок,
Благий и злой снесем в терпении наш рок.
В добротях жизненну окончивши дорогу,
К триипостасному по смерти преидем Богу,
Его же промыслом весь правится сей свет:
Хоть всяк из нас умрет, но паки оживет;
Как придет всех судить Зиждитель вечной славы,
О, сколь утешатся тогда те души правы,
Которы бедствия терпели в жизни сей,
И сколь уничижен там будет их злодей,
Который такожде, как и они, воскреснет,
Чтоб видеть, как его клевет во славе блеснет,
А он, лишившись со светом всех отрад,
Для муки вечныя во мрачный снидет ад;
Но души праведных, все скорби забывая,
Войдут во светлости Божественного рая,
Для восприятия за подвиги венца

И к насыщению весельем без конца.
Спаситель нас о сем неложно уверяет,
Что праведников рай, ад грешных ожидает.
Всяк Бога любящий сим словесам внимли,
Жизнь с вечностью веди согласно на земли.

<1780>

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА. * Екклесиаст, гл. 3. ** Там же.

ПРИМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ. *Крез* (595–546 до н. э.) – царь Лидии, страны на западе Малой Азии, богатство которого вошло в поговорку. *Ир* – один из персонажей поэмы Гомера «Одиссея», имя которого стало нарицательным для обозначения бедняка. *Давидов сын* – израильский царь Соломон, которому приписывалось авторство Екклесиаста, одной из книг Ветхого Завета. *Триипостасный Бог* – христианский Бог, существующий в трех «лицах»: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Святой Дух.

Михаил Муравьев

СУД МОМОВ

К М.А. Засодимскому

Ты часто, слушая стихи мои с раченьем,
Прочь гонишь от меня прельщающий туман:
Здесь рифмой оскорблен, там смысла опущеньем,
Свергаешь без чинов мной чтимый истукан.
Послушай: я еще являюсь с сочиненьем,
Чтоб случай дать тебе свой править важный сан.

Насмешник греческий, писатель остроумный,
Такую повесть нам оставил Лукиан,
Что будто в день какой-то шумный
Нептун, Минерва и Вулкан
Похвастать вздумали верховностью своею
В художествах: кто лучше из троих
Покажет образец способностей своих –
И Мома выбрали судьбою.
Известно, парень вострый Мом:
Ума имеет он палату,
И уж не спустит он приятелю, ни свату,
Лишь только бы блеснуть умом.
Условье сделано, и день суда назначен.
Вулкан к мехам, Нептун во глубину,
Богиня мудрости в Афинскую страну –
И ну трудиться. Труд удачен.
В условный день, лишь начало светать,
В какой-то роще отдаленной,
В низу Олимпа насажденной,
Изволили мои художники предстать

Суда во ожиданье.
Работу рук своих, Нептун вола привлек;
Минерва – на столпах великолепно зданье;
Вулканом изваян (возможно ль?) человек.
Приходит Мом. И что вы, добры люди,
Подумаете, – он учтивость сохранит?
«Твой вол прекрасный зверь, – Нептуну говорит, –
Но он бы был сильней, рога имел у груди».
Минерве: «Сей фасад
Сияющ, и по всем он правилам построен;
Но ежели сосед и зол, и беспокоен –
Что сделаешь? Нельзя перенести палат».
Впоследствии очередь дошла и до Вулкана:
«Вся хитрость во твоём труде истощена.
Но для чего в груди не сделано окна,
Чтоб правду отличать лъзя было от обмана?»
Окончен суд, и участь всех равна.
Тогда мои узнали поздно боги,
Что трудно и богам на Мома угодить.

Зачем же критике, пииты! вас щадить?
К чему ваш крик и шум? Судьи должны быть строги.

1772

ПРИМЕЧАНИЯ. *М.А. Засодимский* – преподаватель Вологодской семинарии, под руководством которого поэт изучал поэтику и риторику во время пребывания в Вологде (его стихи помещены в настоящем издании, о нём самом см. в разделе «Сведения об авторах»). *Лукиан* (ок. 120 – ок. 190) – древнегреческий писатель-сатирик.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

К Афанасию Матвеевичу Брянчанинову

Не слава, о, мой друг! не шум оружий бранных,
Жизнь сельская зовет согласия мои,
В долинах, муравой цветущею устланных,
Где Лухта льет тебе прозрачные струи;
Где ты из терема, куда ни кинешь взоры,

Повсюду мирное свое владенье зришь.
Тебе окружные желтеют жатвой горы,
Поля, где шествуешь, присутствием живишь.
Теснятся вокруг тебя прилежные селяне,
И нимфы вьют тебе венки из васильков.
С зарею восстают восхода солнца ране,
Железом вооружась блистательных серпов.
Ах! счастливы стократ, свое коль счастье знают!
Трудятся, суетно свой ум не бременя,
Гуляньем летни дни иль пляской заключают
И песенки поют у зимнего огня.
Что нужды, что зима – еще им лето длится,
И счастье годовых не ведает времен.
Работы и забав единый круг катится,
Забавы без угрыз, здоровье без измен.
Такие дни текли вселенныя в начале,
Когда не ведали обманов, ни вражды:
Никто не странствовал знакомой сени дале,
И всяк возделывал отечески бразды.
Не заблуждались смиренные желанья
В исканье пагубных сокровищ и честей,
И связи родственны, и нежны воздыханья,
И нужда добрым быть спасали от страстей.
Так, Брянчанинов, ты проводишь дни спокойны,
Соединяя вкус с любовью простоты:
Из лиры своя изводишь гласы стройны
И наслаждаешься хвалами красоты.

1770-е гг.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Афанасий Матвеевич Брянчанинов* – литератор-дилетант, любитель искусств, владелец имений в Грязовецком уезде, был женат на двоюродной сестре Муравьева; кроме «Сельской жизни», поэт адресовал ему еще ряд стихотворных посланий (стихи А.М. Брянчанинова помещены в настоящем издании, о нем самом см. также в разделе «Сведения об авторах»). *Лухта* – приток р. Вологды, на котором стояло Фомино, одно из имений Брянчанинова.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Прости, спокойный град, где дни мои молодые
Под сенью родины сны красили златые.
Я твой меняю кров на пышный Петрополь.
Но память мне твою с собой унести позволь,
Ах! память жизни сей, толь сладко проведенной
С нежнейшим из отцов, с сестрою несравненной.
Уже церковей твоих сокрылися главы,
О Вологда! поля, лишеныя травы,
Являют сентября дыхание сурово:
Но нас повсюду ждет друзей свиданье ново.
Тебе обязанных сердца, родитель мой,
И в путешествии сопутствуют с тобой,
В гостеприимный кров, кров сельский приглашают.
И старца седины цветами украшают.
Затмила было скорбь твои цветущи дни,
Любезная сестра, но в дружеской сени
Небесно здравие с тобою рассмеялось.
Пространство новое пред нами разверзлось,
Где Угла быстрая приносит дар Шексне.
День целый по ее неслись мы быстрине;
Тяжелы неводы влекут нам рыболовы,
И дым являет их в лесах таящихся кровы.
Преходим, от валов теченье удаля,
Железом устюжским усеяны поля.
Ты принял нас в твоей сени благословенной,
Муж, важный твердостью, родством соединенной.
Ты, от волнения себя уединив,
Находишь счастье среди спокойных нив.
Оттоль лежал наш путь по холмам каменистым,
Дающим в недрах их озерам место чистым.
Сквозь темный свод лесов проходим в те места,
Где льет полезный ток величественна Мста.
Несчетной тьмой судов ее покрыты бреги.
Там, к брату своему, в объятия спешишь,
Родитель мой! и слез в восторге не щадишь.
О старцы! вашего свидания свидетель,
В двух образах я зрел едину добродетель.

Так два источника, вначале разделясь,
Странами дальними друг от друга катясь,
Внезапну в ток един щедротою судьбины
Сливаются, журча и не страшась пучины.
Остаток нашего к Петрополю пути
Хотим, покинув брег, водою перейти.
Несомы ладией средь влажных дороги,
Мы видим, Мста, твои шумящие пороги.
Преградою их скал в пути раздражена,
Кипит и бьет твоя сердитая волна.
Но, после возврата к естественному чину,
Тиха, являет нам брегов своих картину,
Доколь распространив течения свои,
Вливает в озеро прозрачные струи
Прекрасно озеро, близ коего потоков
День Труворов затмил в полудни Сумароков.
С восторгом, Новгород! к тебе кидаю взор
И зрю Софии храм и Ярославов двор.
Потом по той реке, где древний Волхв являлся,
Где, Рурик, твоего жилища знак остался,
Дошли до Ладожских неистовых валов;
Где тихий ход судам назначил дух Петров,
И се река его, славна его делами,
Нева пред алчными открылася глазами,
И скоро вы сбылись, любимые мечты,
С своими зданьями предстал, Петрополь, ты.
Се ты, прекрасный сад, героем возвращенный,
Се Марсов храм, се храм, наукам посвященный.
Здесь Ломоносов пел, Лосенков там писал.
Я славлю вас, берега, к которым днесь пристал.

ПРИМЕЧАНИЯ. В стихотворении описан переезд Муравьева из Вологды в Петербург в 1772 г. *Петрополь* – Петербург. ...*С нежнейшим из отцов, с сестрою несравненной.* – С Никитой Артамоновичем и Федосьей Никитичной Муравьевыми. *Железом устюжским усеяны поля* – т. е. железной рудой. ...*принял нас в твоей сени благословенной, муж, важный твердостью* -- Лев Андреевич Батюшков, владелец имения Даниловское. ...*Вливает в озеро прозрачные струи* – река Мста впадает в озеро Ильмень. ...*День Труворов затмил в полудни Сумароков.* – Речь идет о персонаже трагедии А.П. Сумарокова «Синав и Трувор», действие которой происходит в древнем Новгороде; разлученный с возлюбленной, Трувор в финале кончает жизнь самоубийством. *Ярославов двор* – «Ярославово дворище» (по имени

Ярослава Мудрого, княжившего в Великом Новгороде в 1010–1019 гг.), место, где собиралось вече. *Волхв* – река Волхов. *Рурик (Рюрик)* – см. примечания к «Задонщине». ...*Где тихий ход судам назначил дух Петров* – имеется в виду построенная по замыслу Петра I Марининская водная система, соединяющая Волгу с Балтийским морем; Ладожское озеро включено в эту систему. ...*прекрасный сад, героем возвращенный* – Летний сад, разбитый в 1704 г.; в нем расположен Летний дворец Петра I. ...*храм, наукам посвященный* – здание Академии наук на Васильевском острове. *Марсов храм* – вероятно, Петропавловская крепость. *Лосенков* – А.П. Лосенко (1737–1773), живописец и рисовальщик, видный представитель русского классицизма.

ЭКЛОГА К ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ АЛЕКСЕЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ОЛЕШЕВУ

Пастушьи прения впервые воспеваю
И сельски божества со страхом призываю.
Помедли, Вологда, останови на час
Поток поспешных волн, чтобы свирельный глас
Раздался, по твоим носясь струям прозрачным,
И чтоб живущие по рощам нимфы злачным,
Собравшись толпой ко берегу твоему,
Умолкли с кротостью, когда свирель возьму.
Вы юному певцу, о фавны, не мешайте
И прочь с сатирами отсюда поспешайте.
А ты, любитель рощ, владелец сих лугов,
Начальник и краса окрестных пастухов,
Будь юности моей советником и другом.
Ты музам жертвуешь и мудрости досугом.
Еще скрывались тьмой небесные красы,
Стада не сотрясли с себя ночной росы, –
Уже два пастуха, два юноши прекрасны,
Искусны оба петь и в песнях их согласны,
С горы высокой в дол овечек повели
На паства, где цветы весенни расцвели.
Уж птички, пробудясь, на ветвях воспевали,
И ветви, тихо их качая, трепетали.
Аврора бодрая оставила свой сон.
Так Дафнис говорил, так после Коридон:

Да ф н и с

Послушай, как вокруг певцов древесных хоры
Соединились петь пришествие Авроры.
Почто и нам молчать? Отверст природы храм,
И дневный луч звезды играет по горам.
Смотри, как ключ здесь бьет, как дале в расширенье
Бежит из-под куста, где скрыл свое рожденье,
Приятность же потом на пользу пременив,
Стремится утолять струями жажду нив
И в рощу темную уходит прочь отселе
Журчаньем отвечать тоскливой Филомеле.

Коридон

Пой, Дафнис, между тем как вол, оставив луг,
По черным глыбам нив влечет тяжелый плуг.
Здесь близко скромная фиалка расцветает
И влюбчивый зефир над розою порхает.
Чья лучше будет песнь, рассудит Палемон,
Свирели новья испытывая тон.
Залог мой – агнец сей, что, стоя над волною,
Глядит на тень свою, колеблему водою,
И, ново небо зря и новые луга,
Желает испытать рождающихся рога.

Да ф н и с

Из стада ничего закладывать не смею:
Я дома мачеху сердитую имею,
Которая овец считает дважды в день.
Вот чаша, коей край древес обходит сень:
Под нсю пастушок, на травке протяженный,
Оплакивает гнев пастушки раздраженной.
На память Мелибей ее мне подарил,
Когда со стадом прочь с сей паствы уходил.
Не найдут ей хулы в суде и самом строгом.
Ее, коль хочешь ты, даю своим залогом.

П а л е м о н

Так пойте ж, пастухи, сидя в траве густой.
Теперь природа вся сияет красотой,
Теперь цветут древа, теперь весна золотая, –
Гласите, череду друг с другом соблюдая.
Ты, Дафнис, зачинай, ты следуй, Коридон:
Угодно музам так, так любит Аполлон.

Д а ф н и с

И ты был пастухом, делийский бог прекрасный,
И ты пастушек взор носил во мысли страстной:
Любимым лавром я алтарь украшу твой,
Коль равну песнь внушишь с Дорисиной красой.

К о р и д о н

О ты, пафийский бог, ты, коим я страдаю,
К внученью твоему теперь я прибегаю.
Я сердце в дар тебе, могущий, принесу,
Когда поможешь петь Еглеину красу.

Д а ф н и с

Дориса сладостней благоуханья розы,
Белее лилии и гибче юной лозы.
И гнев пленителен, горя в ее очах, –
Что ж, если явится улыбка на устах?

К о р и д о н

Еглея тишиной дню майскому подобна,
Невинна, как любовь, как агница, незлобна:
Все хитрости ее в смиренной простоте;
Мила собой – на что убранство красоте?

Да ф н и с

Недавно на лугу Дориса отдыхала.
Я к ней приблизился – Дориса побежала;
Бежит – но на бегу ей хочется узнать,
Смотрю ли ей вослед, хочу ль ее догнать.

Коридон

О, как со мной вчера Еглея говорила!
Ты, нимфа горная, слова те разносила,
И внемлющий Зефир красавицы словам
Их на крыле своем переносил к богам!

Да ф н и с

Здесь ясны воды бьют, усыпан луг цветами,
Здесь пчел рои жужжат и холм покрыт стадами,
Дориса здесь живет, но прочь уйди она –
Луга завянут все и замолчит волна.

Коридон

Еглея с паствы сей недавно отходила
К Эгону: тягость лет Эгона удручила,
Он коз своих пасет в пустыне, на скалах;
Еглея подошла – исчез пустыни страх.

Да ф н и с

Дориса каждый час является мне новой –
Веселой, томною; лишь только б не суровой!
Как зрелым дождь плодам, овечкам волчий зев
И мразы деревьям, так мне Дорисин гнев.

Коридон

Пока меня «своим» Еглея называет
И посох мой сама цветами увивает,

Не знают овцы глаз завистливых вреда
И небо для меня безоблачно всегда.

Да ф н и с

Скажи, под коими то было небесами,
Что корабли неслись по суше парусами
С вооруженными ко приступу людьми,—
Скажи мне, Коридон, и чашу ты возьми.

К о р и д о н

Ты, Дафнис, сам скажи, где кротки, нежны птицы,
Летаючи впреди пафийской колесницы,
Огонь носят под крылом и сожигают град.
Скажи мне — и тогда пусть будет твой заклад.

П а л е м о н

Не мне, о пастухи, решить меж вами преня.
Журчанья чистых вод приятней ваши пеня.
Прекрасно Дафнис пел, прекрасно Коридон:
Достоин агнца ты, достоин чаши он.
И счастлив тот стократ, кто часть имсет вашу.
Дай агнца Дафнису, дай Коридону чашу.
Уж солнце в небесах высоко поднялось.
Вы пели — а меж тем всё стадо разошлось.

1771, начало 1780-х годов

ПРИМЕЧАНИЯ. Эклога — жанр пастушеской поэзии (буколики, пасторали), его своеобразие определяется построением в виде диалога между персонажами. *Алексей Васильевич Олешев* — писатель, переводчик философских произведений, один из руководителей юного Муравьева на литературном поприще во время пребывания в Вологде (его стихи помещены в настоящем издании, о нем самом см. в разделе «Сведения об авторах»); Олешев имел чин действительного статского советника, которому соответствовал титул «превосходительство». *Вологда* — река, на берегу которой находилось имение Олешева. ...*Начальник и краса окрестных пастухов.* — Образная характеристика с переносным смыслом: в первой половине 1780-х гг. Олешев был предводителем вологодского дворянства. *Дафнис, Коридон, Мелибей, Палемон* — традиционные имена в пастушеской поэзии. *Делийский бог* —

Аполлон (по острову, на котором, согласно греч. мифу, родился этот бог). ...*Любимым лавром я алтарь украшу твой.* – В греч. мифологии нимфа Дафна, преследуемая Аполлоном, попросила своего отца, речного бога Пенея, о помощи и была превращена в лавр; с тех пор это дерево стало священным атрибутом Аполлона. *Пафийский бог* – Эрот (по городу Пафосу на побережье о. Кипр, где существовал культ Афродиты, матери Эрота). *Скажи, под коими то было небесами, Что корабли неслись по суше парусами С вооруженными ко приступу людьми* – летописное сказание повествует, что киевский князь Олег, подойдя в 907 г. морем к Константинополю, поставил лады на колеса и под парусами двинулся по суше к городу. ...*кротки, нежны птицы* – голуби и воробьи, священные птицы Афродиты (богини, особо почитавшейся в городе Пафосе). ...*Огонь носят под крылом и сожигают град.* – В летописном сказании говорится, как киевская княгиня Ольга, ополчившись в 945 г. на племя древлян за смерть мужа Игоря Рюриковича, потребовала от жителей осажденного ею города Искоростеня дань в виде воробьев и голубей от каждого двора, а затем приказала своим воинам выпустить птиц, привязав к ним трут с горящей серой; птицы вернулись домой, и город был сожжен дотла.

ПИСЬМО К А. М. БРЯНЧАНИНОВУ НА СМЕРТЬ СУПРУГИ ЕГО ЕЛИСАВЕТЫ ПАВЛОВНЫ

Елизы боле нет!.. Я лью потоки слезны,
Для твоея, мой друг! утечи бесполезны.
Се радости твои!.. их нет уж для тебя,
Но ты чти Божью власть, отрады погубя.
Вот чаемых забав какое совершенье!
Одна лишь грусть твоя твое днесь утешенье;
Возри на тлен вещей: ум, юность, красота,
Увы! пред Божиим величьем суета.
Удары, коими твою сразил он младость,
Преобратили в желчь всех удовольствий сладость.
Стени, и я стеню; но стон свой прекрати,
Коль можешь, так сие писание прочти.
Не плач твой унимать, не сетованье стану –
Я боле раздирать хочу твою днесь рану.
Плачь, плачь, слезами тщишь то место омочить,
Где сердца часть ты мог от сердца разлучить,
Терзайся, говорю, и рвися над гробницей,
Отъятой от тебя Всевышнего десницей.
Рыдай... но, жалуясь, брегися согрубить
Пред Тем, кто восхотел тебя так оскорбить.

Любезный друг! мы все волнуемся, как в море,
И бурно житие свое окончим вскоре;
Достойна ль наша жизнь, чтоб нам ее жалеть,
Когда мы бед своих не можем одолеть?
И кая польза в том была б твоей любезной,
Скоряе иль поздей нить кончить жизни слезной?
Родея, человек умрети осужден,
А век, отсрочки миг, в темнице провожден.
Не сетуй, коль того хотел так Вседержитель, –
Душа жены твоей теперь небесный житель,
Подобием моря претекшего пловца,
Спокоилась она в объятиях Творца.
Окончивши свой век и с ним молодые лета,
Не зрела всех премен непостоянна света,
Цветок, что только цвел во утренни часы, –
Не оскорбил еще Борей его красоты.
И лучше так увясть, как увядают розы,
Как нежелъ цвеств затем, чтоб претерпеть морозы.
Как ты ее любил, люби ее ты ввек
И помни, что к бедам родился человек.

<1775>

ОДА ВТОРАЯ

К А. М. Брянчанинову

Сколько крат ни вспоминаю
Я в отсутствии тебя,
Столько крат я восстонаю,
Дни покойны погубя.
Брянчанинов! то неложно:
Мне уж боле невозможно
Муз прельщаться красотой;

Музы! вы меня прельщали,
Но в то время не смущали
Бранны громы суетой.

Лухта! ты своей волною
Мне вселяла жар к стихам,
Как прозрачной быстриную
Вал лила по мягким мхам.

Но волна та прокатилась;
Ах! когда бы возвратилась
И лилась бы паки вспять;
Льется там она, как прежде,
Но не буду я в надежде
Зреть берега ее опять.

Брянчанинов! я простился
И с стихами, и с тобой,
Богу браней посвятился
Неминуемой судьбой.
А пермесские богини
Стали днесь мои врагини,
Коль влекут еще меня;
Пожалей меня в отсутствие
И един, не в многолюдстве,
Ты посетуй, восстения.

Наша жизнь полна превратов,
Наша жизнь – игра страстей:
Мало ль сих нам сопостатов,
Мало ль к смерти нам путей?
Или должно устремляться,
По кончину утомляться
И не ведать, что покой?
К претекающему веку
Льзя ль прибавить человеку
Хоть часа черты одной?

Скоро, скоро, может статься
(И кто ведает когда?),
Час приблизится расстаться
Мне с тобою навсегда.
Мой любезный брат скончался

На берегах, где ополчался
На противников, возжжен;
Мы судьбы своей не знаем:
Гром метая за Дунаем,
Он пал, громом поражен.

<1775>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Бранны громы* – военная служба, на которой Муравьев находился с 1772 г. *Лухта* – см. примеч. к стих. Муравьева «Сельская жизнь». *Бог браней* – Марс. *Пермесские богини* – музы (по р. Пермес, на берегах которой они, согласно греч. мифологии, обитали).

Николай Ильинский

МЫСЛИ О ЧЕЛОВЕКЕ

О время! Быстрина, текуща беспресечно,
Полет твоих часов во гроб меня влечет,
Где, в прах рассыпавшись, престану мыслить вечно,
Сокроется от глаз моих прекрасный свет.
Там тленно существо, вдруг слившись с землею,
В ничто преобратит всю силу, красоту;
О время! покажи теперь мне суегу,
Пока я чувствую и пользуюсь душою.

Прошедшие часы, предстаньте предо мною,
Вещая, что мой дух в течение вас мечтал!
Какою занят был я тленной суетою;
В единый пунктик я всегда вас помещал!
Сберитесь мысли все, желания различны,
Надменности мои, коварство и дела,
Намерениев тьмы, надежда в чем была!
Не вижу в вас того, чтоб были мне приличны.

Я в бездну вечности всечасно погружаюсь,
Невидимо теку, без крыл туда летя,
И мысли глубиной, как морем, поглощаюсь,
Хоть много лет прошло, не мог узнать себя.
Неволей вышел в свет, неволей умираю,
Неволею живя, терплю тьмы разных бед,
Отрады никакой почти на свете нет,
А если есть она, то ею же страдаю.

Во праздности ль сию, иль труд я предприемлю,
Не мышлю ни о чем, иль мыслю я когда,
Внутри меня я страх единый только вмемлю,
Как аспид грудь мою грызет почти всегда;
Склоняюся к добру и страсти обожаю,
Бессилен, слаб, паду, в очах уж меркнет свет,
Как пленника, меня прехитро страсть влечет,
Я плачу, я стелю, почти уж исчезаю.

Загадка естества, пречудная от века,
Есть смертный на земли, влекущий скорбну жизнь!
Название одно лишь знает человека,
Он мыслит завсегда, не зная, что есть мысль.
Он душу «дух» зовет, ее не зная вечно.
Превыше он небес умом своим парит,
Он знает многое, но сам в себе сокрыт.
Ему ли понимать о том, что бесконечно!

Отгоргшися когда б от праха сей громады,
Могли мы вознестись до облачных зыбей,
Иль паче воспаря, где светлые лампы
Сияют и блестят в кругах от вечных дней,
Тогда б явилось нам сего пространство света
Лишь точкою одной иль паче бы ничем,
Но мы, мечтая здесь, великими слывем,
И тлснность наша вся здесь титлами одета.

Вся пышность, слава, честь, мечтания надменны!
Мы только муравьи, а больше ничего,
Желанья наши все, намерения тщетны,
Не ведаем конца и входа своего.
Трудимся, пот лия, сокровища собираем,
Не зная, что чрез час нас скосит алчна смерть;
К чему ж нам собирать и жадность ту иметь?
Подобны мы траве и так же увядаем.

Родится человек бессильный, в наготу,
Без помощи других не может жизнь хранить,
Узрев пространный свет в порядке, красоте,

Не в силах сам себя он истине учить.
Его как мать, отец иль кто другой научит,
Так верит он всему, не зная ничего,
Поклонником он став закона своего,
Не зная, что чрез то он в вечности получит.

Понятья разные, обычаи, климаты
Берут тиранску власть над сердцем здесь его,
Их чтит во всю он жизнь, поверя, что те святы,
Не смея отворить рассудка своего;
На свете сколько есть народов разноличных,
Религий столько есть, обрядов здесь и вер.
Кто ж в свете есть прямой, скажи, не суевер?
Не сыщешь никого в одеждах толь различных *.

Философы блеснят своими здесь умами,
И всякой говорит: «Пожалуй, мне поверь», –
Сражаются они с собой всечасно сами;
Кому ж поверим мы? вещайте мне теперь.
Различных много сект, тьма книг на свет выходит,
Но миллиона их узнать не станет лет;
Где ж бедной человек свой сыщет ныне свет?
Он будто как слепый теперь в пустыне бродит.

Когда здоров, счастлив, то в будущем страшится;
Когда же несчастлив, то терпит тьмы он бед;
Война, пожар и мор сразить его стремится,
Тоска, печаль и грусть во гроб его влечет.
Как лодочка в водах, колеблема волною,
Не знаешь, где обреть пристанище свое,
Так бедный человек! твое здесь бытие!
Пролей ты токи слез от горести со мною.

Забавы иногда тебя здесь повстречают;
Прохлады чувственны, веселье, игры, смех
Тобою иногда, о бедный, обладают;
Но ты среди и сих несчастлив здесь утех;
И воздух, и вода, и то, что ты вкушаешь,
Стремится изнурить и вдруг тебя пожрать;

Нельзя тебе прямых здесь радостей вкушать,
Мечтой и суетой себя лишь ты питаешь.

Оставь Предвечному ты власть здесь над собою,
Коль сила есть в тебе, добро ты здесь твори,
И в мрачности своей, колеблем суетою,
Добра нетленный зрак сквозь тучу зла ты зри.
Да будешь здесь вождем, луч веры откровенный,
Ты, оным ополчась, все дебри проходи,
Хоть с трудностью на верх пригорков восходи;
Терпи, мужайся, стой, рассудком озаренный!

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА. *Все сие разрешает Божественное откровение.

Ода ВРЕМЯ

Все, что в свете ни прельщает,
Глеет, рушится, падет;
Все, что взор наш ни пленяет,
Все исчезнет и минет.
Славу, счастье, веселье,
Всех соковищей стеченье,
Младость, живость и красы
Время быстро поглощает,
Жизни нашей похищает
Все минуты и часы.

Все течет невозратимо,
В наших гибнет все очах;
Тьмы веков непостижимо
Пролетят, как будто прах;
Солнце светло утром всходит,
К вечеру оно заходит
И кончает вечно день.
В ночь луна лучи пускает
И потом свой свет теряет.
Все переходит, яко тень.

Что на свете ни блистает,
Чем ни тешим мы себя,
Время в вечность похищает,
Как на крыльях летя.
Скорбь иль радость нам случилась,
Много ль, мало ли продлилась,
Время даст всему конец.
Скорби чувствовать не будем,
Радость, счастье забудем,
Тако быть судил Творец.

Чувства нежны охлаждают,
Пылкий жар сокроет кровь,
Члены крепки одряхляют,
Не взойдет на мысль любовь;
Все утехи и прохлады,
При потоках вертограды
Взор не будут привлекать;
Время все собой изменит,
Мысли наши переменит,
Всем начнем уже скучать.

Где стояли пышны грады,
Там одни пустыни зрим;
Пирамид и стен громады
Все исчезли, словно дым.
Рим, Египет и Персида,
Вавилон, Семирамида
Невозвратно протекли;
Всякой вещи здесь премена,
Все составлено из тлена,
Что ни зрим мы на земли.

Всей Вселенной государства,
Блеск сияющих корон,
Тьмы сокровищ и богатства,
Государей твердый трон
Тлеют, зыблются, вратятся

И к концу уже стремятся,
В миг единый все пройдут.
В вихре времени жестоком,
Как в движенье вод глубоком,
Все потонут, пропадут.

Время движет и уносит
В вечный страшный Океан
Нас самих, и смело косит;
О, лютейший наш тиран!
Мы на свет сей лишь родимся,
Жить на нем мы лишь стремимся,
Как летит уж смертный час;
Мы едва лишь что узрели,
Обозреть нас не успели,
Как уж свет очей погас.

Мы, живя здесь, суетимся,
Ищем злата и сребра,
Жить вовеки в свете тщимся,
Тленна жаждем мы добра.
Для него мы здесь обидим,
Счастьем ближнего завидим,
Забывая дней полет.
Но лишь счастье к нам явится,
Лишь блаженство утвердится,
Время к смерти повлечет.

Все на свете сон чудесный,
Все на свете суета,
Лишь видения прелестны,
Сонны грезы и мечта;
Коль себя ни охраняем,
Коль в честях ни возвышаем,
Все нетвердо, ломко, тлен;
Как лиются в море воды,
Так проходят наши годы,
И впадаем в смертный плен.

Всякий час к концу нас ближит,
Всякий шаг туда влечет,
Время вихрем сильным движет,
Жизнь в мгновенье протечет.
Что теперь лишь я дышаю,
Мысль пером изображаю,
Время между тем летит.
Лишь перо сие скончало,
Время новое настало,
В вечность каждый миг парит.

Чем же бег сей удержати,
Чем нам время воспящать?
Мысль закону покоряти
И добро должны являть.
Мы сим время скоротечно
При себе удержим вечно,
Внидем в вечный сим чертог!
Чтобы смертны возвышались,
От пороков очищались,
Время дал на то здесь Бог.

ПРИМЕЧАНИЯ. *Охлаждают* – здесь: охладсут. *Одряхляют* – здесь: одряхлеют. *Персида* – Персия. *Семирамида* – царица Ассирии (IX в. до н. э.); с ее именем ошибочно связывают сооружение «висячих садов» в Вавилоне (сады Семирамиды). *Вратятся* – здесь: низвергаются, падают. ...*В вечный страшный Океан* – в вечность. *Вовеки* – здесь: вечно.

Федор Брянчанинов

ХОЧУ

Любить несносно без отрады,
С сим чувством грустно в свете жить;
Я без надежды, без награды
Хочу Анету век любить.

Хочу ее прельщаться взором,
В молчаньи страсть мою таить,
Ее прекрасным разговором
Страданье сердца усладить.

Хочу с ней быть везде в собрание,
Чтобы пред всеми отличать,
Оказывать мое вниманье
И ей в желаньях угождать.

Хочу в ее я упражненье
С ней время вместе проводить,
Хочу в ее я утешенье
Себе забавы находить.

Хочу внимать и восхищаться
Ее на арфе я игрой;
Хочу я, слышавши, прельщаться
Анетой в мире лишь одной.

Хочу в приятны дни погоды
В садах и рощах с ней гулять,
Хочу я прелести природы
В сердцах взаимно ощущать.

Хочу природы совершенства
В тебе одной лишь находить,
И ставлю в том свое блаженство,
Чтоб мысли с чувством согласить.

Хочу с унылою душою
В местах, где ты, – там обитать;
Я воздухом одним с тобою
Хочу остатки дней дышать.

Хочу, чтоб ты мне подавала
Свои законы в мире жить,
Моею жизнью управляла,
Лишь мне оставя власть любить.

Хочу, с сим чувством засыпая,
Тебя во сне воображать;
Хочу, сон сладкий прерывая,
Тобой наставший день встречать.

Хочу, чтоб солнце восходило
И освещало шар земной,
Мои бы чувства находило
И сердце, занято тобой.

Хочу ничем не восхищаться,
Хочу ничем не дорожить,
Тобой одною лишь прельщаться
И для тебя на свете жить.

Хочу терпеть беды, напасти,
Хочу крушиться и страдать,
Чтоб силу чувств и нежность страсти
Тебе сильнее доказать.

Хочу того, чтоб ты узнала,
Что я страдаю и терплю,
И мне в отраду бы сказала:
«Люби – и я... тебя люблю».

Конец XVIII в.

Евгений (Болховитинов)

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ О ЖИЗНИ, СЧАСТИИ И СМЕРТИ

І. О жизни

Первый глас
В жизнь у нас –
Глас младенческа стенанья;
Первый шаг
В свете – страх,
Страх страстей обуреванья;
Как корабль пучин волнами
Влается во все страны,
Так играют страсти нами,
Коим все мы преданы.

Лишь минет
Страх сих бед,
Тут – домашние заботы
Займут вдруг
Весь наш дух –
И общественны работы.
Жизнь тогда уж протекает
Не для нас, а для других;
Тот, кто ближних одождает,
Тем счастлив бывает в них.

Вслед за тем
Обща всем
Наступить должна судьбина,

Скорбей всех
И утех,
Дел и жизни сей кончина.
Вот чем век наш совершится,
Там – настанет век другой...
Тот блажен, кто жить здесь тщится
Не для жизни сей одной.

II. О счастье

Скажи мне, друг мой верный,
В чем счастья предмет?
В гордыне ли надмерной
Оно всегда живет?

Но – гордость лишь мечтает
О счастье своем,
Всему предпочитает
Себя коль в свете сем.

Иные почитают
Богатство лишь добром
И счастье поставляют
Свое лишь в нем одном...

Но – кто его хранитель,
Тому в нем нет плода,
А кто лишь расточитель,
Тот алчет завсегда.

Иные чеством льстятся
И в титулах ищут благ,
Но век за ними гнаться
Есть жить лишь в суетах.

«На счастье Бог-Содетель, –
Ты мне речешь в ответ, –
Дает лишь добродетель,
Без ней – и счастья нет».

III. О смерти

Вотще мя устрашаешь,
О смерть, своей судьбой:
Пусть так – ты обладаешь
В сем тленном мире мной;

Но тело поражаешь
На время только в нас,
Всю силу потеряешь,
Когда явится Спас...

В бессмертье облечется
Тобой сраженна плоть,
И тленье не коснется,
Когда придет Господь.

Тобой сраженны жертвы
Восстанут из гробов
И век не будут мертвы,
Всяся в лик духов.

Разрушится держава
С концом миров твоя,
Победа, честь и слава
Останется – моя.

Но – есть во мне и ныне
Средь тли нетленна часть:
В ней и в ея судьбине
Твоя бессильна власть.

ПРИМЕЧАНИЕ. Первая публикация стихотворений в «Прибавлениях к "Вологодским епархиальным ведомостям"» (1866. -- № 15) сопровождалась пояснением: «Найдены с подписью "Евгений Болховитинов" (имя и фамилия покойного киевского митрополита Евгения, бывшего с 1808 по 1813 год епископом Вологодским). Вологодские старожилы, помнящие время преосвященного Евгения, приписывают эти стихотворения ему самому, другу знаменитого Державина; к

этому прибавляют старожилы, что эти стихи, по-тогдашнему называвшиеся “кантами”, были положены на ноты и нередко распевались архиерейскими певчими. В числе этих старожилков был мой покойный родитель, священник Вологодской епархии, пользовавшийся во время учения в семинарии особым расположением преосвященного Евгения, поручившего ему переписывать набело свои проповеди и другие сочинения. Родитель мой подтверждал о приводимых стихотворениях то же, что и другие. Н. Суворов».

ДВА КАНТА

I

Для того ли светом льститься,
Чтобы мерять жизнь тоской,
Чтобы плакать и крушиться
И не знать, что есть покой?

То несчастья, то напасти
Перед нами предстоят,
То бунтующие страсти
Дух тревожат и мутят.

Все нас тщится одолети,
Все к унынию влечет,
Все страшит косою смерти,
Все к отчаянью ведет.

Невозможно слез потоком
Пламень бедствий погасить,
Ни в забвении глубоком
Их не можно заглушить.

Нам приятен воздух чистый,
Коль живем во мгле дымов,
Нам завидны птичек свисты,
Коль глушит нас шум градов.

Но и в поле чистом скука
С нами может обитать,
И средь хоров птичьих мука
Сердцем может обладать.

Хоть в лесах сокройся темных,
Хоть в чертогах будешь жить,
Но и там и тут смертельных
Скук не можешь ты избыть.

В Боге лишь покой сердечный,
С ним без света сладко жить,
В размышленьи жизни вечной
Должно счастье находить.

Все пройдет и все минется,
Тварям будет всем конец,
Лишь навеки остается
Утешенье нам – Творец.

II

Только явятся
Солнца красы,
Всем одеваться
Придут часы.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же!

К должности водит
Всякого честь;
Полдень приходит –
Надобно есть.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же!

Там разговоры
Нас веселят,
Вести и ссоры
Время делят.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же!

Ложь и обманы
Сеет злодей;
Рвут, как тираны,
Люди людей.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же!

Строги уставы
Мучат наш век,
Денег и славы
Ждет человек.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же!

Кто богатится,
Наг тот бредет,
Кто веселится,
Слезы тот льет.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же!

Счастье находим,
Счастье губим.
В чем жизнь проводим?
Ходим да спим.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же!

Время, о время!
Ты лишь мечта,
Век наш есть бремя,
Все суета.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же!

Сколько ни видим
В мире сует,
Не ненавидим,
Любим сей свет.

Боже мой, Боже!
Всякий день то же!

ПРИМЕЧАНИЯ. Публикация стихотворений в «Прибавлениях к “Вологодским епархиальным ведомостям”» (1869. – № 12) сопровождалась примечанием: «Оба ниже предлагаемые канта преданием вологодских старожилов приписываются преосвященному Евгению, бывшему с 1808 по 1813 год епископом Вологодским, впоследствии митрополитом Киевским. В книге под заглавием “Утро” (литературный и политический сборник, изданный М.П. Погодиным, 1868 год, книжка 3), в статье “Заметка о Киевском митрополите Евгении” автор этой заметки П.И. Савваитов говорит: “Преосвященный Евгений любил поэзию и музыку, любил иногда писать стихи, и некоторые сам прелагал на голоса. Лишившись жены, он написал и положил на ноты стихотворение:

Для того ли светом льститься,
Чтобы мерять жизнь тоской?
(И проч.)

Отец мой (священник г. Вологды И.И. Савваитов), который пользовался любовью преосвященного Евгения в бытность его в Вологде, любил петь этот – как называли тогда – кант. Кажется, Евгению принадлежит и другой кант, начинающийся стихами:

Только явятся
Солнца красы
(и проч.)”.

Не знаем, известны ли г. Савваитову вполне два означенные канта, потому что он приводит из них только начальные стихи. Отыскав недавно в Вологде полные копии этих кантов, мы сочли излишним предложить их вниманию читателей памяти преосвященного Евгения». *К должности водит* – побуждает ходить на службу.

Михаил Заварин

КАНТЫ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

I

Радость, радость –
Суд и благость
Всемогуший к нам ведет;
Вся вселенна,
Восхищенна
Песнь торжественну поет.

Слава, слава в вышних Богу,
На земли небесный мир! (Bis.)

Ярко блещет,
Ярко мещет
Луч свой новая звезда,
От востока
В путь далекой
Ко Христу царей ведя.

Слава, слава в вышних Богу,
На земли небесный мир! (Bis.)

Там в эфире,
В звездном мире
Гимны зыблют небеса.
Да несутся,
Да сольются
С ними наши голоса.

Слава, слава в вышних Богу,
На земли небесный мир! (Bis.)

ПРИМЕЧАНИЯ. Публикация стихотворения в «Прибавлениях к “Вологодским епархиальным ведомостям”» (1869. – № 1) сопровождалась следующим пояснением: «Этот кант – сочинение одного из современников преосвященного Евгения (впоследствии митрополита Киевского) во время пребывания его на кафедре Вологодской, одного из тогдашних воспитанников Вологодской семинарии и певчих архиерейского хора, Михаила Антоновича Заварина, бывшего после священником в г. Устюге. Нотное переложение этого канта, сделанное самим автором, хорошим композитором, по отзыву знатоков, превосходно». *Слава, слава в вышних Богу. На земли небесный мир!* – Парафраз из «Ангельской песни»: «Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение» (Евангелие от Луки, гл. 2; 14). *Bis* – еще раз (лат.).

II

Что торжествуют,
Долу склоняясь,
Днесь небеса?
Что так ликуют,
С небом сретаясь,
Дол и леса?

Слава, слава в вышних Богу!
К нам являя милость многу,
Сын Превечного – Господь
Днесь приемлет брэнну плоть;
Да воскликнет же вся тварь:
«Слава, слава, слава!».

Бедствия лета,
Страхи, печали
Днесь протекли;
Ангели света
Громко сказали:
«Мир на земли!».

Ангели – сонм сил небесных!
Вы учили бессловесных

Знать во яслях Божий глас;
Научите днесь и нас
Достодолжно Бога славить,
Славить, славить, славить!

III

Громко жители эфирны
Воспевают в небесах;
Сладко, сладко тоны лирны
Отзываются в сердцах.
Чувством радости святых
Всяка плоть оживлена:
Днесь пришел спасти Мессия
Все земные племена.

С нами Бог! да разумеют
Все языки на земли!

Слово жизни воплощено
Примирило с небом нас, –
И перун Его разженный
В бездне благодати погас.
Ночь не мучит уж мечтами,
День к веселью настает,
Вера кроткими устами
К Царству славы нас зовет.

Буди слава в вышних Богу
И спокойство на земли.

ПРИМЕЧАНИЯ. Публикация кантов II и III в «Вологодских епархиальных ведомостях» (1881. – № 24) сопровождалась пояснениями: «Сообщены протоиереем великоустюжского Успенского собора Арсением Мих. Поповым при следующей заметке: “Канты эти найдены в нотных тетрадах, оставшихся после двух бывших в 1810-х годах при знаменитом епископе Вологодском Евгении Болховитинове регентов архиерейского хора, Михаила Антоновича Заварина и Алексея Петровича Попова, из которых первый был впоследствии священником Устюжского девичья монастыря, а второй – учителем Устюжского духовного училища. Сочинителем текста кантов можно полагать М. А. Заварина, отличавшегося даром

поэзии. Но так как и сам преосвященный Евгений, друг Державина, славился этим даром, то не без основания можно думать, что была и его доля участия в составлении кантов»». *Бедствия лета* – времена бедствий. *Вы учили бессловесных Знать во яслях Божий глас* – в Евангелии от Луки сказано, что новорожденный Иисус был положен матерью в ясли, кормушку для скота (т. е. рядом с ними, вероятно, были домашние животные – «бессловесные»).

Даниил Пятилин

ОДА ПО СЛУЧАЮ НЕОБЫКНОВЕННОГО НАВОДНЕНИЯ В Г. УСТЮГЕ ОТ ВЕСЕННЕГО РАЗЛИТИЯ Р. СУХОНЫ В 1817 г.*

Во граде Устюге Великом
Все были в ужасе коликом,
Когда стоял он весь в воде!
Вода, умножившись весною,
Несла лед Сухоной-рекою;
Лед ниже града сперлся в льде:
Запором там вода спященна,
Пустила ярость в край берегов, —
Так выше меры наводненна,
Кипя, лилась в долины рвов.

Глубоки рвы бездонны стали,
В них крепости размыты пали,
Проезжий лед пошел туда;
Тут суды с пристани срывались,
Водой мостов столпы ломались,
Камень подняла вода,
Вода с железом гору смыла**
И огненной так быстриной
Свой ключ кипучий вперед пустила
Во град против мест всяких в бой.

О, что тут видеть было можно!
Тут виделось аки б не ложно,
Что сам морской Левиафан,
Пришедший из морской пучины,

Врывался в устюжские рвины,
Лил воду, строил себе стан;
При том берега, сколь не счастливы,
Снизу размыты стали вдруг,
Везде бездонные разливы
Воды явились ярой вкруг.

О страх, о трепет преужасный!
Уж что чинит тот рок напрасный?
Вот дома жилы в себе рвут,
Трещат, ревут, в пыли крушатся,
Подмыты с гор, во рвы валятся,
Рассыпав, по валам бегут;
В валах коляски, оси, сани,
В валах подвалы, сундуки,
Шкапы, столы, тут бочки, чаны,
В валах уж всяких вещей тьмы.

Валы текут, как Гангес, златом,
Всем кажут в нонте так горбатым
Подмыты бисером струи;
Да нет, – никто никак тех взять,
Никто никак их переняги
Не смел, не силен той поры;
Тут слышно только, что доброта
Во всяком в тренет, в дрожь пришла, –
Что слезоточная стенота
Покрыла в граде все места.

Муж плачет о своем богатстве,
Жена уборов о изрядстве,
Девушка о злосчастье дней;
И Крезы, Бахусы прохлады,
Пииты, риторство, Паллады,
Умолкнули все от речей;
Одно всяк только восклицает:
«Мне как уж жизнь теперь хранить?
Вода всю силу отнимает...
О, что, ах, что се хочет быть?»

Другой, и также в том же рове,
Водой загнан, сидящ на крове,
В слезах кричит: «И мне вот рок!..
Вода уж дом мой затопляет,
Под ним фундамент разрывает:
Пришел в валах мне гибнуть срок!..»
Таким так воплем слез печальных
Сквозь шум валов, входящих в слух,
Вот вдруг тревога от мест дальных:
Вода чинит пожар уж вкруг...

На страх другой страх: о страх вящший!
Вода в воде домов стоящих
Жжет, без надежды отнимать;
Такой вода пустила пламень,
Что белый, как льдовидный, камень
Подгнетой был огню пылать.
Какая дивная причина!
Как всем пришел конец отрад;
О Боже, коль грозна судьбина
Ударила во Устюг-град.

Так в Устюге, доголь великом,
Не только стогна всяким криком
Стенали, как идя на казнь,
Но в граде том одном три града
Казалось***, что в нем всяки чада
Водой разбиты были в разнь.
Така-то в новы наши лета
Была, открывша гнев земли,
Щедрот Божественных примета:
Ты, Устюг, в чувство то возьми.

ПРИМЕЧАНИЯ. Публикация текста в «Вологодских епархиальных ведомостях» (1875. – № 15) сопровождалась следующими пояснениями издателя: «* Стихотворение это доставлено в редакцию одним почтенным старожилом г. Устюга вместе с другим стихотворением – “Одою на избавление Устюга в XIII столетии от каменно-огненной тучи по молитвам св. праведного Прокопия, устюжского чудотворца”. Обе оды, по свидетельству доставившего их, сочинение протоиерея Устюжского Прокопиевского собора Даниила Пятилина, бывшего настоятелем этого со-

бора в 1810-х годах. Воспеваемое в оде страшное наводнение есть то самое, продолжавшееся около семи дней, о котором в Устюжском Летописце упоминается под 1817 годом в следующих словах: “1817 года, апреля 16 дня, от случившегося запору при вскрытии Сухоны приключилось в городе наводнение, и вода бросилась в ров, коим и лед несло не мало, от чево дома, находившиеся на местах, Песками называемых, повредило, а некоторые и снесло, жители же оных несколько времени спасались на крышках, а потом уже, помощью полиции и деятельностью градского главы Воробьева, вывозимы были в безопасные места и небольшое время содержались пособием купца Захарова, наводнение же сие продолжалось до 22 числа апреля”. Из стихотворений видно между прочим, что во время наводнения случился еще, к увеличению бедствия и страха жителей, где-то в залитой части города и пожар. ** Здесь под “горою с железом”, вероятно, разумеется так называемое в Устюге “Городище”, или древняя городская крепость с церковью преп. Варлаама Хутынского, некогда окруженная деревянными стенами с башнями; на стенах этого городища в старину находилось 12 пушек железных, да внутри городища в сарае хранилось несколько пушек и пищалей железных и множество ядер железных. См. об этом в “Памятной книжке Вологодской губернии на 1864 год в статье *Устюг Великий в конце XVIII столетия*”. *** Знакомые с местностью Устюга, конечно, поймут, каким образом при описываемом страшном наводнении город мог быть разделен водой “на три града, разбитые водою в разнь”, т. е. лишенные на время сухопутного между собою сообщения. По этому же обстоятельству отчасти можно судить и о том, которое из двух наводнений было сильнее: бывшее ли в 1817 году или постигшее Устюг весною 1873 года (о последнем наводнении см. № 19 “Вологодских губернских ведомостей”, часть неофициальная). При написании стихотворения автором использован один из вариантов десятистишной одической строфы (четырёхстопный ямб, рифмовка по схеме ААБВВБГДГД). ...*аки б не ложно* – словно на самом деле. *Левиафан* – в Ветхом Завете огромное морское змееподобное чудовище (Книга Иова, гл. 40, ст. 20–27; гл. 41, ст. 1–26). *Гангес* – Ганг, священная река индусов. *Крезы* – богачи: по имени Креза (595–546 до н. э.), прославившегося богатством и щедростью царя Лидии, страны на западе Малой Азии; имя его стало нарицательным. *Бахусы* – любители застолий (по имени римск. бога виноделия Бахуса, прокровителя пиршеств). *Паллады* – здесь: ученые (по имени Афины Паллады, греч. богини мудрости). ...*разбиты были в разнь* – были разобцены, разделены.

ОДА Г. УСТЮГУ НА ИЗБАВЛЕНИЕ ЕГО ОТ ИСТРЕБЛЕНИЯ КАМЕННО-ОГНЕННОЙ ТУЧЕЙ В XIII СТОЛЕТИИ ПО МОЛИТВАМ СВ. ПРАВЕДНОГО ПРОКОПИЯ, УСТЮЖСКОГО ЧУДОТВОРЦА*

Каков стоял тогда пред небом,
Как царствующего над Фебом
Гнев разгорелся на тебя!
В век наших прадедов то было,

Что днем всемирное светило
Закрыло очи, к нам глядя...
С четырех стран четыре тучи
Скатились враз на Устюг-град,
С огнем взошли каменья кучи
Над всяк в нем род отцов и чад.

С таких туч темных пламень красный,
Закрыв во граде всем зрак ясный,
Жег чувственно живых людей,
А гром со громом прегремяши,
Отъемля слух, бил с ног стоящих,
Бил всех с надежных крепостей;
Сверху казалось небо медно,
Как уголь в горниле, калено,
Внизу лице земное бледно,
От взора Вышнего мертво.

Во облаках каменоносных
Блистательны перуны грозны,
На воздухе от молний жар,
Во храминах огонь холодный,
Внутри себя зоил безгодный
Во всех терзаяй чувствах дар;
Отвсюду гибель пред очами,
Со всех сторон уж рок в глазах,
В пути, в дорогах, под ногами
Смерть явная на всех стезях.

Каков страх – самовидным взором
Узреть в часе, внезапно скором,
Самую смерть с ружьем ее**,
Страшнообразну, нагу, хладну,
Зубатую, кусливу, гладну,
Ярящусь всем пресечь житье.
То в Устюге так живо было...
Смерть очевидно на людей
Каменья, что на них всходило,
Казала с туч рукой своей.

Она сквозь тьму между туч мглами
Своими алчно всех зубами
Мертво хватала за тела;
При блеске молнии ужасной
Лице свое казала ясно,
Сколь на людей она грозна;
Сухими всех было ногами
В пути сей жизни заплела,
Холодными было руками
Ко аду весь град довела...

Но о, Божественна щедрота!
Не затворил еще ворота
Господь Бог Царь, щедрот Отец, --
Напомнил Он о нашем граде,
Что есть и он в Его ограде,
Что Он его Бог и Творец...
Огонь, во гневе распаленный,
Взраз изволил Он тушить,
И гнев, на град определенный,
Со всем на милость пременить.

Ах, город Устюг всеблаженный,
Ах, град, из мертвых воскрешенный!
Какая радость излилась!
С тобой рука самого Бога
За все твои дела премноги
И в месть и в милость обрелась:
Без славы славен ты пред Фебом,
Ты – новый Иерусалим,
Ты то ж себе днесь зрел под небом,
Что прежде Бог творил и с ним.

Хвались ты тем, да и смиряйся,
Ты радуйся и ужасайся,
Перст Божий на себе нося...
Уж для твоих то исправлений
Довольно Божьих посещений, --

С слезами помни то всегда.
Целуй ты раки, что сияют
Внутри тебя в твоей земле, —
Из тех текли и истекают
Такие благодати тебе.

Свою смерть видел над собою,
Огнем когда ты и водою***
От Бога в гневе посещен...
Возьми уж в чувство, умудрися,
Напомня то, всегда слезися,
Что не в конец ты погублен;
Воды живое видя дело,
Сей век твой с прежними сравняй,
Входя во рвы, как в них кипело,
В слезах всегда напоминай.

Я, в руки взявши мою лиру,
Бряцать на оной буду миру:
В градах град Устюг наш велик,
Велик, что Божия печати
И ярости и благодати
В себе имеет знак и лик.
На нем знак древний: тучи, громы, —
А ныне лик — те страшны рвы...
О, устюжски и всяки дома,
Впишите то в свои умы!

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение было опубликовано в том же номере «Вологодских епархиальных ведомостей», что и предыдущее, со следующими пояснениями издателя: «* В старинном рукописном житии св. праведного Прокопия, Устюжского чудотворца, об избавлении г. Устюга от каменно-огненной тучи говорится сперва, что это событие случилось “не за долгое время” до преставления праведного Прокопия (преставился в 1303 году) и было им, по Божию откровению, предсказано устюжанам. Затем описывается нахождение страшной тучи в следующих словах: “Хотяще Бог некогда за преумножившиеся грехи человеческие потребити град Устюг молниею и каменными тучами, и в полудни найде на град облак темен и помрачиси свет дневный, яко ночь темная; таже восташе от четырех стран великие тучи с молниями непрестанными, на град находящие; и бяху громи страшны, яко не слышати друг друга глаголюща, и колебашеся земля от страшного трещания громов, а от молний бысть вар велик; тогда людие познаша быти гибель

свою, гневом Божиим на град нашедшую, и вспомянуша проповедь блаженного Прокопия и пророчество его... и текоша убо вси во святых церкви, а наипаче в соборную церковь Пресвятыя Богородицы и совершаху моления со слезами. Притек же и святой Прокопий в церковь, паде пред иконою Пречистыя Матери Божия". Далее повествуется, что после долгого и слезного молния св. Прокопия и всего народа "показася чудо предивно от иконы Пресвятыя Божия Матери: миро от образа Ея изыде и аки от источника течаше... и в той час пременяся воздух, и тучи страшнии с блистаниями и громами отъидоша на пустыя места, отстоящая от града за двадесять поприщ и тамо олождивше камение велие разженное, многия лесе сокрушиша и пожгоша; а от человек и скотов никого же убиша заступлением Пресвятыя Богородицы и молитвами св. Прокопия". ** Здесь поэт ради рифмы к слову "житье" написал "ее" вместо "ея". *** Этим словом намекается на наводнение, бывшее весной 1817 года». Автором использован тот же вариант строфы, что и при написании «Оды по случаю необыкновенного наводнения в г. Устюге...» (см. примеч. к этому стихотворению). *Прокопий Устюжский* (вторая половина XIII – начало XIV века) – святой, бывший Христа ради юродивым. *Феб* – здесь: Солнце (Фебом в греческой мифологии именовался Аполлон, который считался не только покровителем искусств, но и божеством солнечного света). *Зол безгодный* – здесь: грешник. ...*самовидным взором* – воочию. ...*Что есть и он в Его ограде* – т. е. что и Устюг находится под Его защитой. ...*Ты – новый Иерусалим* – столица еврейского государства Иерусалим на протяжении 3500-летней его истории неоднократно разрушался и отстраивался. ...*раки, что сияют Внутри тебя в твоей земле* – гробницы с мощами великоустюгских святых.

Неизвестный автор

СВЕРЛЮК СТЕРЛЮК ХАРАХОРОВИЧ

Повесть.

Древнее русское стихотворение 184-го года

Что на славной реке Вологде,
Во Насоне было городе,
Где доселе, было, грозной царь
Основать хотел престольный град
Для своего ли для величества
И для царского могущества.
Укрепил стеной град каменной
Со высокими со башнями,
С неприступными бойницами.
Посреди он града церковь склал,
Церковь лепую, соборную,
Что во имя Божьей Матери,
Ея честнаго Успения;
Образец он взял с Московскаго,
Что с собора со Успенскаго.
Стены храма поднимались,
Христиане утешались.
Уж как стали после свод сводить,
Туда сам царь не коснел ходить,
Надзирал он над наемники,
Чтобы Божей крепче клали храм,
Не делили б плинфы красныя
И той извести горячия.
Когда царь о том кручинился,
В храме новым похаживал,
Как из своду туповатова

Упадала плинфа красная,
Попадала ему в голову,
Во головушку во буйную,
В мудру голову во царскую.
Как наш грозной царь прогневался,
Взволновалась во всех жилах кровь,
Закипела молодецка грудь,
Ретиво сердце взъярялося;
Выходил из храма нового,
Он садился на добра коня,
Уезжал он в каменну Москву,
Насон-город проклинаячи
И с рекою славной Вологдой.
От тово проклятья царскова
Мать-сыра земля тряхнулася,
И в Насон-граде гористоем
Стали блаты быть топучия,
Река быстра, славна Вологда
Стала быть водой стоющею,
Водой мутною, вонючею,
И покрылася вся зеленью,
Скверной зеленью со плесенью.

После в граде том несчастном,
Через многи годы долгия,
Случилась жить добру молодцу,
Голове буйной, удаленькой.
Ево знали, ево ведали
Все князья и со боярами,
И писали к нему грамотки
Изо всех из самых дальних стран.
Назывался добрый молодец
Свёрлюк Стёрлюк Харахорович.
Он был леп собой, как солнышко,
Когда тучами покроеся,
А лица был хоть негадкова,
На дресвян камень похож он был,
Но ребинки лик не портили,
Красоту его лишь множили;

Волос черной на головушке –
Как правó крыло у ворона;
Говорил не умолкаючи,
С пустекам дела мешаючи;
Князья-бары забавлялися,
Красны девушки смеялися,
А молодушки глумилися.
Был Сверлюк сердца предоброва,
И души он был пречестныя,
Только был за ним зарок один,
Как в преданьях то написано:
Он был падок к красным девушкам,
Ко молоденьким молодушкам,
Не хотел вступить в законной брак.
Кусом петым <?> он гнушаяся,
Жил с блудницею любимую,
С<о> честною <со> вдовицею
Соломоньей Ксеалеевной,
С толстой, плотною, широкою,
С малой, низкой, красноликою,
Что насмешники проклятые
Называли черепахою, –
Но еще тем не доволен был,
Липь бы мог где, то всегда грешил.

Как в один день лета краснова,
Во июле было месяце,
Взволновалась в нем горяча кровь,
Возгорелась похоть плотская,
Захотел ее уздобить <он>,
Выходил на красное крыльцо,
Возопил он громким голосом:
«Вы о гой еси, друзья мои,
Друзья верные, приятели,
Молодцы, хваты удалые,
Молодецкие головушки,
Мы поедемте в чисты поля,
Где как в те ли заповедные луга,
Зеленые, подгородные,

Мы там станем не охотиться,
Не гусей бити со утками,
Не лебедушек со пташками:
Там есть много красных девушек
И молоденьких молодушек,
Мы вокруг их подвизаемся,
И мы с ними разыграемся,
В караводе со красотками,
В чистом поле со молодками».
Как не соколы взвивались
Выше лесу по поднёбесью,
Собирались добры молодцы,
Добры молодцы удалыя,
Выходили все за град-Насон,
Уж как в те ли во чисты поля,
Уж как в те ль заповедны луга,
В зеленые, подгородные,
Чтобы там им не охотиться,
Не гусей бити со утками,
Не лебедушек со пташками,
А там много красных девушек
И молоденьких молодушек,
То чтоб вкруг их увиватися,
И чтоб с ними разыгратися,
В караводе со красотками,
В чистом поле со молодками.
Как проходят стражу крепкую,
Их никто тамо не спрашивал,
Их никто не останавливал,
И выходят на зеленой луг.
Как увидели там чудо вдруг:
Точно лебеди на озере
В ясну летнюю погодушку
Стадом плавают гаркаючи,
Весть друг другу подаваючи,
Как то в тех заповедных лугах,
Как стояли шатры белые,
И там песни раздавались
<По> всему ли по поднёбесью.

Наш молодчик Харахорович,
Он догадлив был и сметчивой,
Обернулся к добрым молодцам
И возговорил такую речь:
«И вы гой еси, друзья мои,
Други верные, приятели,
Молодцы, хваты удалые,
Молодецкие головушки,
Счастье, знать, ходит не по лесу,
А между людьми шатается,
И вы зрите ль шатры белыя,
Но не воинство поганое
И не вражеска пришла к нам рать,
То народ ндрава веселова,
Что остаточек от славнова
Фараона горда воинства,
Мы тепере пойдем прямо к ним,
Они будут нас забавити,
В своих песнях славно славити,
Своей пляскою прельщати нас;
У них девушки все ласковы,
Все молодушки податливы,
Их отцы, мужья не сердятся,
Когда щедро с ними платятся,
Легко златом у них все достать».
Молодцы все грудью двинулись
Что ко тем ли ко белым шатрам,
К тому табору веселому,
Что народа фараонскова.
Что не пташки из густых лесов
Вылетают на рассвете <дня>,
На восходе красна солнышка,
Свои перья расправляючи,
Сладки песни воспеваючи,
Как из тех ли шатров белых,
Тово табора веселова,
Выходили красны девушки
И прелестныя молодушки,
Свои фаты расправляючи,

Фаты шелку все персидскова,
Громко песни распеваячи,
Молодцов тех прославляючи,
Потом все в круг становилися,
Две из девок отрядилися
И, вошедши в тот широкой круг,
Молодцам всем поклоняются,
Друг со другом разбегаются,
Запевают песню громкую,
Песню громкую, забавную,
Все молодушки пригаркнули,
Красны девушки прикрикнули,
И, руками все захлопавши,
Пошли две девки плясать в кругу.
Тут Сверлюк наш Харахорович
Всей душою разгорается,
Одной девушкой прельщается,
Он берет ли звончаты гусли
И подыгрывает песенку,
Песню сладкую, любовную.
Девки пляски свои кончили
И в кругу всем поклонилися,
К Сверлюку обе придвинулись,
Его гусли чтобы слушати.
Харахорович одумался,
Он берет ли за леву руку
Уж как ту ли красну девушку,
Что котора по душе пришласть,
По своей воле, обычаю
Что по ндраву молодецкому;
Он отводит ее в сторону,
По конец луга в ракитов куст,
Говорит ей речи сладкия,
Общает много сѣребра,
Много сѣребра-золотой казны,
Чтоб в любовь к нему склонилася.
Красна девка согласилася,
Обнимает Сверлюка она,
Стерлюка Харахорóвича,

И берет за руки белыя,
И ведет в свой шелковый шатер,
Тамо ставит тесову́ кровать
И постелю кладет мягкую,
Из того пуху лебяжьева,
Из того пуху гагачьева.
Как возмолвит другу милому:
«Ах, я бедна девка красная,
До чего я довела себя,
Нажила я друга милова,
На тесову с ним ложусь кровать,
Я ложуся с ним не с тем, чтобы спать,
Чтобы мне друга ундравити,
Чтобы друга позабавити».
Как ложились два любовника
На постелюшку на мягкую,
На зголовьицо высокое,
Одеяльцем соболиным
Оба вместе приоделися,
Их сердечка разгорелися.
А Сверлюк казался бысть в огне,
Он целует свою милую
Во уста ее сахарныя
И во груди загорелья.
Вдруг несчастье приключилося,
Сердце в нем охолодилось,
Как застыла в нем горяча кровь,
А желанье не исчезло прочь.
К красной девке он ласкается,
К ея грудям прижимается,
Но нет пользы в том ни малой им,
И Сверлюк – как точно льду кусок.
Так-то храброй витязь-молодец
Выезжает во чисты поля,
Тамо ищет супротивника
Он и князя, и боярина,
И поганова татарина,
Богатырь бы только был лишь он
С богатырскою ухваткою,

С богатырской, молодецкою.
В поле чистом кто съезжается,
Родом-плем[ен]ем не считается,
Разъезжают на добрых конях,
На добрых, на богатырских;
Их седелички черкаския,
А подпруги шелку цветнова,
Шелку цветна, шамаханскова,
А стременички булатныя,
Красно золото об удилах,
Кони серебром подкованы,
А на них латы стальные все,
К красну солнышку огнем горят,
На шлемáх перья червленя,
Что червлены самородныя,
Как заря летня[я] алеются,
На бедра́х у добрых молодцов
Что висят мечи тяжелыя,
Горючим камнем приострены,
Желчью змея люта мазаны,
Что тово змея Горыныча,
За плечьми у них по сотне стрел,
Что по сотне и по тысячи,
А покладены в колчанах все,
В тех колчанах самородных;
В дубовых дуплях столетних
У них луки висят крепкия,
Из тово древа заморскова,
Что тяжеле злата краснова,
Крепче ка́меня алмазнава,
В ручках копья мурзавецкия
Со оправою булатною,
И в булате кремни остря,
Кремни остры из Кавказских гор,
На руках у них по палице
На шнурах висят не тоненьких –
Толще снасти корабельныя,
А те палицы тяжелыя,
Они зделаны из золота,

С чугуном что вместе сплавлено.
Они в поле разъезжаются,
Разъяряючи добрых коней,
Потом друг к другу пускаются
Изо всеей прыти конския.
Под одним конь разъяряется,
Под другим конь спотыкается.
Вынимают мечи вострыя.
У тово блестит, как молния,
У другога весь заржавел меч.
Берут палицы тяжелыя.
Один может гору в пыль разбить,
Тот не сладит и со курицей.
Берут конья мурзавецкия.
Каменну стену тот сквозь пробьет,
А другой не проткнет [и] листика.
Берут в руки луки крепкия,
Из колчанов – калены стрелы,
У того лук силой гнется лишь,
Тетива из жилы крепкия,
Становой жилы из лъвиныя,
Калена стрела прямохонька,
Так пряма, как красна девица,
У другога лук – как плеточка,
Тетива – точно мочальная,
А стрела вся в круг согнулася.
Так-то было с добрым молодцом,
Сверлюком Харахоровичем,
На бою не с храбрым витязем,
А со красной душой-девушкой.
Уж как он тут раскручинился,
И не знает, что он делати,
Что нахмурил брови черные
И надулся, точно мышь в крупе.
С боку на бок он кидается,
На спине он потягается.
Но чем больше бедняк нудился,
Он чем больше горé кныжился,
Тем слабее становился он,

Тем слабее, безмогутнее.
Красна девка рассердилася,
С Сверлюком она бранилася:
«Ты мерзавец вялой, скверна тварь,
Уж тебе ли так досталось
Надо мною наругатися,
Что над красною над девицей,
Ты на то ли подступал ко мне,
Сладки речи подпускаючи,
Ты на то ли серебра сулил,
Серебра ли, красна золота,
С дорогою золотой казной,
Чтобы эдак опозорити?
Неужель тебя не стою я,
С твоей мерзкой черепахою,
Что ты эдак мной ругаешься?
Опоганил чист колодец мой,
Свою клячу напоить не мог;
Воду чисту[ю] возмутил ты всю
И разбрызгал всю по берегам;
Луком крепким ты хвалился мне –
Лук твой зделан, знать, из липы весь;
Тетивой своей ты чванился –
Тетива твоя мочальная;
Каленой стрелой ты хвастался –
Из вязиги она зделана
Что из той ли из белужия.
Ты забудь вперед так хвастаться,
Не тебе-то, мразь, коней седлать,
Разъезжай на черепахе ты,
Не тебе, страмец, такой владеть,
Какова я красна девица,
Ощиплю тебе все волосы,
Харю пестру исцарапаю,
Отомщу тебе, негоднику!...»
Худо было бы со молодцом,
Не топтать бы травы летнея,
Что не рвать бы цветов алых,
Не играть бы на гусях ему,

Не видать бы и возлюбленной
Соломони Ксеалеевны,
Как хватилися друзья ево,
Други верныя, приятели,
Молодцы, хваты удалыя,
Молодецкия головушки, –
Приступили они к табору,
Возопили громким голосом:
«Вы гои еси, веселыя,
Вы, народы фараонския,
Нам отдайте друга нашева,
Сверлюка Харахоровича!
Вы куда его девали вдруг,
Вы отдайте нам ево из рук,
А не то мы грудью двинемся
И над вами так потешимся,
Что вам ввеки не забыть тово».
Меж тем временем Сверлюк идет,
Сверлюк Стерлюк Харахорович,
Он идет мрачѣн, как темна ночь,
Ясны очи вниз потупивши,
И бледнехонек, как белой плат.
С ним идет и красна девица,
Ясны очи, как у льва, у ней,
Лице смугло разгорелося,
Она держит Сверлюка рукой
Что за платьѣ ево цветное
И кричит прегромким голосом:
«Ты отдай мне серебро мое,
Ты отдай мне золоту казну!»
К ней Сверлюк вдруг озирается,
Говорит ей тихим голосом:
«Я за что тебе с[е]ребро отдам,
Я за что дам золотой казны?
Полежали мы, как брат с сестрой,
Я с тобою не понежился,
Я с тобою не потешился».
Отвечала красна девица
Ему древнею пословицей:

«Ты ел что, что кушал – мне все равно,
Что пел, что слушал – мне все одно».
Молодцы тут примешались
И их спором забавлялися,
И, сложивши<сь>, дали девице
Хоть не злата, хоть не серебра,
Но частицу золотой казны.
А Сверлюк на своих гусельцах
Заиграл песню унылую,
Что унылу, горемышную.
Красна девка походила тут,
Походила, не плясала уж.
Потом молодцы собралися,
[И] в Насон-город возвращалися.
Как в осенние дни мрачныя
Что погодушка меняется,
Что в единой день и дождь и снег,
Иногда ж и красно солнышко,
Так Сверлюк наш п[е]ременился вдруг,
Что Сверлюк ли Харахорович.
Он друзей своих чуждается,
В их забавы не мешается,
Всегда мрачен, как бы темна ночь,
Он во граде не гуляет уж,
А забава вся в темных лесах,
Где, гулявши он одиножды
На своем ли на добре коне,
В колеснице самой легонькой,
Со одним ли со слугой своим,
Со слугой своим со верным,
Вдруг как стало вечеретися,
Красно солнце закататися,
Закататися под сыру землю,
Ночка темна становилася
И покрыла подселенну всю;
Совы с филинами прятались
Что во те ли дуплы толстыя,
Что во толстыя дубовыя;
Малы пташечки под крылышко

Подложили свои носики,
Лишь в лесах ходил медведь седой,
По полям бегал волчище злой,
По курятням лис[иц]а лазила,
Поедала смирных курочек,
Обижала петуха в семье.
В деревнях уже лучину жгли,
Нитки пряли там молодушки,
А ширинки шили девушки
Для своих для милых друзей,
Для любезных поллюбовничков.
А по крышкам кошки бегали
И, мяукав, котов кликали.
А по улицам был слышен лай,
Уж как лай-то был проверных псов,
Зберегающих хозяйской дом
От воров и от разбойников.
В ту ли пору наш Сверлюк-сударь,
[Что] Сверлюк Стерлюк Харахорович,
Возвращался из прогулочки,
Возвращался во Насон во град.
Уж как едет он чистым полём,
И он едет потихохоньку,
Наезжает он на двух людей.
На конях едут два воина,
Во одежде богатырской всей,
На бедрах у них висят мечи,
Шлемы медны на головушках.
Под одним конь стал шарашиться,
Как дым валил из ноздер ево,
Из ушей шло пламя черное,
Из рта валит пена белая,
На дыбы он подымается,
Богатырь же разъезжается,
Он коня бьет по крутым бедрам
Шелковой плетью казачьею,
Тово шелку шамаханскова,
Сам назад он обзирается.
И увидел Стерлюка лишь он,

Возопил он громким голосом:
«Уж как што тамо за гадина
Моево коня всполошила,
Он не хочет ли разъехаться
Здесь со мною во чистом полé,
Со мной силою померяться
И отведать моего меча
Или палицы тяжелой».

Стерлюк бедной наш пугается,
Он не хочет силы пробовать,
Испытал уж, что пропала вся,
Испытал над красной девушкой.
Он выходит из повозочки
И челом бьет о сыру землю,
Говорит он томным голосом:
«И ты гой есь, добрый молодец,
Я не знаю, как зовут тебя,
Величают как, не ведаю,
Тебя, добра, сударь, молодца,
Домекаюсь лишь по збруе я,
Что силен ты, могуч богатырь,
На меня, сударь, не гневайся,
На меня ли горемычнова,
А возьми лутче под свой покров,
Под защиту богатырскую,
Отемнял я на пути моем,
На пути ли на дороженьке,
Я гулял ли во темных лесах,
Во темных лесах дремучиих,
И домой я возвращаюся,
Во Насон ли что во славный град.
Впереди есть персправушки,
Реки быстрыя, широкия,
Лесы темныя, дремучия,
А высоких гор и сметы нет».

Богатырь тут над ним сжалился,
Говорил ему с улыбкою:
«Ты садись, тварь, на свою клячу́,
Поезжай за мной, за молодцом,

Ничего ты не страшись со мной,
Ч^ерез реки ч^ерез быстрья
Перекину ты, как перышко,
Я с твоей клячей паршивою,
И со верным со слугой твоим,
И со всею дрянною упряжью,
И со всею твоею челедью;
А в лесах обороню тебя
От зверей и от лихих людей,
На высоких горах выручу,
На хвосте мой конь т[еб]я вытащит».
Наш Сверлюк тут оправляется,
Сверлюк Стерлюк Харахорович,
О сыру землю он бьет челом
Пред удалым добрым молодцом,
Богатырем пред [тем] могучием.
Как он сел в свою колясочку
И сказал тут слуге верному:
«Погоняй ты коня доброва,
Не теряй ты из ясных очей
Моево отца родимова,
Удалова добра молотца,
Богатырское могущество».
И так едут они поприще,
Приезжают ко быстрóй реке;
Богатырь с своим товаришем
Воскочили на кленовой плот,
Плот от берега отдвинулся,
Как они только зошли туда,
Ночь была тогда претемная,
Месяц ясной не светил тогда,
Светлы звездочки все спрятались,
И Стерлюк наш не видал тово,
Стерлюк Сверлюк Харахорович,
Что калинов плот отдвинулся,
Он сказал тут своему слуге:
«Ты подай мне шелковы возжй
И поди сам на калинов плот,
Подержи ево у берега».

Не успел слуга взойти еще
Что на тот ли на калинов плот,
Поспешил скоро Сверлюк-сударь,
Сверлюк Стерлюк Харахорович,
Он коня бьет по крутым бедрам
Тою ль плеткою ременную,
Конь хоть тощ, да разъяряется
И со берега бросается,
Конь вступил уж на калинов плот,
А колясочка в воде была,
А река та глубока добре,
Глубока и крутобережна,
Упадает наш Сверлюк-сударь,
Сверлюк Стерлюк Харахорович,
Упадает в реку быструю,
Шелковы возжи пустил из рук,
В реке быстрой погружается,
Ево доброй конь пужается,
С калина плота скочил долой,
И со легкой со упряжкой.
Лишь Стерлюк только достал до дна,
Что до дна ли тиноватова,
Вон опять оттуды вынырнул,
Закричал он громким голосом:
«Погибает душа грешная,
Душа грешна, христианская!»
Богатырь тогда встревожился,
Чтоб избавить душу грешную
От той смерти безвременная,
Он велел ли тотчас спешить<ся>
Своему храбру конюшему,
Тоже молодцу могучему;
И конюшей тут увидел вдруг,
Что поверх воды рука видна,
Он берет за руку белую,
Вынимает [вон] из воды скорей
Стерлюка уже безчувственна,
Стерлюка ли Харахоровича.
Богатырь тут над ним сжалился,

Достает тотчас живой воды
И льет в рот скорей усопшему;
И Сверлюк тут стрепенулся вдруг,
И, забывши об опале всей,
От которой он избавился,
Говорит он: «Где мой доброй конь,
Где мой конь, мое сокровище?»
Богатырь тут разъезжается
И толкает Стерлюка долой
Что со плоту со калинова:
«Ты поди домой, погана тварь,
Дай хвалу ты моей милости,
Что избавил тя от бедствия,
Твоя кляча уж на дне реки,
Ершей ловит со пискарикам,
Пусть погибнет лутче клячь твоя,
Да спасен теперь ты будешь сам,
Ты дороже скота сквернова,
Вить душа в те христианская».

Вот вам, молоды молодчики,
Быль старинна, здесь случившася,
Да послужит вам наукою,
Зберегать чтоб свою молодость
И скорей благословенной кус
Прибирать для своей сытости,
Для забавы молодецкия,
Чем с блудницами водитися.
Вы послушайте премудрый глас,
Говорит он вам громкохонько:
Лутче молодцы женитися,
Нежель плотью разжизатися.

ПРИМЕЧАНИЯ. Публикуется с разрешения Н.Н. Малининой, подготовившей научное издание произведения для ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия (Письменность. Искусство. Археология)». В угловых скобках даны конъектуры (вставки в текст, предлагаемые составителем), в квадратных — элементы текста, которые, по мнению составителя, следовало бы исключить для сохранения ритма. Произведение является стилизацией под устное народное творчество. Сочетание героического и комического начал, эротические мотивы сближают его

массовой литературой второй половины XVIII в. Первые 48 стихов были опубликованы в 1842 г. в журнале «Москвитянин» М.П. Погодиным, получившим их от преподавателя Вологодской семинарии П.И. Саввантова. Этот фрагмент основан на историческом предании, зафиксированном в «Летописце Ивана Слободского» (1716). *Насон* – в местных преданиях одно из названий Вологды. ...*Грозный царь Основать хотел престольный град* – согласно местному преданию, Иван IV намеревался перенести столицу из Москвы в Вологду. ...*Посреди он града церковь склал* – имеется в виду соборная церковь Успения Пречистой Богородицы, построенная в 1568–1570 гг. по образцу Успенского собора в Московском Кремле. *Древнян камень* – пористый песчаник. *Подвизаться* – здесь: увиваться. ...*остаточек от славного Фараона горда воинства* – цыгане, которых долгое время безосновательно считали выходцами из Египта. *Ундравити* – ублажить. *Седелички черкаския* – черкесские седла (устойчивый элемент описания богатырского снаряжения в былинах). *Шамаханский* – восточный, из города Шамахи, центра Шамаханского ханства в Закавказье (территория современного Азербайджана). *Копья мурзавецкие* – восточные, татарские копья (устойчивый элемент описания богатырского снаряжения в былинах). *Становая жила* – позвоночник (здесь, вероятно: самое крепкое сухожилие). ...*забывши об опале* – здесь: забыв о беде.

Николай Остолопов

УПРЕКИ АПОЛЛОНУ

Несправедливый бог! безжалостный отец!
О ты, который сам весь в золоте сияешь
И золота сего творец!
Зачем детей своих им мало наделяешь?

Скажи, жестокий, мне, зачем – когда ты сам
На славной четверне вседневно разъезжаешь
По гладким, светлым небесам, –
Детей своих пешком таскаться допускаешь?

Возможно ль не роптать, когда тебя
Амброзией и нэктаром питают,
Когда ты всем довольствуешь себя, –
А дети с голоду едва не умирают!

Тобой живится вся земля,
Тобой цветы цветут, деревья зеленеют
И одеваются все бархатом поля, –
А дети платья не имеют!

Твой славный, чудный храм
И золото, и серебро, и мрамор украшают,
И благовонный в нем курится фимиам, –
А дети в чердаках под кровлей обитают!

Ах! сжался, всемогущий бог,
На участь горькую детей твоих взирая!

Переменить ее легко бы ты возмог,
Одних лишь добрых здесь богатством награждая!

<1802>

ПРИМЕЧАНИЯ. ...*На славной четверне вседневно разъезжаешь По гладким, светлым небесам* – согласно древнегреч. мифу, бог солнечного света Аполлон (отождествляемый с богом солнца Гелиосом) ежедневно совершает путь по небосводу от востока к западу на колеснице, запряженной четверней огнедышащих коней. *Твой славный, чудный храм И золото, и серебро, и мрамор украшают* – римский храм Аполлона, построенный в I в. до н. э., славился богатством.

БЕДНАЯ ДУНЯ

Ах! не лебедь ходит белая
По зеленой травке шелковой!
Ходит Дуня, ходит, бедная,
С томным сердцем, в мыслях горестных!

Не любит цветочками,
Красным утром не пленяется,
И певуни малы пташечки
Уж не могут веселить ее!

Снегобелым рукавом своим
Закрывая очи ясные,
Только слезы льет красавица,
Только думу крепку думает:

«На кого меня покинул ты,
На кого, сердечный, милый друг?
Не клялся ли ты любить меня?
Не клялась ли я тебя любить?»

Я отстала от подружек всех
И от батюшки, от матушки;
Я покинула сестер моих
И сторонушку родимую;

Убежала и поверилась
Другу милому, сердечному;
Расплела я косу русую
И с весельем отдалась тебе.

Мне светлей казалось солнышко
И цветочки всё душистее,
Как в твоих объятьях сладостных
Забывалась я, несчастная!

Ах! раскройся, мать-сыра земля,
Поглоти меня, преступницу!
Для кого ж мне жить осталось,
Если милый мне неверен стал!..»

Тут пошла она по берегу,
По крутому, по высокому,
И, всплеснув руками белыми,
Погрузилась в волны быстрые!

<1802>

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение является одной из многочисленных в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. вариаций на тему повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза».

ЗЯБЛИК

Зяблик, летая,
Вольность хвалил;
Чижичек в клетке
Слушал его.

«Милая вольность!
Зяблик сказал. –
Ты мне дороже
В свете всего!

Там я летаю,
Где захочу, –
Нет мне преграды
Вечно нигде.

В роще, долине,
В темном лесу,
Лишь пожелаю,
Быть я могу.

Здесь я с подружкой
Милой резвлюсь,
Там, с нею сидя,
Песни пою.

Всё мне к веселью
Служит везде, –
Всё мое счастье,
Вольность, в тебе!

Чижирик! – полно
В клетке сидеть,
Станем со мною
Вместе летать!»

Только лишь зяблик
Речь окончал,
Видит мой зяблик –
Коршун летит.

«Где мне укрыться?..»
Чуть он успел
В страхе ужасном
Только сказать, –

Коршун стрелою
Вмиг налетел,
Вмиг вольнодумца
В когти схватил.

Чижичек вздрогнул,
Сел в уголок
И потихоньку
Так говорил:

«Мне здесь и в клетке
Жить хорошо,
Только б хозяин
Добренькой был».

<1802>

ПРИМЕЧАНИЕ. Автор называл это произведение басней. В нем нашли отражение умонастроения, порожденные событиями Великой Французской революции 1789–1799 гг.

ОТКРЫТИЕ В ЛЮБВИ ДУХОВНОГО ЧЕЛОВЕКА

Егда аз убо тя узрех,
О ангел во плоти чистейший,
Впадох внезапно в лютый грех,
Грех велий, абие презлейший.

Держах псалтирь тогда свою
И чтох кафисму уж шестую,
Как увидох красу твою –
Аз книгу изроних святую.

Власы твои – как стадо коз
Близ Галаадския долины,
Как кедр Ливанский твой есть нос,
И взоры – яко голубины.

Как стадо зубы суть овцы,
Уста твои как багряница,
Твой глас пленитель есть сердец,
Пренепорочная девица!

Царя-пророка будто столп
Твоя златорубинна шея,
И твой обширный белый лоб
Сияет, как у Моисея.

И перси тучные твои –
Как серны на горах младые...
Внемли, внемли мольбы мои,
Вместилище души святых.

Егда б узрех красы твои,
Узрех, лепа еси колико,
Воспех бы гимни ти свои
И сам священнейший владыко!

Аз убо ныне тя молю:
О, еже ми любовь творити,
Да впредь я боле не скорблю,
А сице не останусь жити.

Но аще ты откажешь в том –
Во все нечестия впушуся,
И аще не отмщу ти злом –
В онь час сам с смертью соединюся.

1802(?)

ПРИМЕЧАНИЯ. *Егда аз убо ты узрех* – когда я тебя увидел. *Власы твои – как стадо коз* – «подражание некоему славящемуся премудростию своею мужу» (примеч. автора). – Имеются в виду стихи из Книги Песни Песней Соломона, входящей в состав Ветхого завета: «...волоса твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской» (гл. 4, ст. 1). *Галаадская долина* – плодородная и богатая долина у подножия горы Галаад (точнее, горной цепи на территории Израильского Царства, носящей это название). ...*Как кедр Ливанский твой есть нос* – в Песни Песней сравнение построено иначе: «...нос твой – башня Ливанская, обращенная к Дамаску» (гл. 7, ст. 5); кедры, росшие на горах Ливан, естественной границе Иудеи и Сирии, высоко ценились и являлись символом человеческого величия. ...*взоры – яко голубины* – реминисценция из Песни Песней: «...глаза твои голубиные под кудрями твоими» (гл. 4, ст. 1). *Как стадо зубы суть овец. Уста твои как багряница* <...> *Царя-пророка будто столп Твоя златорубинна шея* – ср. в Песни Песней: «Зубы

твои, как стадо выстриженных овец» (гл. 2, ст. 1); «Как лента алая губы твои» (гл. 3, ст. 1); «Шея твоя, как столп Давидов» (гл. 4, ст. 4). *Златорубинна* – из золота и рубинов. *Моисей* – ветхозаветный пророк, вождь, религиозный наставник и законодатель еврейского народа. *И перси тучные твои – Как серны на горах младые...* – ср. в Песни Песней: «Два сосца твои, как двойни молодой серны» (гл. 4, ст. 5). *...лепа еси колико* – сколь ты прекрасна.

ЛЬВЫ И ОСЕЛ

Двум гордым Львам,
Которым не было совсем причины вздорить,
О храбрости пришло на ум поспорить.
Дав волю наперед словам,
Два сильные сии героя
Дошли уж и до боя;
Покрыла землю кровь.
Стон воздух наполняет,
И каждый их удар лишь злость воспаляет
И с большей яростью велит им драться вновь.
Желая ж кончить спор скорее,
Напружились они в последний раз сильнее...
Как вдруг
Их слух
Ужасный хохот поражает:
Львы глядь – Осел стоит, со смеху помирает,
Кривляется Осел и дразнит Львов.
Тут Львы опомнились. «Не стыдно ль нам? – сказали. –
На то ли кровь мы проливали,
На то ли мучились, чтобы смешить Ослов?»

О вы, которые Природою благою
Назначены пленять умом и остротой,
Любимцы муз! зачем всегдашнею враждою
Глупцов увеселять за собственный покой?
Храните дружбы вы и ненависть забудьте!
Как музы все сестры – все братьями вы будьте!

<1804>

Не бушуйте, ветры буйные,
Перестаньте выть, осенние!
Не к тому ли вы бушуете,
Чтобы стоны заглушить мои?
Ах! скорей, скорей утихните!
И без вас *она* не слышит их...
Терем *милой* далеко стоит
За горами за высокими,
За лесами непроходными...
Лучше грамотку снесите к ней;
Я слезами напишу ее,
Я скажу ей в этой грамотке:
Вянет травушка без солнышка,
Сохнет сердце без любезныя,
С ней в разлуке нет отрады мне,
Вся отрада горьки слезы лить!
Полетите, ветры буйные,
Вы отдайте *милой* грамотку!
Если *милая* вздохнет тогда,
Принесите мне вы вздох ее!
Но вы всё еще бушуете,
Вы не слышите несчастного,
Вы не внемлете мольбе его!
Так усильтесь, ветры буйные,
Вы умножьте бурю грозную,
Ускорите смерть несчастного
И развейте после прах его!

<1805>

ПРИМЕЧАНИЕ. При первой публикации стихотворение имело заглавие «Русская песня».

БЛАГОДАРНЫЙ АМУР

Амур за бабочкой гонялся,
Амур – дитя, хоть он и бог;

Однако ж, сколько ни старался,
Никак ее поймать не мог.
Я был с силком, мне жалко стало,
Притом я знал, служу кому.
Не медлиши тогда нимало,
Я бабочку поймал ему.
Малютка бог мне скок на шею
И ну как друга целовать.
«Чего ты хочешь? Я умею
Заслугам цену полагать».
– Чтобы Амина... – «О! с охотой
Ее заставлю полюбить!
Я славлюсь этою работой,
Люблю сердцами я дарить».
Тут оба вместе мы спустились,
Не знаю как, лишь знаю то,
Что пред Аминой очутились.
Нам чудное – богам ничто!

В прохладной рощице тенистой,
Близ чуть журчащего ручья,
На травке шелковой, душистой
Сидела милая моя.
Ничем она не украшалась,
Была лишь в платье простом,
И с сею простотой казалась
Она прелестным божеством.

Я был в священном исступленьи,
Амур как вкопанный стоял,
Казалось, что за преступленьи
Пред милой тронуться считал;
Но, вспомня важную заслугу,
Со вздохом на меня взглянул,
«Какое слово дал я другу!» –
Сказал – и ручку протянул
В колчан неволью за стрелюю.
Безмолвен я тогда взирал
На всё с дрожащею душою!

Потом он на колени встал,
Амины к сердцу прикоснулся,
Умильно посмотрел на нас
И вдруг как птичка встрепенулся,
Вспорхнул, взвился, исчез из глаз.

С тех пор любовью наслаждаюсь
И счастьем горжусь моим,
Судьбой с царями не сменяюсь,
Когда Аминою любим!

<1806>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Силок* – здесь: сачок.

К ПРИЯТЕЛЮ В СТОЛИЦУ

(Из С... . 1810)

Любезный брат по Аполлоне,
Товарищ юности моей!
В каком предписано законе
Позабывать своих друзей?
Читал я трижды Уложение,
Читал раз десять Учреждение,
Устав о соли, о вине;
Но казусов сих неприятных
В указах даже сепаратных
Совсем не попадалось мне.

Или у жителей столицы
Таков уже обычай стал:
Чуть шаг из городской границы –
Прости, как будто не живал!
Писать в провинцию им стыдно,
Судя по этому, так видно,
Что мы для вас – пустая тварь.
Но не гордитесь перед нами:
Взгляните вы, – нас вносят с вами
В один же адрес-календарь.

Иль, посвятя все время службе,
Приятель драгоценный мой
Часочка дать не хочет дружбе,
Не хочет знаясь уж со мной?
Да разве он переменялся?
Давно ли в нем воспламенился
Такой похвальный к службе жар?
Я не забыл, как мы живали:
Служа, нередко посещали
И Летний сад, и булевар.

Иль музы, Божескою властью
Все способы употребя,
Гордяся к ним твоею страстью,
Уж полонили так тебя,
Что ты лишь к ним любовью таешь,
Для них лишь только работáешь?
Они и так веночек вяют.
Или красоточки земные,
Не столь спесивые, ручные,
Тебе покоя не дают?

Или ты начал жить по моде,
Привыкнув сущий вздор мечтать,
«Что дружбу лишь в *простом* народе
За благо должно почитать
И чувство самое святое;
Что в *знатности* она – пустое!
Там лучше ловкий лицемер;
А для Пилада и Ореста
Уж нынче не дадут и места,
И братъ не должно их в пример!»

Поверь, мой друг, что дружба в мире
Для всех людей нужна равно:
В шугае, в армяке, в мундире –
Все чувствуют от ней одно.
Спроси ты даже и у знатных,
Что мыслят в тех часах приятных,

Когда в согласии с собой, –
Мне кажется, что на досуге
Имеют также нѹжду в друге,
В любви чистейшей и простой.

Но время кончить поученье
И все запросы отложить!
Скажу я только в заключенье,
Что если хочешь мирно жить
И впредь со мною не браниться,
То чур уж больше не лениться!
Пиши, что в голову придет;
Ведь новостей у вас немало!
Стопы иному б не достало,
Кто все под перышко кладет.

А я в моей укромной хате
Приятно, хорошо живу,
Как в царской будто бы палате,
И счастья больше не зову:
Женой и сыном я люблюсь,
То с ним, то с нею поцелуюсь,
И порезвлюсь, и пошालю,
Как водится в подлунном свете;
То запираюсь в кабинете,
И там я – на диване сплю.

Когда ж наскучит мне беспечность,
Читаю иль стихи пишу.
Стихами не стремлюсь я в вечность,
На Пинде места не прошу,
А так лишь изредка от скуки
Беру мою свирелку в руки, –
Не для вельмож, не для князей:
Пускай другие их ласкают
И лесть, как пыль, в глаза пускают, –
Пишу я для моих друзей.

Мой дом я редко покидаю,
Ты, верно, пожелаешь знать,
С каким я человеком обитаю,
И, верно, просишь описать?
Изволь, — да только по-пустому
Желанью следовать такому!
Не думаешь ли, что у нас
Из всей обширной столь вселенной
Живет народ какой отменный?
Нет! тот же всё, как и у вас.

Бывает в радости и в горе,
Бранит и хвалит белый свет,
Кунается в житейском море
И любит суету сует.
Здесь сушая у нас столица,
Здесь разные увидишь лица:
Увидишь гордых гордецов,
Любителей придворных тонов,
Людей, рожденных для поклонов,
Ханжей, и мотов, и скупцов.

И здесь Амур берет в оковы,
Имеет Бахус алтари,
И здесь судьи есть *Простаковы*
И *Кохтины* секретари;
И здесь старушки-вестовщицы
Развозят были, небылицы
И сеют плевелы в домах,
Смотря с улыбкой на раздоры;
И словом: ящичек Пандоры
Уж был и в наших сторонах.

Однако ж правду молвить должно —
Зачем же совестью играть? —
И здесь, с умком и осторожно
Людей кто может выбирать, —
Найдет кружок друзей любезных,
В бедах и горестях полезных,

Прекрасных разумом, душой, –
Друзей, каких на свете мало,
Каких, сказал бы, не бывало,
Коль не был бы знаком с тобой.

1810

ПРИМЕЧАНИЯ. В первом издании стихотворение было подписано: «Н. О... из В.» (т. е. «Николай Остолопов из Вологды»). Адресовано оно А.Е. Измайлову, прозаику, поэту, баснописцу, журналисту. *Из С...* – Из Сольвычегодска, где, по-видимому, поэт бывал по служебным делам. ...*брат по Аполлоне* – поэт. *Уложение, Учреждение* – сборники законов. ...*Устав о соли, о вине* ... законы о правилах продажи и налогах на эти товары. *Сепаратные указы* – указы правительства по частным поводам. *Адрес-календарь* – официальное издание, содержащее перечень данных о чиновниках и военнослужащих. *Летний сад* – парк в Петербурге с мраморными скульптурами, павильонами и изящной металлической оградой; в нем устраивались празднества и проводились гуляния. *Булевар* – бульвар, здесь: Невский проспект, посредине которого шла аллея лип. *Пилад и Орест* – персонажи греческой мифологии, воплощающие идеал дружбы. *Стопы иному б не достало. Кто все под перышко кладет.* – Т. е. не хватило бы стопы бумаги тому, кто описывает все новости. *Пинд* – горный массив на севере Греции, являвшийся символом поэзии (согласно мифам, на нем обитали музы). *Свирелка* – свирель, один из символов поэтического творчества. ...*здесь Амур берет в оковы. Имеет Бахус алтари* – здесь есть люди, предающиеся любовным утехам и пьянству. *Простаковы* – персонажи комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», непросвещенные дворяне. *Кохтин* – персонаж комедии В.В. Капниста «Ябеда», чиновник-взяточник и сутяга. *Плевелы* – сорняки.

СВЕТАЩИЙСЯ ЧЕРВЯЧОК И АЛМАЗ

Алмаз и Червячок лежали рядом.
Когда полдневный луч во всей красе блистал,
Алмаз, гордясь своим сиятельным нарядом,
Соседу Червячку с улыбкою сказал:
«Теперь я вижу, не напрасно
В народе говорят, что светишь ты прекрасно:
Какой прелестью свет и цвет!»
Смиренный Червячок немножко оскорбился,
Однако до ночи оставил свой ответ.
И вот природы царь уж в волны погрузился,
Блеснул мой Червячок – Алмаза будто нет.
«Теперь, соседюшка любезный, –

Алмазу он сказал, – послушай мой ответ,
Быть может, для тебя и для других полезный:
По блеску никогда я не сравнюсь с тобой,
Твой блеск от солнышка, а мой – уж точно мой».

Иной гордится,
Что он почтен и знатен по уму;
Возьми-ко дядю прочь, сестрицу иль куму –
Ни в строй, ни к смотру не годится.

<1816>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Природы царь* – солнце.

ДИТЯ И БРИТВА

Дитя, взяв бритву, бриться стало,
Порезалось и закричало.
Вот маменька на крик бежит! –
Уж я бы баловня такого!.. –
Но маменька ему ни слова:
Целует да крестит;
Лишь бритву всю она в кусочки изломала.
«Помилуй, душенька, – супруг ей говорит, –
Чем бритва виновата стала?
Я бреюсь ею десять лет –
Вреда ж, по чести, нет».

Так виновато ли, скажите, просвещение,
Когда ему дают худое направленье?

<1822>

ОСТОРОЖНЫЙ СЛЕПЕЦ

Слепец в одной руке хрустальную нес вазу,
В другой держал зажженную свечу:

То было ночью. «Кум! и верить не хочу,
Чтоб выкинул такую ты проказу, –
Сказал, с ним встретяся, Антон. –
Помилуй, что тебе в огне? Ведь он
Свети хоть солнышком, а для тебя нет прока».
– Любезный! – отвечал слепой. –
Ей-ей, не заслужил я твоего упрека!
Ты без огня столкнуться мог со мной,
И я лишился бы сей вазы дорогой.

Ужели не найдешь, читатель, здесь урока?
Я на ушко скажу тебе:
Полезный для других – полезен сам себе.

<1827>

Константин Батюшков

ВАКХАНКА

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала:
Я за ней – она бежала
Легче серны молодой. –
Эвры волосы взвивали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград, –
Все в неистовой прельщает!
В сердце льет огонь и яд!
Я за ней... она бежала
Легче серны молодой; –
Я настиг; она упала!
И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;

И по роще раздавались
Эвоэ! и неги глас!

1809–1811 (?)

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение является свободным переложением одной из главок поэмы Э. Парни «Превращения Венеры», где богиня любви, обернувшись вакханкой, увлекает за собой пастушка Миртиса; современниками оно было оценено как один из шедевров Батюшкова. *Вакханка* – спутница римск. бога виноделия Вакха (греч. Диониса), участница оргий в честь этого божества. *Эригона* (греч., миф.) – дочь афинянина Икария, которого Дионис научил виноделию; люди, впервые вкушившие изготовленного Икарием напитка, сочли опьянение отравлением и убили его; Эригона повесилась на могиле горячо любимого ею отца; по воле богов Икарий стал созвездием Волопаса, а его дочь – созвездием Девы; в честь Эригоны устраивались празднества; Батюшков в примечании к стихотворению ссылался на вариант мифа, согласно которому Вакх обольстил Эригону, превратившись в виноградную кисть. *Текли* – здесь: шествовали. *Эвоэ* – клич вакханок.

ЭЛИЗИЙ

О, пока бесценна младость
Не умчалася стрелой,
Пей из чаши полной радость
И, сливая голос свой
В час вечерний с тихой лютней,
Славь беспечность и любовь!
А когда в сени уютной
Мы услышим смерти зов,
То, как лозы винограда
Обвивают тонкий вяз,
Так меня, моя отрада,
Обними в последний раз!
Так лилейными руками
Цепью нежною обвей,
Съедини уста с устами,
Душу в пламени излей!
И тогда тропой безвестной,
Долу, к тихим берегам,
Сам он, бог любви прелестной,

Проведет нас по цветам
В тот Элизий, где все тает
Чувством неги и любви,
Где любовник воскресает
С новым пламенем в крови,
Где, любуясь пляской Граций,
Нимф, сплетенных в хоровод,
С Делией своей Гораций
Гимны радости поет.
Там, под сенью миртов зыбкой,
Нам любовь сплетет венцы
И приветливой улыбкой
Встретят нежные певцы.

1810

ПРИМЕЧАНИЯ. *Бог любви прелестной* – Эрот (греч.), Амур, Купидон (римск.). *Делия* – имя возлюбленной римск. поэта Тибулла (50–19 до н. э.); у Батюшкова – возлюбленная поэта вообще. *Гораций* (65–8 до н. э.) – римск. поэт.

МОИ ПЕНАТЫ

Послание к Ж<уковскому> и В<яземскому>

Отечески Пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новосельи
Смирненно здесь и там
Расставил по углам;
Где странник я бездомный,
Всегда в желаньях скромный,
Сыскал себе приют.
О боги! будьте тут
Доступны, благосклонны!
Не вина благовопны,

Не тучный фимиам
Поэт приносит вам,
Но слезы умиления,
Но сердца тихий жар
И сладки песнопенья,
Богинь Пермесских дар!
О Лары! уживитесь
В обители моей,
Поэту улыбнитесь –
И будет счастлив в ней!..
В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхой и треногой
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полужаржавый
Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель –
Все утвари простые,
Все рухляя скудель!
Скудель!.. но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..

Отеческие боги!
Да к хижине моей
Не сыщет ввек дороги
Богатство с суетой,
С наемною душой
Развратные счастливыцы,
Придворные друзья
И бледны горделивыцы,
Надутые князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слепой,
Идя путем-дорогой
С смиренною клюкой,

Ты смело постучися,
О воин, у меня,
Войди и обсушися
У яркого огня.
О старец, убеленный
Годами и трудом,
Трикраты уязвленный
На приступе штыком!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя с нагайкой,
Что в жупел и в огни
Летал перед полками
Как вихорь на полях,
И вокруг его рядами
Враги ложились в прах!..
И ты, моя Лилета,
В смиренный уголок
Приди под вечерок
Тайком переодета!
Под шляпою мужской
И кудри золотые,
И очи голубые,
Прелестница, сокрой!
Накинь мой плащ широкой,
Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла – наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущенны
Взвывают по плечам,
И грудь ее открылась
С лилейной белизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вот с улыбкой нежной
Садится у огня,
Рукою белоснежной

Склонившись на меня,
И алыми устами,
Как ветер меж листьями,
Мне шепчет: «Я твоя,
Твоя, мой друг сердечной!..»
Блажен в сени беспечной,
Кто милою своей,
Под кровом от ненастья,
На ложе сладострастья,
До утренних лучей
Спокойно обладает,
Спокойно засыпает
Близ друга сладким сном!

Уже потухли звезды
В сиянии дневном,
И пташки теплы гнезды,
Что свиты под окном,
Щебеча покидают
И негу отрясают
Со крылышек своих;
Зефир листы колышет,
И все любовью дышит
Среди полей моих;
Все с утром оживает,
А Лила почивает
На ложе из цветов...
И ветер тиховойной
С груди ее лилейной
Сдул дымчатый покров...
И в локоны золотые
Две розы молодые
С нарциссами вплелись;
Сквозь тонкие преграды
Нога, ища прохлады,
Скользит по ложу вниз...
Я Лилы пью дыханье
На пламенных устах,
Как роз благоуханье,

Как нектар на пирах!..
Покойся, друг прелестной,
В объятиях моих!
Пуškai в стране безвестной,
В тени лесов густых,
Богинею слепою
Забыт я от пелен,
Но дружбой и тобою
С избытком награжден!
Мой век спокоен, ясен;
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой,
Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!

Без злата и честей
Доступен добрый Гений
Поэзии святой,
И часто в мирной сени
Беседует со мной.
Небесно вдохновенье,
Порыв крылатых дум!
(Когда страстей волненье
Уснет... и светлый ум,
Летая в поднебесной,
Земных свободен уз,
В Аонии прелестной
Сретаєт хоры Муз!)
Небесно вдохновенье,
Зачем летишь стрелой
И сердца упоенье
Уносишь за собой? —
До розовой денницы
В отрадной тишине,
Парнасские царицы,
Подруги будьте мне!
Пуškai веселы тени
Любимых мне певцов,
Оставя тайны сени

Стигийских берегов
Иль области эфирны,
Воздушною толпой
Слетят на голос лирный
Беседовать со мной!..
И мертвые с живыми
Вступили в хор един!..
Что вижу? ты пред ними,
Парнасский исполин,
Певец героев, славы,
Вслед вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
Плывешь по небесам.
В толпе и Муз, и Граций,
То с лирой, то с трубой,
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой.
Он громок, быстр и силен,
Как Суна средь степей,
И нежен, тих, умилен,
Как вешний соловей.
Фантазии небесной
Давно любимый сын,
То повестью прелестной
Пленяет Карамзин,
То мудрого Платона
Описывает нам
И ужин Агатона,
И наслажденья храм,
То древню Русь и нравы
Владимира времяя
И в колыбели славы
Рождение славян.
За ними Сильф прекрасной,
Воспитанник Харит,
На цитре сладкогласной
О Душеньке бренчит;
Мелецкого с собою
Улыбкою зовет

И с ним, рука с рукою,
Гимн радости поет!..
С Эротами играя,
Философ и пиит,
Близ Федра и Пильпая
Там Дмитриев сидит;
Беседа с зверями,
Как счастливый дитя,
Парнасскими цветами
Скрыл истину шутя.
За ним в часы свободы
Поют среди певцов
Два баловня природы,
Хемницер и Крылов.
Наставники-пииты,
О Фебовы жрецы!
Вам, вам плетут Хариты
Бессмертные венцы!
Я вами здесь вкушаю
Восторги Пиерид,
И в радости взываю:
О Музы! я пиит!

А вы, смиренной хаты
О Лары и Пенаты!
От зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье
И негу и покой!
Фортуна, прочь с дарами
Блистательных сует!
Спокойными очами
Смотрю на твой полет:
Я в пристань от ненастья
Челнок мой проводил
И вас, любимцы счастья,
Навеки позабыл...
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,

Любви и важных муз,
Беспечные счастливыцы,
Философы-ленивцы,
Враги придворных уз,
Друзья мои сердечны!
Придите в час беспечный
Мой домик навестить –
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Ж<уковский> добрый мой!
Стрелою мчится время,
Веселие стрелой!
Позволь же дружбе слезы
И горечь усладить
И счастья блеклы розы
Эротам оживить.
О В<яземский>! цветами
Друзей твоих венчай.
Дар Вакха перед нами:
Вот кубок – наливай!
Питомец Муз надежный,
О Аристиппов внук!
Ты любишь песни нежны
И рюмок звон и стук!
В час неги и прохлады
На ужинах твоих
Ты любишь томны взгляды
Прелестниц записных.
И все заботы славы,
Сует и шум, и блажь
За быстрый миг забавы
С поклонами отдашь.
О! дай же ты мне руку,
Товарищ в лени мой,
И мы... потопим скуку
В сей чаше золотой!
Пока бежит за нами
Бог времени седой
И губит луг с цветами

Безжалостной косой,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвеем косы
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы!
Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядут
И нас в обитель ноши
Ко прадедам снесут, –
Товарищи любезны!
Не сетуйте о нас,
К чему рыданья слезны,
Наемных ликов глас?
К чему сии куренья,
И колокола вой,
И томны псалмопенья
Над хладною доской?
К чему?.. Но вы толпами
При месячных лучах
Сберитесь и цветами
Усейте мирный прах;
Иль бросьте на гробницы
Богов домашних лик,
Две чаши, две певницы
С листьями повилик;
И путник угадает
Без надписей златых,
Что прах тут почивает
Счастливец молодых!

Конец 1811 – начало 1812 года

ПРИМЕЧАНИЯ. В стихотворении нашли отражение некоторые черты жизни Батюшкова в имении Хантоново под Череповцом. В.А. Жуковский (1783–1852) – поэт-романтик. П.А. Вяземский (1792–1878) – поэт и критик, бывший, как и Жу-

ковский, близким знакомым и литературным соратником Батюшкова. *Тучный фимиам* – здесь: густой дым жертвенных благовоний. ...*Стол ветхой и треногой С изорванным сукном*. – Эти и подобные им бытовые детали в послании дали повод А.С. Пушкину писать о «слишком явном смешении древних обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни». *Рухлая скудель* – рухлядь, ветхие предметы домашнего обихода. *Жупел* – горящая сера (у Батюшкова – огонь сражения). *Лилета* – условное имя возлюбленной. *Пермесские богини* – музы, покровительницы искусств. *Книги выписные* – книги, выписанные из столицы. ...*Провитязя с нагайкой* – имеется в виду русский полководец А.В. Суворов (1730–1800). *Лилета* – условно-поэтическое имя. ...*Богинею слепою* – Фортуну, римск. богиней счастья, случая, удачи (изображалась с повязкой на глазах). *Гений* – здесь: дух-хранитель человека. *Парнасские царицы* – музы, обитающие на Парнасе, горном массиве в Центральной Греции. *Стигийские берега* – согласно греч. мифологии, берега реки Стикс в царстве мертвых. *Области эфирны* – воздушные просторы. *И мертвые с живыми вступили в хор един!..* – Речь идет о писателях прошлого и о современных авторах. *Парнасский исполин* – Г.Р. Державин (1743–1816), один из любимых поэтов Батюшкова. ...*Лебедь величавый* – образ из стихотворения Державина «Лебедь» («Необычайным я пареньем...»). ...*То с лирой, то с трубой* – здесь: лира – символ элегической поэзии, труба – одической. *Пиндар* (ок. 518–442 или 438 до н. э.) – древнегреч. поэт, особенно прославившийся одами в честь победителей на Олимпийских играх (его имя стало нарицательным для обозначения поэтов-одописцев). *Горащий* (см. примеч. к стих. «Элизий»). *Суна* – река в Карелии, на которой находится водопад Кивач, прославленный Державиным в стихотворении «Водопад». *Н.М. Карамзин* (1766–1826) – русский литератор, журналист, историк, глубоко почитавшийся Батюшковым. ...*То мудрого Платона Описывает нам И ужин Агатона, И наслажденья храм* – имеется в виду повесть Карамзина «Афинская жизнь», где описывается ужин в «храме наслажденья» (Платон – древнегреческий философ, Агатон – древнегреческий трагик; в диалоге Платона «Пир» изображено празднество, которым Агатон ознаменовал свою первую поэтическую победу в 416 г. до н. э.). ...*То древню Русь и нравы Владимира времен И в колыбели славы Рождение славян*. – Речь идет о работе Карамзина над «Историей государства Российского». ...*Сильф прекрасной, Воспитанник Харит* – И.Ф. Богданович (1744–1803), автор поэмы «Душенька». *Мелецкий* – Ю.А. Нелединский-Мелецкий (1752–1829), поэт, автор стихотворений, воспевающих земные радости, и песен в народном духе. *Федр* (ок. 15 до н. э. – ок. 70) – римск. баснописец. *Пильнай* (Бидпай) – легендарный индусский баснописец. *Дмитриев* – русский баснописец И. И. Дмитриев (1760–1837). *Парнасские цветы* – здесь: иносказательные художественные образы. *Хемницер* – русский баснописец И.И. Хемницер (1745–1784). *Крылов* – русский баснописец, прозаик, поэт, драматург, журналист И.А. Крылов (1769 или 1768–1844). *Фебовы жрецы* – здесь: поэты (о Фебе см. примеч. к стих. Д. Пятилина «Ода г. Устюгу...»). *Пиериды* – музы (Пиерия – область во Фракии, где существовал их культ). *Аристипп* (ок. 435–355 до н. э.) – древнегреческий философ-гедонист, разработавший учение о наслаждении жизнью. *Бог времени седой* – Хронос (греч., миф.), Сатурн (римск., миф.). *Наемных ликов глас* – хор церковных певчих.

РАЗЛУКА

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:

«Не плачь, красавица! слезами
Кручине злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не изменить!

Любви непобедима сила!
Она мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила,
Чего страшиться мне?

Не плачь, красавица! слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю... усами
Клянусь наказан быть!

Тогда мой верный конь споткнется,
Летя во вражий стан стрелой,
Уздечка браная порвися
И стремя под ногой!

Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,
Явлюсь перед тобой!»

Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался, –
И честь гусара с ним!

А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой

И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.

Но что же сделала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам игрушка;
А клятвы их – слова!

Все здесь, друзья, изменой дышит,
Теперь нет верности нигде!
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелой на воде.

1812–1813 (?)

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение было положено на музыку (вероятно, графом М.Ю. Виельгорским) и стало популярным романсом. *Уздечка браная* – здесь: уздечка узорчатого плетения.

ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ НЕМАН 1 ЯНВАРЯ 1813 ГОДА

(Отрывок из большого стихотворения)

Снегами погребен, угрюмый Неман спал.
Равнину льдистых вод и берег опустелый
И на берегу покинутые селы
Туманный месяц озарял.
Все пусто... Кое-где на снеге труп чернеет,
И брошенных костров огонь, дымяся, тлеет,
И хладный, как мертвец,
Один среди дороги,
Сидит задумчивый беглец,
Недвижим смутный взор вперив на мертвы ноги.

И всюду тишина... И се, в пустой дали
Сгущенных копий лес возникнул из земли!
Он движется. Гремят щиты, мечи и брони,
И грозно в сумраке ночном

Чернеют знамена, и ратники, и кони:
Несут полки славян погибель за врагом,
Достигли Немана – и копыя водрузили.
Из снега выросли бесчисленны шатры,
И на берегу зажженные костры
Все небо заревом багровым обложили.
И в стане царь молодой
Сидел между вождями,
И старец-вождь пред ним, блестящий сединами
И бранной в старости красой.

1813 (?)

ПРИМЕЧАНИЯ. Событие, описанное в стихотворении, символизировало окончательное изгнание наполеоновских войск из отечества. *Неман* – река, протекающая по территории Белоруссии и Литвы, в начале XIX в. являлась естественной границей между Российской империей и Западной Европой. *Царь молодой* – император Александр I (1777–1825). *Старец-вождь* – главнокомандующий русской армией М.И. Кутузов (1745–1813).

ТЕНЬ ДРУГА

Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.

Propert *

Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.
За кораблем вилася Гальциона,
И тихий глас ее пловцов увеселял.
Вечерний ветер, валов плесканье,
Однообразный шум и трепет парусов,
И кормчего на палубе взыванье
Ко страже, дремлющей под говором валов, –
Все сладкую задумчивость питало.
Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила Севера любезного искал.
Вся мысль моя была в воспоминанье

Под небом сладостным отеческой земли,
Но ветров шум и моря колыханье
На вежды томное забвенья навели.
Мечты сменялися мечтами,
И вдруг... то был ли сон?.. предстал товарищ мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертию над Плейскими струями.
Но вид не страшен был; чело
Глубоких ран не сохраняло,
Как утро майское, веселием цвело
И все небесное душе напоминало.
«Ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней!
Ты ль это? – я вскричал, – о воин вечно милый!
Не я ли над твоей безвременной могилой,
При страшном зареве Беллоновых огней,
Не я ли с верными друзьями
Мечом на дереве твой подвиг начертал
И тень в небесную отчизну провождал
С мольбой, рыданьем и слезами?
Тень незабвенного! ответствуй, милый брат!
Или протекшее все было сон, мечтанье;
Всё, всё, и бледный труп, могила и обряд,
Свершенный дружбою в твое воспоминанье?
О! молви слово мне! пускай знакомый звук
Еще мой жадный слух ласкает,
Пускай рука моя, о незабвенный друг!
Твою с любовью сжимает...»
И я летел к нему... Но горный дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес,
Как дым, как метеор, как призрак полуночи,
И сон покинул очи.

Всё спало вокруг меня под кровом тишины.
Стихии грозные казались безмолвны.
При свете облаком подернутой луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали волны,
Но сладостный покой бежал моих очей,
И всё душа за призраком летела,

Все гостя горнего остановить хотела:
Тебя, о милый брат! о лучший из друзей!

1814

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение посвящено памяти И.А. Петина (1789–1813), погибшего в сражении под Лейпцигом; Батюшков написал его на корабле, возвращаясь из Англии через Швецию в Россию. Эпиграф взят из элегии «Тень Цинтии» римск. поэта Проперция (ок. 50 – ок. 15 до н. э.). Перевод эпиграфа: «Души усопших – не призрак: смертью не все кончается; Бледная тень ускользает, победив костер». *Альбион* – древнее название Британских островов. *Гальциона* – чайка. ...*над Плейскими струями* – на берегу реки Плейссы в восточной части Германии.

НАДЕЖДА

Мой дух! доверенность к Творцу!
Мужайся; будь в терпенье камень.
Не Он ли к лучшему концу
Меня провел сквозь бранный пламень?
На поле смерти чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови меч врага,
И град свинцовый отражала?
Кто, кто мне силу дал сносить
Труды, и глад, и непогоду,
И силу – в бедстве сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру стезею потаенной
И в буре пламенных страстей
Мой был Вожатай неизменной?

Он! Он! Его все дар благой!
Он нам источник чувств высоких,
Любви к изящному прямой
И мыслей чистых и глубоких!
Все дар Его, и краше всех
Даров – надежда лучшей жизни!

Когда ж узрю спокойный брег,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесных благ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?

1815

ПРИМЕЧАНИЕ. По поводу названия стихотворения А.С. Пушкин заметил: «Точнее бы “Вера”». *Мой дух! доверенность к Творцу!* – Реминисценция из стихотворения В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» («Доверенность к Творцу! Что б ни было – незримой Ведет нас к лучшему концу Стезей непостижимой...»). ...*Любви к изящному* – т. е. любви к искусству. *Когда ж узрю спокойный брег* – реминисценция из стихотворения Жуковского «Певец во стане русских воинов» («Бессмертье, тихий, светлый брег, Наш путь – к нему стремленье. Покойся, кто свой кончил бег!») ...*Земную ризу брошу в прах* – т. е. сброшу телесную оболочку души.

ТАВРИДА

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им древней Греции священные мста.
Мы там, отверженные роком,
Равны несчастьем, любовию равны,
Под небом сладостным полуденной страны
Забудем слезы лить о жребии жестоком;
Забудем имена Фортуны и честей.
В прохладе ясеней, шумящих над лугами,
Где кони дикие стремятся табунами
На шум студеных струй, кипящих под землей,
Где путник с радостью от зноя отдыхает
Под говором древес, пустынных птиц и вод;
Там, там нас хижина простая ожидает,
Домашний ключ, цветы и сельский огород.
Последние дары Фортуны благосклонной,
Вас пламенны сердца приветствуют стократ!

Вы краше для любви и мраморных палат
Пальмиры Севера огромной!
Весна ли красная блистает средь полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,
Иль, урну хладную вращая, Водолей
Валит шумящий дождь, седый туман и мраки, –
О радость! Ты со мной встречаешь солнца свет
И, ложе счастья с денницей покидая,
Румяна и свежа, как роза полевая,
Со мною делишь труд, заботы и обед.
Со мной в час вечера, под кровом тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи
Я вижу, голос твой я слышу, и рука
В твоей покоится всечасно.
Я с жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяных уст, и если хоть слегка
Легающий Зефир власы твои развеет
И взору обнажит снегам подобну грудь,
Твой друг не смеет и вздохнуть:
Потупя взор, дивится и немеет.

1815

ПРИМЕЧАНИЯ. Об этом стихотворении А.С. Пушкин писал: «По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения – лучшая элегия Батюшкова». *Таврида* – древнее название полуострова Крым. *Фебовы лучи* – лучи Солнца (Феб – одно из имен Аполлона, греч. бога солнечного света, прорицателя и покровителя искусств). *Пальмира Севера* – метафорическое название Петербурга (Пальмира – древний город на территории Сирии, центр караванной торговли и ремесел). ...*урну хладную вращая, Водолей* – зодиакальное созвездие Водолея изображалось в виде человека, наливающего из сосуда воду в пасть рыбы; в этом созвездии Солнце находится с 21 января по 19 февраля.

БЕСЕДКА МУЗ

Под тению черемухи млечной
И золотом блистающих акаций
Спешу восстановить алтарь и Муз и Граций,
Сопутниц жизни молодой.

Спешу принести цветы, и ульев сот янтарный,
И нежны первенцы полей:
Да будет сладок им сей дар любви моей
И гимн поэта благодарный!

Не злата молит он у жертвенника Муз:
Они с Фортуною не дружны.
Их крепче с бедностью заботливой союз,
И боле в шалаше, чем в тереме, досужны.

Не молит Славы он сияющих даров:
Увы! талант его ничтожен.
Ему отважный путь за стаею орлов,
Как пчелке, невозможен.

Он молит Муз: душе, усталой от сует,
Отдать любовь утраченну к искусствам,
Веселость ясную первоначальных лет
И свежесть – вянущим бесперестанно чувствам.

Пуускай забот свинцовый груз
В реке забвения потонет,
И время жадное в сей тайной сени Муз
Любимца их не тронет:

Пуускай и в ссдинах, но с бодрою душой,
Беспечен, как дитя всегда беспечных Граций,
Он некогда придет вздохнуть в сени густой
Своих черемух и акаций.

1817

ПРИМЕЧАНИЯ. Несмотря на условность поэтических образов, в стихотворении нашли воплощение некоторые черты образа жизни Батюшкова в имении Хантоново под Череповцом. В мае 1817 г. он писал своему другу Н.И. Гнедичу в Петербург: «Я убрал в саду беседку по своему вкусу, в первый раз в жизни. Это меня так веселит, что я не отхожу от письменного столика, и веришь ли? целые часы, целые сутки просиживаю... руки сложа накрест». *Досужны* – здесь: уместны, полезны. ...*в реке забвения* – в греч. мифологии эта река называлась Лета. *Ему от-*

важный путь за стаю орлов, Как пчелке, невозможен. – Образ из стихотворения В.В. Капниста «Ломоносов». ...*в сей тайной сени* – в этом скрытом от людских глаз убежище.

* * *

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском берегу,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов,
И как молчать об них – не знаю.

1819

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение является вольным переводом 178 строфы четвертой песни поэмы Д.Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» (1812–1818).

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

1

Без смерти жизнь не жизнь: и что она? сосуд,
Где капля меду средь полыни;
Величествен сей понт! Лазурный царь пустыни,
О солнце! чудно ты, среди небесных чуд!
И на земле прекрасного столь много!
Но все поддельное иль втуне серебро:
Плачь, смертный! плачь! Твое добро
В руке у Немезиды строгой!

2

Скалы чувствительны к свирели;
 Верблюды прислушивать умеет песнь любви,
 Стеня под бременем; румянее крови –
 Ты видишь – розы покраснели
 В долине Йемена от песней соловья...
 А ты, красавица... Не постигаю я.

3

Взгляни: сей кипарис, как наша степь, бесплоден
 Но свеж и зелен он всегда.
 Не можешь, гражданин, как пальма дать плода?
 Так буди с кипарисом сходен:
 Как он, уединен, осанист и свободен.

4

Когда в страдании девица отойдет
 И труп синеющий остынет, –
 Напрасно на него любовь и амвру льет,
 И облаком цветов окинет.
 Бледна, как лилия в лазури васильков,
 Как восковое изваянье;
 Нет радости в цветах для вянущих перстов,
 И суетно благоуханье.

5

О смертный! хочешь ли безбедно перейти
 За море жизни тревоженной?
 Не буди горд: и в ветер попутный опусти
 Свой парус, счастьем надменной.
 Не покидай руля, как свистнет ярый ветер!
 Будь в счастье – Сципион, в тревоге брани – Петр.

Ты хочешь меду, сын? – так жала не страшись;
 Венца победы? – смело к бою!
 Ты перлов жаждешь? – так спустись
 На дно, где крокодил зияет под водою.
 Не бойся! Бог решит. Лишь смелым он отец,
 Лишь смелым перлы, мед, иль гибель... иль венец.

1821

ПРИМЕЧАНИЯ. *Йемен* – страна на юге Аравийского полуострова. *Будь в счастье* – *Сципион* – имеется в виду римский полководец Сципион Африканский (ок. 185–129 до н. э.), проявивший милосердие к защитникам взятого им Карфагена. *Петр* – русский император Петр I (1672–1725) – вдохновитель и организатор побед русского оружия в войнах с Турцией, Персией и Швецией.

Павел Межаков

ВИНОВАТ

Я виноват и в том признание
Готов пред всеми повторить.
Прошу вас старое забыть
И долгое мое молчанье
И это длинное посланье
Великодушно мне простить.
Я виноват! Но как же быть?
Ведь я ленивец отъявлённый,
Меня уж поздно исправлять.
Едва ручьи начнут журчать,
Природа свой ковер зеленый
Едва раскинет, я тотчас
Покину Лиру и Парнас
(Иль просто – худо очиненный
Вот этот карандаш тупой
И кабинет свой закопченный),
Прощуся пыльных книг с толпой,
Со всею свитою ученой
И, как счастливое дитя,
Урок окончивши тяжелый,
Всем утешаясь и шутя,
Иду беспечный и веселый
К ручью, и в рощи, и в луга.
Зима у нас ведь так долга!
Морозы наши так жестоки!
Снега так страшны, так глубоки!
Зимой, при треске дров сухих,
Пылающих в моем камине,

О бренности всех благ земных,
О суете забот людских,
О жизни, счастье и судьбине
Я кипы исписать готов.
Зато, вперед уж знайте, летом
Не ждите от меня стихов.
Ах, дайте насладиться светом
И позабыть среди лесов,
Что за грехи я был поэтом!

Теперь, любитель став цветов,
Брожу от одного к другому.
То с колких розовых кустов
Сбираю бережно солому,
Или от солнца заслонить
Стараюсь нарцисс душистый,
Здесь илем подкрепить ветвистый,
Там робкий тополь серебристый
Струей прохладной оживить.
Пусть я садовник здесь, не боле,
Но ем, тружусь и сплю по воле.
Ах, кто счастливее меня,
Когда я вижу близ себя
Все сердцу близкое: поля,
Где зреют жатвы золотые,
И храмы родины святые,
Напев знакомый соловья,
И шум домашнего ручья,
И сосны старые, густые?
Вот сердцу милая семья!
Вот гробы праотцев простые!
В чем счастье, милые друзья?
Кто может дать его? – Природа,
Любовь, умеренность, свобода.
Так думаю и только вам,
Как истинным друзьям, признаюсь:
Хотя по русым волосам
Сквозят седины здесь и там,
Хотя я быстро приближаюсь –

Сказать ли? – к сорока годам,
Но все приятным быть стараюсь
Еще красоткам молодым,
Еще невольно покоряюсь
Глазам небесно-голубым
И – виноват – еще влюбляюсь!

Божественная красота!
Чье сердце всемогущей власти
Твоей не знает? Где лета,
Свободные от нежной страсти?
Что мудрость славных мудрецов?
И что нам в строгом их ученье?
Ты взглянешь – и без дальних слов
Они умолкнут в изумленье.
Краса, владычица сердец!
Тебя, как райскую усладу,
За муки жизни сей в награду
Нам создал в благодати Творец.
Ты лучшее Его творенье,
Природы целой украшенье,
Всего творения венец!
А я, назначенный судьбами
Всегдашним быть твоим слугой,
Клянусь всеильными богами,
Самой клянуся красотой
Везде идти на поклоненье,
Где алтари ее стоят;
И если это преступленье –
Я буду вечно виноват!

<1828>

ПРИМЕЧАНИЯ. В стихотворении описана жизнь, которую вел поэт в своем родовом имении Никольское Кадниковского уезда. ...*Покину Лиру и Парнас* – т. е. перестану заниматься поэзией. ...*гробы праотцев простые!* – Реминисценция из трагедии М.В. Крюковского «Пожарский» (1807): «Гробы праотцев, обычай их простой!».

ОПРАВДАНИЕ

Мой друг, твои все пени
И обвиненья в лени
Исправно мне дошли.
Так, я живу беспечно!
И время скоротечно,
И век наш на земли
Есть миг один крылатой.
За что ж меня бранить
И времени утратой
Безвинного винить
За то, что век свой краткой,
От зависти украдкой,
В неизвестности, мне сладкой,
Стараюсь проводить;
За то, что я не много
И изредка пишу,
Иду своей дорогой
И в свет ученый, строгий
Явиться не спешу?

Дары Фортуны лживы!
Среди наследной нивы
Я от нес таюсь
И прямо признаюсь,
Что, дни ведя счастливы,
Я более ленюсь.
То с милою женою
И с крошками резвлюсь,
То, кроясь от зною,
Под липою густою
Усядемся кружком;
Невинные их речи
Я слушаю тишком;
Иль, заступ взяв на плечи,
Уйду от них тайком,
Один в лесу густом
Бьюсь, мучуся – с трудом

Кусточек вырываю;
И с радостным лицом
Я с новым деревцом
В свой садик поспешаю.
Так время провождаю
Среди полей своих.
Как не любить мне их?
Здесь все мне представляет
Плоды трудов моих
Или напоминает
Забавы лет молодых!
Здесь время быстролетно
Мелькает неприметно,
И дорог каждый час!
Когда ж густою тенью
Ночь, покрывая нас,
Зовет к отдохновенью,
Тогда, оставя сад,
Всего я больше рад
Знакомиться с постелью.
Итак, подумай сам,
Любезный друг, стихам
Какой я час отдам? –
Все розданы веселью!

В убежище своем
Я жизнь считаю – счастьем,
Бездействие – грехом,
Труд с пользой – сладострастьем,
Свободу – божеством,
А пение – забавой.
Пусть другой за славой
От счастья бегом
Бежит; пред ним – заботы!
Бог не дал мне охоты
Бессмертия искать.
Безвестность с тишиною
Привык я всей душою
Всему предпочитать,

Не славе, а покою
В часах отчет давать;
И, право, не обузу
На плечи думал взять,
Осмеливаясь Музу
В свободный час ласкать.
Иль свету отвечать
За легкие творенья,
Которые всегда
Начну – без принужденья,
Окончу – без труда,
И жгу – без сожаленья,
Когда их судишь ты
Достойными сожженья?!

Мой друг, не все цветы,
Что юную Помону
Весною уберут,
К ее обильну лону
Плод зрелый принесут
И осень корону
Богини обовьют.
Подобно чадам Флоры,
Большая часть из них
На краткий только миг
Увеселяют взоры.
Так суждено не всем
Питомцам Аполлона
К вершинам Геликона
Дойти крутым путем.
О чада вдохновенья,
Пусть ваши песнопенья
Божественным лучом
Бессмертия сияют
И время побеждают!
А я доволен тем,
Что пением прекрасной
Тоски не наведу

И жизни путь опасной
С усмешкой перейду.

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение отмечено влиянием «Моих Пенатов» К.Н. Бапошкова. ...считаю... *Труд с пользой – сладострастьем* – слово «сладострастье» употреблено здесь в значении, характерном для поэзии Бапошкова («высшее духовное наслаждение»). *Питомцы Аполлона* – творцы произведений искусства.

К КАТЕ

Я не терплю, признаться, сам
Красавиц мрачных и суровых,
За все прогневаться готовых;
Готовых вдруг, по пустякам,
В невинной общества свободе
Себе опасность находить,
Которым даже – о погоде
С мужчиной страшно говорить.
Напрасно добрые старушки,
Их скромность выхваляют нам,
Стараясь, с ложью пополам,
Дать важный толк пустым речам
И бед наделать из игрушки.
Прельщать нас – дело красоты!
И я все тонкости вертушки,
О Катя, миленькой – как ты,
Прощаю от души, как средство
Свои победы умножать.
Нет, я не в силах осуждать
В прелестных милое кокетство.
Люблю их льстивый разговор,
Люблю их хитрые уловки,
И их сентиментальный вздор,
И их вертлявые головки,
И брошенный украдкой взгляд,
И вдруг коварное смятенье,
Небрежный с умыслом наряд,
И груди робкое волнение.

Все то притворство! – Ну так что ж?
Притворством этим восхищаюсь.
Я чувствую, я вижу ложь
И ею тайно увлекаюсь.
О Катя! как же ты мила!
Самой Киприды ученица,
Ты пояс у нее взяла.
Как своенравная царица,
Ты тешишься, я знаю сам,
Мольбами, вздохами моими;
Не верю я твоим словам –
Но ах! я очарован ими!

ПРИМЕЧАНИЕ. ... *Самой Киприды ученица, Ты пояс у нее взяла.* – Согласно мифологич. представлениям, пояс греч. богини любви Афродиты (прозвище Киприда было дано ей по святилищу, находившемуся на острове Кипр) обладал магической способностью возбуждать любовную страсть.

СОЛОМА

На что, скажите, нет стихов?
Мы пели славу, шум сражений,
Луну, ручьи и голубков,
И тьму чертей и привидений.
Тот славит прелесть красоты,
Вино приятнее другому;
Недавно кто-то пел цветы –
Позвольте мне вам петь солому.

Солома осеняет кров,
Где земледелец обитает;
И, утомленный от трудов,
Он на соломе отдыхает.
Склонясь головой на мягкий пух,
Богач в великолепном доме
Бессонницей терзает дух –
Бедняк спит крепко на соломе!

Солома, претворясь в наряд
Красавиц хитрою рукою,
Нескромный отражает взгляд
И защищает их от зною.
Пытаясь сей покров сорвать,
Зефир трудится по-пустому.
А, право, жаль! – Какая стать,
Чтоб розы прятать под солому?

Я слышал, будто в старину
Любовь страшилася измены,
И добрый муж, любя жену,
Не знал желаний перемены.
Теперь же страсть вся на словах,
С любовью верность незнакома,
И нежность в пламенных сердцах
Сгорает скоро, как солома!

А ты, товарищ мой, поэт
Неутомимый и бездарный,
Прими мой дружеский совет:
Оставь свой труд неблагодарный.
Напрасно вялый дух сокрыть
Желаешь слов надутых в громе;
Ты мнишь на лаврах опочить –
И ах! проснешься на соломе!

<1828>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Солома, претворясь в наряд... защищает их от зною.* – Т. е. идет на изготовление шляп. ...*на лаврах опочить* – прославиться.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

О радость! Лечу на знакомый лужок.
Вот холмы, долины родные!
Найду ли любимый, душистый цветок,
Чтоб в локоны вплесть золотые?

«Ах! север суровый морозы нагнал –
И цвет ароматный давно уж завял!»

Но где же кристальные воды ручья,
Что тихо лужком извивался?
Как часто, с прекрасной обнявшись, я
Журчаньем его наслаждался!

«Ах! зной нестерпимый долины палил –
И ключ благотворный совсем иссушил!»

Где роща, где с милой в прохладной тени,
Беспечно резвясь, мы играли
И думали часто: мы в мире одни,
И вместе весь мир забывали?

«Ах! жадность явилась с губящей рукой –
И роща легла под секирой стальной!»

О дева прелестная! Где же и ты?
То сердце, тебя что любило,
Божественный образ твоей красоты,
Все верное в тайне хранило.

«Ах! быстро безмолвное время прошло,
Завяло прекрасное девы чело!»

Н* Н*****

На смерть дочери

Здесь в долине мрачной, скорби посвященной,
За стеной высокой,
Где объемлет душу тайный страх священной,
В тишине глубокой,

Где средь камней черных, подле ивы гибкой,
На гробнице сидя,

Смерть бросает ко́су, с страшною улыбкой,
Жизни вокруг не видя;

Кто, при лунном свете, бледном и дрожащем,
Падши на колени
Пред крестом гранитным, на холме стоящем,
Ждет любимой тени?

Кто вокруг могилы, ток лиющи слезный,
Землю орошает
И с глухим стенаньем памятник любезный
К персям прижимает?

Нежна мать, утешься! на судьбу пеняя,
Мы судеб не знаем.
В самое то время, как мы здесь, рыдая,
Праху прах вручаем,

Дух ее невинный в областях эфирных
Ангельския тени
Радостно встречают и при звуках лирных
Вводят в горни сени!

Сча́сливый младенец! ты едва вкусила
Чашу жизни тленной
И, познав в ней горечь, взор свой отвратила,
Мир оставя брснной.

Злополучен смертный, долго жизнь влачивший
Тягостную нашу,
До последней капли медленно испивший
Горестную чашу.

ПРИМЕЧАНИЯ. Адресат стихотворения не установлен. ...*в горни сени* – на небеса.

БЕССМЕРТИЕ

Давно ли вы зеленью взоры пленяли,
Бескровные ныне, пустые леса?

Давно ли долины цветами блистали?
Куда же сокрылася ваша краса?
И где ароматы, что всюду курились
Пред солнца восходом от юных цветов?
Зачем вы умолкли, куда удалились,
Вы, птички, – веселые гости лесов!
Унылые ветры, в шумящих порывах,
Иссохшие листья долиной несут.
Недолго красуются класы на нивах;
Недолго и смертные в мире цветут!
Безмолвное время, в ужасном полете
К нам зиму и старость несешь на крылах.
Весны сын любимый увянет во цвете;
И гордый сын праха прострется во прах!

Восплачьте ж вы, бренность свою представляя,
Вы, коих все мысли к земле тяготят:
Великия души, за гроб улетаая,
На бедствия жизни с улыбкою зрят.
Или не украсится луг сей цветами?
Навечно ли солнце на запад спешит?
Нет, скоро восток воспылает огнями;
И скоро весна снова луг оживит!
О! ежели промысл цветам обновленья
Назначил, так мне ли надежд не иметь?
Ужель, обреченный на вечное тленья,
Единый я должен со всем умереть?
Угроза ничтожества пусть удалится!
К небесной обители нет ей следа.
Там в радостном цвете мой дух обновится;
И там воссияет бессмертья звезда!

К ЛИРЕ

Есть час – священный час молчанья,
Когда нисходит тишина
На утомленные созданья,
Когда, безмолвия полна,

В объятиях отрадных сна,
Как силою очарованья,
Природа вся погружена;
Когда, покрывшись облаками,
Не светит на небе луна,
Не порхнет птичка меж ветвями,
Зефир не шепчется с листьями,
Не молвит с берегом волна.
Есть лета – горестные лета,
Когда и Лиры звук Поэта
В восторг не может погрузить,
Когда живитель прежний, Гений,
Знакомых, сладостных волнений
В душе не сходит пробудить.
Так сладкая весны певица
Счастливых жителей полей
Пленяет песнею своей,
Пока румяная денница
Не запылает в небесах;
И ах! к полудню умолкая,
В прохладных прячется лесах.
Прости ж, о Лира золотая!
Настал разлуки нашей час.
Напрасно под моей рукою
Еще звенящею струною
Ты издаешь печальный глас;
Прости, прости в последний раз!
Прости!.. и, выкатясь невольно,
Слеза блеснула на щеках.
О лира! В пламенных мечтах,
Терзавших душу, слез довольно
Я пролил на твоих струнах!
В сей полной горестьми юдоли,
Где мы осуждены страдать,
Ты и дана нам не на то ли,
Чтоб наши скорби усладить
И тайное души томленье
Гармонией очаровать?
Так вот твое определенье!

Что выражает наше пенье –
Желание иль сожаленье?
И голос счастья заглох.
Пленительной лесов певички
И вдохновения цевницы
Песнь лучшая – сердечный вздох!
Когда стезею потаенной
Я ночи целые блуждал
Вокруг гробницы, мне священной,
И грудь слезами орошал,
О Лира! ты свои стенанья
Сливала с голосом моим,
Но, чужда гласу ликованья,
Среди веселого собранья,
Смеясь счастливым молодым,
Ты радость не хвалила им.
Я пел с тобой красы природы,
Прохладу тень моих лесов,
Цветы пестреющих лугов,
И ручейка кристальной воды,
И хижин уютный кров,
И сельской прелести свободы,
И не носил тебя под своды
Горящих золотом дворцов,
И к двери их великолепной
Тебя рукою раболепной,
О Лира! я не прикреплял.
Порок своим прикосновеньем
Тебя вовек не оскорблял;
Лишь чистой страсти дуновеньем
Один Амур тебя ласкал,
Лишь милая одна порою,
Ко мне склонившись головою,
Внимала звуку струн твоих;
И часто локоны златые,
Раскинуты по нежной вые,
Под дуновеньем уст моих
Так точно сотрясались сами,

Как звучны струны под перстами,
В восторге двигавшими их!

ПРИМЕЧАНИЕ. *Гений* – здесь: дух, пробуждающий вдохновение.

МОТЫЛЕК
(Из Ламартина)

Родиться с розами весной
И в светлых областях эфира
Беспечно плавать над землей,
Прильнувши к крылышку зефира;
На лоне девственных цветов,
Чуть развернувшись, качаться;
Питаться запахом листков,
Лазурью, светом упиваться;
И, мигом взвившись в облака,
Сокрыться в них, как дуновенье, –
Вот золотого мотылька
Волшебное определенье.
Он как желание – ни в чем
Не находя под солнцем счастья,
На небеса, взмахнув крылом,
Летит искать там Сладострастья!

ПРИМЕЧАНИЯ. *Ламартин* Альфонс (1790-1869) – французский поэт-романтик и политический деятель. ...*в светлых областях эфира* – в небесах.

Александр Крылов

РАЗЛУКА

На жалобы мои, казалось, отвечали
И камни дикие, и быстрых вод струи;
И преклонялся лес, исполненный печали,
На жалобы мои.

Внимало всё любви моей стенаньям,
Но хладная судьба не хочет им внимать!
Дождусь ли я конца моим страданиям,
И долго ль мне еще прелестной не видать?..

В разлуке с ней, терзаемый тоскою,
Брожу один средь рощей и полей,
Где осень бледная губительной рукою
Оборвала листья поблекшие с ветвей,
Где всё в унынии, где всё душе моей
О милой говорит и грусть об ней питает.
Ей каждый вздох, ей каждая слеза!
И к той стране, где друг бесценный обитает,
Обращены всегда мои глаза!
Взойдет ли день – лечу душою к милой
И, взоры устремив сквозь утренний туман,
В безмолвии стою, как истукан,
Воздвигнутый над хладною могилой!
Настанет ночь – покой меня бежит
И в грудь не льет спасительной отрады,
Но все является глазам любезный вид
При свете гаснувшей лампы.
Когда же поздний сон подкрадется ко мне,
Чтоб усладить на миг тоску разлуки,

О милой я мечтаю и во сне:
Я слышу голоса пленительного звуки
И поступь легкую в полночной тишине;
Мечтой свиданья обольщенный,
Слезами радости судьбу благодарю,
Сквозь сон произношу я имя незабвенной
И с милым призраком в восторге говорю.
Но скоро прочь летят волшебные мечтанья,
Опять я с новым днем к печали пробужден,
И редко слышится мне голос упования,
Что сбудется прелестный сон!

<1821>

НЕДОВЕРЧИВОСТЬ

Элегия

Не спрашивай, зачем я так уныл!
Ты знать должна вину моей печали:
Мой взор тебе давно ее открыл,
Когда об ней уста мои молчали.
Мне суждено по гроб тебя любить;
Но, знать, любви внушить я не умею!
Нет, счастье тобой любимым быть
Не для меня: я ждать его не смею!
Из жалости одной к моим слезам
Ты мне твердишь любовные обеты;
Нё верю я пленительным словам:
Я не видал в тебе любви приметы!
Стою ль вдали, с безмолвною тоской, —
Твой взор меня в толпе не отличает;
Иль робкою коснусь к тебе рукой —
Твоя рука моей не отвечает.
Спокойна ты: встречаешь ли меня,
Или даришь мне поцелуй небрежный, —
В глазах твоих нет пылкого огня
И на щеках румянца страсти нежной.
Когда я шел вчера, простясь с тобой,

Не для меня ты у окна стояла –
И тусклого стекла не отирала,
Чтобы взглянуть украдкой вслед за мной!
Досель я жил отрадой упования,
Я сам себя обманывать хотел,
И наяву коварные мечтанья
Любовь твою сулили мне в удел!
Но ты меня лишила наслажденья:
Мечты мои рассеялись, как дым,
Упала с глаз повязка заблужденья,
И опыт мне сказал: ты не любим!
Жестокая, ты хочешь быть мне другом –
Любви твоей, любви желаю я!
Когда меня ты назовешь супругом,
Без сердца мне на что рука твоя?
Где для меня цвели блаженства розы,
Там буду я лишь терния встречать;
В твоих глазах я должен видеть слезы
И на лице уныния печать!
Я, может быть, подстерегу случайно
Твой тяжкий вздох в безмолвии ночном,
И близ меня, забывшись тихим сном,
Промолвишь ты признание в страсти тайной;
Огонь любви заблещет на челе,
И не супруг, другой тебе приснится;
Ты будешь днем, потупя взор к земле,
Передо мной мечты своей стыдиться.
О милый друг! Прости моим словам,
Забудь любви слепые подозренья, –
Я им теперь еще не верю сам,
Но в будущем ищу себе мученья!
Пускай меня утешит голос твой;
Пусть нежный взор тоску души рассеет,
И грудь мою надежды луч согреет!
Когда же нет в тебе любви прямой,
Когда я ждал несчастья недаром,
Цепей моих из жалости не рви,

Не обмани меня притворным жаром
И дружбе дай название любви!

<1821>

ПРИМЕЧАНИЕ. ...любви прямой – любви настоящей, истинной.

ВЕСНА

Как узник в радости, покинув мрак темницы,
Встречает солнца луч златой,
Так я, освобождаясь из скучных стен столицы,
Любуюсь юною весной!

Она живет мой глас и с лиры молчаливой
Свекает тихо сладкий сон, –
И звук в немых струнах, как ветерок игривый,
Весны дыханьем пробужден!

Светлей горит заря на облаке румянном
Перед весенним, ясным днем,
И диких скал верхи, обвитые туманом,
Сияют радужным огнем!

С лазоревых небес густые скрылись тучи;
Стада бегут с весельем в луг;
А там уже волы чрез пни и терн колючий
Влекут по ниве ржавый плуг.

Ручей журчит – и лед, в волнах его сверкая,
Вдали скрывается от глаз;
И в зеркале воды пастушка молодая
Свой образ видит в первый раз.

Но роза нежная расцвеств еще не смеет
Среди обтаявших снегов,
И утренний мороз на мураве белеет,
И в роще слышен шум ветров.

Природа, мнится мне, обнявшись с весною,
Бойся, что опять взойдет
Зима на льдистый трон и хладною рукою
Венок с чела ее сорвет.

Так дева робкая томится ожиданьем:
Глаза красавицы в слезах,
Но вот уже видна с отрадным упованьем
Улыбка на ее устах!

Все скоро оживет: глас горлицы унылый
Настроит вновь любви тоска,
И юноша пойдет искать подруге милой
В долине первого цветка.

Древа покроют холм гостеприимной тенью,
Где я от зноя отдохну, —
Но там найду ль приют мечтам и наслажденью
И возвращу ль свою весну?..

О юность дней моих, постой из состраданья!
С тобой я радостью дышал
И, житель счастливый в стране очарованья,
С весною вместе воскресал!

Теперь, от милых мне мечтаний пробужденный,
Жалею, что проснулся я,
И с гимном радостным природы оживленной
Вновь не сольется песнь моя!

<1821>

ИСТРЕБЛЕННАЯ РОЩА

Из Мильвуа

Нимфы! скрывайтесь, бегите толпою:
Древнюю рощу злодей истребил!
Плачьте, амуры! под тенью густою
Он ваш алтарь навсегда сокрушил!

Птицы умолкли и тихо стадами
Вдаль понеслись от знакомых ветвей.
Милые гости лесов и полей,
Видно, изгнанники есть и меж вами!
Странник усталый в далеком пути,
Пот отирая, с надеждой отрадной
В полдень торопится к сени прохладной,
Ищет ее – и не может найти!
Тщетно любовник зовет на свиданье
Милую в рощу вечерней порой;
Дева придет, поглядит – и с тоской
Издали другу промолвит прощанье;
Взоры потупит и мимо пройдет.
Горе тебе, истребитель жестокий!
Мстительный бог на тебя восстает.
Он на горах неприступных живет,
Дикой пустыни хранитель высокий!
Он принимает дары пастухов,
Внемлет обетам пастушек стыдливых;
Глас его слышен в полях молчаливых;
Видны следы на тропинках лугов.
Он, рассылая воздушных послов,
Им повелел укрывать в непогоды
Стебель зеленый и цвет молодой;
В сумраке ночи, отвергнув покой,
Бодрствует он для блаженства Природы;
Легким зефирам велит на лугах
Звук разносить сладкогласной свирели,
Веять в лесу и качать на ветвях
Тихо пернатых певцов колыбели.
Буря ль с деревьев листья оборвет
Или красавица резвой ногою
Первые ландыши в поле сомнет,
Бог благотворный кропит их слезою.
Знай, истребитель! сей бог над тобою
Суд произнес. За него Купидон
Грозной рукою злодея накажет:
Он для отмщенья колчан свой развяжет –
Ты на страданья любви осужден!

Тщетно поверишь подруге прелестной –
Клятву ее унесет ветерок
Так же, как в роще под тенью древесной
Прежде кружил он летучий листок!

<1821>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Мильвуа* Шарль (1782–1816) – французский поэт.

МОГИЛА ПЕРСИДСКОГО ПОЭТА

Из Мильвуа

«Заида, твой голос пленяет мой слух,
И в душу вливается арфы бряцанье!
Не тише весеннего утра дыханье
Волнует цветами усыпанный луг.
Твои песнопенья прелестны, как розы,
И сладки, как пламенный твой поцелуй;
Но кто их творец?.. О поэт, торжествуй!
Я пролил восторга невольные слезы!»

– Тебе ль, государь, неизвестен певец,
Пленивший твой слух, Бснамар вдохновенный?
Он пел без награды и, светом забвенный,
Платил нищетой за лавровый венец.
В отчаянье с дочерью нежной блуждает
Несчастный средь знойных Ирана песков;
Он двигает струны при шуме ветров –
И сладостным звукам пустыня внимает! –

«Эмир, оседлай вороного коня:
Он в битвах, как вихорь, летал подо мною!
Помчися в Иранские степи стрелою
И перстень поэту вручи от меня!
Бесчисленны звезды на тверди небесной –
Бесчисленны будут богатства его.
Алмаз драгоценный венца моего
Не кроется в прахе пустыни безвестной!

Иль дочь Бенамара навек отцветет,
Как дикая пальма, в стране отдаленной?
Да вступит она в мой чертог позлащенный
И счастья светило над нею взойдет!»
Эмир на коня – и, как вран сизокрылый,
Под облаком пыли в пустыне летит –
И вдруг близ дороги красавицу зрит
В венке кипарисном над свежей могилой.

«О путник, ты скоро в безводных степях
Погибнешь, как злак от палящего жара!
Куда ты спешишь?» – Я ищу Бенамара;
Но тщетно: нет следу в песчаных волнах! –
«О путник, ты дочь его зришь пред собою;
Во гробе лежит мой несчастный отец:
Он встретил страданьям желанный конец,
И смерти рука поднята надо мною!»

– Утешься, печальная дева красоты!
Владелец Востока тебя призывает,
И счастье твое как цветок оживает,
Осыпанный влажным жемчугом росы! –
«Ты видишь могилу, где спит мой родитель,
О путник, не может раскрыться она!
Вот сердце мое – я всего лишена;
Мне счастье во гробе, мне смерть утешитель!»

И дева печально смотрела вокруг;
Могилу отца обнимала с рыданьем,
И грудь, утомленная тяжким страданьем,
Вздыхалась, как пены серебряный пух.
Вдруг арфы красавица тихо коснулась;
В пустыне раздался пленительный глас,
И, весело встретив последний свой час,
Певица как будто сквозь сон улыбнулась!

<1821>

ПРИМЕЧАНИЯ. Сюжет произведения восходит к легенде о персидском поэте Фирдоуси (ок. 940–1020 или 1030), создателя монументальной эпической поэмы «Шах-Намэ», который умер в нищете, так и не дождавшись награды за свой труд. ...*В венке кипарисном над свежей могилей.* – Кипарис в античности являлся символом смерти.

К К <ЮХЕЛЬБЕКЕР>У

Не часто ль ты в мечтах, задумчивый Певец,
Отбросив тленный мирт веселья и забавы,
Как будто наяву берешь от муз венец
И в торжестве паришь ко храму славы?

Доколе игом лет не подавлен твой дар
И ласковы к тебе неверные мечтанья,
Питай, мой друг, питай священный к славе жар;
Ей посвети все мысли, все желанья!

Счастлив, кому она достанется в удел,
Счастлив, кто обречен камням от рожденья!
Едва он начал жить, едва на мир воззрел,
Уже горит в нем пламень вдохновенья.

Услышит ли в полях свирели звук простой,
Иль песни соловья, иль дальние перуны, –
Младенец, лиру взяв неопытной рукой,
С улыбкою перебирает струны!

В дни пылкой юности, привязанной к мечтам,
В забавах сверстников ему ли брать участие?
Призывный славы глас влечет его к трудам,
И подле них Поэт встречает счастье.

Он в будущем живет: на крыльях легких дум
Летит в тот край, где ждут его бессмертных тени;
Во сне внимает он рукоплесканий шум
И похвалы грядущих поколений!

Волшебный глас его пленяет всех сердца,
То ручейком журчит, то громом поражает.

Пусть зависти змия шипит у ног Певца –
Он звуком струн шипенье заглушает!

И слушают его сыны чужих племен!
Поэт с народов дань собирает удивленья,
К потомству дальнему идет сквозь мрак времен,
И не грозит ему река забвенья!

Но если смерть Певца безвременно сразит
И на младом челе незрелый лавр увянет,
Ужель гроб юноши никто не посетит?
Ужель над ним ничья слеза не канет?

Нет! нет! во всех устах любимцу муз хвала;
Во всех сердцах живет о нем воспоминанье;
Так на лугу весной, где роза отцвела,
Разносится ее благоуханье!

<1821>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Кюхельбекер* Вильгельм Карлович (1797–1846) – русский поэт, драматург, прозаик и литературный критик, проповедник идей романтизма, участник восстания декабристов, друг А.С. Пушкина. ...*Отбросив тленный мирт веселья и забавы* – в Древней Греции вечнозеленое растение мирт являлось символом молодости, красоты и любви. ...*дальние перуны* – здесь: дальние раскаты грома. *Река забвенья* – в греч. мифологии Лета, река в царстве мертвых. ...*незрелый лавр увянет* – ранняя поэтическая слава угаснет (победителя состязания поэтов в Древнем Риме венчали лавровым венком).

К ПЛЕТНЕВУ

Винюсь, мой друг, перед тобой;
Ты мной не можешь быть доволен:
Я не пою, и гений мой
Неизлечимо ленью болен.
В глуши лесов я жизнь веду;
Не слава, а покой мне нужен.
Я стал теперь с весельем дружен,
Но с музой часто не в ладу.
Она зовет меня украдкой

От милой сердца на Парнас, –
Я нехотя клянусь подчас
Расторгнуть узы неги сладкой
И снова петь, но на стене
Не нахожу своей свирели:
Амуры, не сказавшись мне,
Тихонько ею завладели.
Возьму ль ее у них из рук?
Мне сладок их напев игривый,
И тих свирели беглый звук,
Как нежный вздох любви счастливой.
Тебе, Плетнев, другой удел!
Любовник славы постоянный,
Ты вслед за нею полетел,
Вдали завидя лавр желанный!
Ты не чуждаешься труда,
Чтоб знатоков привлечь вниманье,
И к верной музе никогда
Не опоздаешь на свиданье.
Ко мне доносят песнь твою
Покорные певцам зephyры,
И в диком северном краю
Я слышу звук знакомой лиры!
Но пусть венцы перед тобой –
Не в них прямое наслажденье!
Когда я кончу дней течение,
Быть может, ты, поэт молодой,
Наскучив шумною столицей,
Придешь в страну, где друг твой жил,
И над его простой гробницей
Прочтешь слова: он счастлив был!

<1821>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Плетнев* Петр Александрович (1792–1865/66) – поэт и литературный критик, издатель и редактор журнала «Современник», друг А.С. Пушкина. ...*Не нахожу своей свирели: Амуры, не сказавшись мне, Тихонько ею завладели.* – Т. е. на смену поэтическому творчеству пришла любовь. ...*лавр желанный* – здесь: будущая литературная слава.

ВАКХИЧЕСКИЕ ПОЭТЫ

(К А.Е. Измайлову)

Невольной страстью увлеченный,
Я должен, я хочу писать!
Скажи, любимец муз почтенный,
Какой мне род стихов избрать,
Чтоб славы истинной дожидаться?
Я не привык от юных лет
В стихах и в свете притворяться:
Мне пить вино охоты нет,
А без вина какой поэт
Теперь за лиру может взяться?
Пускай завистники кричат,
Что музы не должны быть пьяны, —
У нас теперь в стихах звучат
Так громко рифмы и стаканы,
Что крики злобы заглушат!
В том дарованья нет приметы,
Кто недруг чаше круговой;
Все наши модные поэты
В ней потопляют гений свой;
Забыв уставы Аполлона,
Они в вине лишь знают вкус,
И Вах с вершины Геликона
Грозит согнать несчастных муз!
Но я досель на лире скромной
Вина еще не воспевал;
Итак, могу ли ждать похвал?
Я ввек пойду стезею темной,
Вдали от счастливых певцов;
Я никогда не буду с ними
Среди мечтательных пиров
Стучать бокалами пустыми!
Но что ж!.. к чему напрасный вздох?
Уже Парнаса грозный бог,
Исполненный негодованья
На дерзостных жрецов своих,
Сказал: «Да будут их посланья

Так сухи, как бокалы их!»
И страшный приговор свершился!
Не внемлют музы их мольбам;
Пред ними с шумом затворился
Бессмертия высокий храм!
Пушкой трудятся: их творенья
Читателей обнимут сном,
И поглотит река забвенья
Венец, обрызганный вином!

<26 мая 1821> *Петербург*

ПРИМЕЧАНИЯ. *Вахические поэты* – здесь: певцы пиров (Вахх в римск. мифологии – божество виноделия). *Измайлов* Александр Ефимович (1779–1831) – баснописец, прозаик и журналист, президент Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. ...*Парнаса грозный бог* – Аполлон. *Река забвенья* – в греч. мифологии Лета, река в царстве мертвых.

К КЛЕНУ

Подражание Парни

Слова любви, мой клен пустынный,
Я на коре твоей писал;
Но вижу с грустью, друг старинный,
Что мне и ты неверен стал.
Зачем ты память сохраняешь
О счастье двух сердец младых?
Ты их еще соединяешь,
А время разлучило их!

<1828>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Парни* Эварист (1753–1814) – французский поэт.

Николай Коншин

БАРАТЫНСКОМУ

Куда девался мой поэт?
Где ты, любимец граций томный?
Умолк, умолк, и вести нет!
А я букет цветочков скромный
Наместо лавровых венков
Творцу элегий посвящаю
И вместе с ними приплетаю
Своих десятка два стихов.

Мой друг, благодари богов
За дар поэзии прекрасный;
Но дар сей будет – дар напрасный
В шуму невежд и болтунов.
Уже тобой забыта лира;
Паук заткал ее струны;
Цевница и свисток сатира
Лежат, в пыли погребены,
У ног бездушного кумира;
Забыты боги и Темира
И сладкие о счастье сны!

А я, в глуши уединенья
Дыша свободой моей,
Младой красавице полей
Даю уроки наслажденья.
Пою и Вакха, и вино;
Пишу стихи, читаю, плачу.

Поэт! на время всё дано –
Так время ль тратить наудачу?

1 августа 1820

К. Валькиала

ПРИМЕЧАНИЯ. *Баратынский* Евгений Абрамович (1800–1844) – поэт, со-служивец *Коншина*. ...*цевница и свисток сатира* – здесь: символы лирической и сатирической поэзии. *Темира* – условно-поэтическое имя возлюбленной. *Валькиала* – место службы *Коншина* в Финляндии.

ТРИ ВРЕМЕНИ

Певец, вдохновенный от юности Фебом,
Младой, своенравный любимец богов,
На лире согласной я славил любовь,
И песни дышали любовью и небом.
Исчезли виденья восторженных лет,
И опыт поэту внушил благородный,
Что гимнов не стоит сей идол холодный,
Сей пол легковёрный Лаис и Лилет.
На поле широком убийства и славы
На брань за свободу я гордо ходил;
Я ужасы боя душой полюбил,
И ночь без ночлега, и ратников нравы.
Но дерзкая младость, как птица, вольна,
Ее не прикормишь кровавой пирушкой:
Не долго игрушка слывет не игрушкой,
И сердце не долго волнует война.
Но с Вакхом румяным обрел я бывшее:
Он прежнюю радость певцу возвратил.
Златой виноградник я сам рассадил.
Любимцу Зевеса, Эвану – Эвоя!
И холодом смерти в нем время не дует,
И сердце не видит обманчивых снов,
Лишь шумно порою в нем дружба пирует
Иль скромная шепчет приветы любовь.

1821

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА. ...*На брань за свободу я гордо ходил* – война 1812 г.

ПРИМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ. ...*Сей пол легковерный Лаис и Лилет* – женщины. *Эван, эвоэ* – клич вакханок, участниц празднеств в честь бога виноградарства и виноделия Диониса (Вакха); Коншин ошибочно счел первую часть клича (Эван) одним из имен этого бога.

ПРОШЕДШЕЕ

За рубежом владычества мечты
Я не скажу: исчезло сновиденье, –
Еще горишь в унылом сердце ты,
Прошедшего прекрасное явленье!
Нет, то не сон – усталых чувств игра,
Не устает души младая сила...
Пришла зима, но зиму предварила
Цветов пора.

Я хладен стал, я радость разлюбил,
И жизнь моя похожа на искусство;
Утратил я душевных признаков сил –
Любови всеобъемлющее чувство;
И, с миром связь беспечно разреша,
Живу один, спокойней и небрежней...
Но к прежнему горит любовью прежней
Еще душа.

1821, 1822

ПРИМЕЧАНИЕ. По предположению исследователей творчества поэта, произведение обращено к А.А. Радищевой, адресату нескольких стихотворений Коншина.

ПОХОД

Звучит призывный барабан,
Окончилось служенье Фебу;
Певец взглянул прискорбно к небу
И спрятал лиру в чемодан.

Сбылось пророчество молвы,
Сбылись предчувствия угрозы...
Но он глядит еще сквозь слезы
На берег родственной Невы.

Еще он видит милый дом,
В туманы утра облеченный.
Там круг друзей его бесценный,
Там всё любимое певцом...

Глядит, как мертвый истукан;
Потухший взор угрюм и страшен...
Выходит солнце из-за башен;
Звучит призывный барабан!

<1822>

ПРИМЕЧАНИЕ. ...*служенье Фебу* – поэтическое творчество.

КОМУ-НИБУДЬ (*Посвящено сестре*)

Тоска любви волнует грудь,
И мрачен сердца сон печальный,
И снится образ идеальный,
Твой милый образ,
Кто-нибудь!

И этот сон не даст уснуть,
Сон этот враг успокоенью,
И следует повсюду тенью
Душою жданный
Кто-нибудь!

Но краток жизни быстрый путь;
Проходят дни, пройдут напасти;
Сожгут погибельные страсти
И молодость, и кровь, и грудь.

Тогда приятно отдохнуть
На смертном холоде придется,
И – радость! – сердце не забьется
Тоской, тобою,
Кто-нибудь!

1822

ФИНЛЯНДИЯ

Вы, юный друг мой, не забыли
Поэта прежнюю любовь;
Вы языком счастливой были
Ему откликнулись вновь!
Он забывал уж образ милый
Подруги лет его весны –
Он погасил в груди унылой
Воспоминанья старины;
В пустынях полуночной дали
Он топчет допотопный прах;
Безбожно боги обсчитали
Его в здоровье и в годах;
С людьми не знает он союза:
Оставил лиру и перо,
Его заботливая муза
Стирает пыль с его бюро.
Здесь солнце тусклое не греет,
И дни и ночи тяжелы;
Здесь чуть лишь ель зазеленеет,
Прильнув над трещиной скалы;
Здесь нет поры условной года,
Здесь только стужа иль тепло,
И грозно дикая природа,
Подъяв гранитное чело,
Глядит на жизнь, на наше племя
С тех пор, как время создано;
Глядит бесчувственно на время,
Не изменяясь, как оно;

О темя бури рассекая,
С земли бегущие к морям,
Ее развалина немая
Уныло воеет по ночам!
Здесь всё питает, всё лелеет
Покой задумчивой души:
Невольно сердце каменеет
В безлюдье каменной глуши.
Я не ропщу и не страдаю,
Забыл грустить, забыл любить;
Привык к убийственному краю,
Где думал дня не пережить;
Громад *нетленных* убегая
За дверью хижины моей,
Я философствую, зевая,
О милой *бренности вещей!*

1823

БАРАТЫНСКОМУ

Напрасно я, друг милый мой,
Желал найти науку счастья;
Напрасно, всех любя душой,
Просил любви и участия...
Участия... Кто его найдет?
О, люди холодны, как лед...
Мои труды вотще пропали,
Но чувства опытнее стали –
Мне люди в наготу предстали –
Я пожалел моих хлопот.

В наш век счастливый, век прекрасный
Приветлив ласковый народ;
Всё дышит тишиной согласной.
Друг другу братски руку жмет;
Пристойно скромны изуверы,
Пристойно вору ждут ночей,

Не дают жертв во имя веры,
И нет державных палачей...
Чего ж желать мне оставалось?
К чему я стал себе злодей?
К чему рассматривать людей?
Пусть было б всё как всё казалось.

Так, друг, теперь я вижу сам,
Уже нет нужды мне в совете –
Науки счастья нет на свете,
И дать не могут счастья нам.
Счастлив, кто в уголку уютном
Для жизни нужным не убог
И в исступлении минутном
С любовью позабыться мог;
Кто свету ввек не доверялся,
Один пирует жизни пир,
Кому так свет не представлялся,
Как в микроскоп фламандский сыр!

1 августа <1823>
На Котке

ПРИМЕЧАНИЕ. *Котка* – город у Финского залива в Финляндии.

АРИЯ

(На голос: Nargeons la tristesse)

Век юный, прелестный,
Друзья, улетит;
Нам всё в поднебесной
Изменой грозит;
Летит стрелой
Наш век молодой;
Как сладкий сон,
Минует он.
Лови, лови
Часы любви,
Пока любовь горит в крови!

Затмится тоскою
Наш младости пир;
Обманет мечтою
Украшенный мир;
Беднеет свет;
Что день, то нет
Мечты златой,
Мечты живой!
Лови, лови
Часы любви,
Пока любовь горит в крови!

Как май ароматный –
Веселье весны;
Как гость благодатный
Родной стороны, –
Так юность дней,
Вся радость в ней...
Друзья, скорей
Всё в жертву ей!
Лови, лови
Часы любви –
Пока любовь горит в крови!

<1825>

ПРИМЕЧАНИЯ. Одно из стихотворений Коншина, получивших широкое распространение; было положено на музыку А.Л. Гурилевым («Цыганская песня») и К.К. Альбрехтом, вошло в песенники. *Nargeons la tristesse* – отбросим печаль (франц.).

ЗАПАД

Егда даси преподобному твоему
видети нетление.

Царь Давыд

Есть на Западе темном стеною скала,
Скалу тайная дверь сторожит;

Дверь та всела, вросла, дверь та корни дала,
Залилась в вековечный гранит.
Под скалу не скребись – не подрывься под низ:
Безответен там заступа гул;
На скалу не скребись – неба в дальнюю высь
Неприступный хребет потонул.
Что ж скала залегла – что задвинул гранит,
Что же тайная дверь сторожит?..
Но на *Западе* темном скала та лежит
И за тайною дверью молчит!

<1826>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Егда даси преподобному твоему видети нетление.* – Когда дашь святому твоему видеть нетление (цитата из 15 псалма книги «Псалтырь», авторство значительной части которой приписывалось библейскому царю Давиду).

ЖАЛОБЫ НА П<ЕТЕР>БУРГ

В дымном городе душно,
Тесно слуху и взору,
В нем убили мы скучно
Жизни лучшую пору.
В небе – пыль либо тучи,
Либо жар, либо громы;
Тесно сжатые в кучи,
Кверху кинулись дома;
Есть там *смех*, да не *радость*.
Всё блестит, но бездушно...
Слушай, бледная младость,
В дымном городе душно!

1828

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА К ВАМ

Я взглянул в ваш край счастливый,
Вашим кланялся богам,

Но узнал, что бес ревнивый
Стережет дорогу к вам:
Всё беды без промежутка,
Рвы и реки на пути,
И от Медного не шутка
До Бернова довести!
На извилистых дорожках
Ни приметы, ни версты;
То грозят на курьих ножках
Допотопные мосты,
То пугает бес лукавый
Быть под горку на боку,
То по горло переправой
Вас потешить чрез реку;
Мнишь: аминь дороге тряской,
Цель сердечная близка, –
Глядь – опять перед коляской
Змеем кинулась река,
За деревней, с гору ростом,
Лег горбатый домовой,
Вдоль дороги черным мостом
Перегнулся над рекой;
Страх! опять по шею в воду
Прямо кинешь лошадей,
Бьешься час, не зная броду,
В гору выедешь, и с ней
Наконец блеснет желанный,
Мирным стражем ваших мест,
Колокольни деревянной
На вечернем небе крест;
Бес-проказник исчезает,
Ободрился паладин,
И над рошею всплывает
Милый сердцу мезонин.

1838

ПРИМЕЧАНИЯ. Обращено к семейству Вульфов, соседям Коншина по тверскому имению, – Елизавете Петровне Вульф (1789–1848) и ее детям Никите

Петровичу (1818–1884) и Екатерине Петровне (1817–1894), – с которым он был дружен с конца 1830-х годов; с этим семейством был связан А.С. Пушкин. *Медное* – село Новоторжского уезда Тверской губернии; по нему названа одна из глав «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. *Берново* – село в Старицком уезде Тверской губернии, имение Вульфов.

ВОСПОМИНАНИЕ

Друг того, чей взор тоскующий
Не вздремнет на ложе сна,
Звездной тверди гость кочующий,
Солнце полночи, луна,
Я люблю твой лик божественный,
Но не греет он в ночи,
И не властны тьмы торжественной
Разогнать твои лучи...
Да, но есть еще сияние,
Есть луна небес других:
Там горит воспоминание
Благ утраченных моих.
При звезде его негреющей
Их душа распознает,
Но ни искры пламенеющей
С них на сердце не падет!

12 декабря 1838

ПРИМЕЧАНИЕ. Вольный перевод «еврейской мелодии» Дж.Г. Байрона «Солнце неспящих» («Sun of the Sleepless»).

ВОРОН

Здорово, друг ворон, бездомный, бессонный,
Разумная птица моя!
Сосед мой, мой ворон, мой гость благосклонный,
Прилет твой приветствую я.
Зачем ты так близко к жилищу живого
И зорко так в очи глядишь?

Иль вещую тайну из мира другого
Ты молча на сердце таишь?
Всё знаю, друг ворон, вещун запоздалый:
Ты поздно подсел под окно, –
Всё знаю, мой ворон, мне сердце сказало,
И сердце сказало давно!

1839, Тверь

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Уж много лет, как я, друг милый,
Оставляя отчий дом,
Побрел, влекомый тайной силой,
Неведомым следом.

След всё вился в дичи опасной,
Всё глубже впадал в лес
И вдруг над пропастью ужасной
Заглохнул и исчез.

И вдруг призыванья глас желанный
Умолк в моей груди...
Стою, седеет бор туманный –
И бездна впереди.

1830-е годы

ПРИМЕЧАНИЕ. Перевод стихотворения Ф. Шиллера «Der Pilgrim», переведенного также В.А. Жуковским («Путешественник», 1815).

ПРИСТАВ ДОМА СУМАСШЕДШИХ К ПОСЕТИТЕЛЬНИЦЕ

Красавица, зачем нас посетила?
Что в этот гроб тебя могло привести?

Придет пора, засыплется могила –
Тогда приди, на свежем дерне сесть...
Знакомы вы?.. Гляди смелее в очи:
В них нет любви, но и укора нет;
Ему слились, как привиденья ночи,
Все образы, без красок и примет.
Не бойся же, не вскрикнет, не узнает:
Всмотрись в его бездонные глаза, –
В них не земной теперь огонь пылает,
В них не блеснет знакомая слеза.
На пламени и козней и коварства
В нем мир земной, перепылав, погас;
Зато, царем заоблачного царства,
Как гордо он теперь глядит на нас!

10 апреля 1840

Платон Волков

ПРИЗНАНИЕ НА ТРИДЦАТОМ ГОДУ ЖИЗНИ

*Графу
Алексею Алексеевичу Бобринскому*

Вот первая глава «Признанья»:
Ваш ласковый привет ценя,
И Ваше, граф, ценя вниманье,
Ее Вам посвящаю я.

Глава первая

I

Мне двадцать девять только лет;
А я, друзья мои, уж сед!
Я рано жизнью наслаждался,
Небрег здоровья своего,
Грешил, грешил, и для того
Теперь покаяться решился!..
Ах, Боже мой! как я взгляну
На прошлое, на старину,
И я жил весело, бывало!
Теперь, ума как больше стало,
А денег меньше, то иной
Совсем уж жизни образ мой.

II

В то время, я когда родился,
Отец мой много веселился;

Считал он милостью Небес,
Что Лельских род во мне воскрес –
О, если б будущее знали!..
Он был Иван, и потому
Весьма желалось ему,
Чтоб и меня Иваном звали;
Иваны же притом у нас
(Сказать бы это в легкий час)
С шестьсот семнадцатого года
Не выводилися из рода.
Но надобно же на беду,
Чтобы у матушки в виду
Другое было мне название:
К романам страсть ее была,
Она их *прелестью* звала,
От них была в очарованье,
Любила их душой и к ним
В пристрастии непобедимом
То криком сделала своим,
Что называли меня Вадимом.

III

Едва ли лет пяти был я,
Как мать скончалася моя;
Мне памятен обряд печальной,
И голос песни погребальной,
И помню я, что к нам во двор
Явился пастырей собор:
Они о матушке жалели,
И много пили, много ели.

IV

Отец мой... то есть, *тон рара*...
Имел немного дарованья;
Он от приходского попа
Заимствовал свои познанья.

Вы знаете: тому назад
Лет сорок или пятьдесят
И всё попы детей учили.
Наставники не ценны были:
Сиди, толкуй, читай, пиши,
Все это – за осьмину ржи.
И так мой батюшка трудился,
И вот чему он научился:
Который год, он мог узнать,
Идет от Рождества Христова,
Читал гражданскую печать,
По нужде даже мог писать,
Псалтирь он знал от слова в слово,
Умел на счетах верно класть.
Живал в губернии Рязанской,
И вписан в книге был дворянской
В почетную шестую часть.
Он первый в городе был нашем
И шляпу надевал с плюмажем,
Имел пять тысяч душ крестьян,
И в день бывал два раза пьян.

V

Как гости съедутся, бывало
(А их съезжалось немало),
Бутылок бездну подадут;
Шампанское уж тянут, тянут
(Не тем покойник будь помянут)
Да где сидят – там и уснут,
И батюшку уж еле-еле
Уложат слуги на постеле.
Так жил почтенный мой отец,
И жил – и умер наконец;
Его парадно схоронили
И памятник соорудили.

VI

Когда мой батюшка скончался,
Я лишь двенадцати остался,
И был опеке поручен.
Меня послали в пансион,
Платили что-то очень много,
Учили же, Бог с ними, плохо;
Однако ж в юности моей
Опекуны о мне старались,
Моим хозяйством занимались
И – брали пятаки с рублей.

VII

В училище у *де ла Шеза*
Я был изрядная повеса;
Уроков никогда не знал,
Зато прелестно танцевал.
Я строен был, красив собою,
И дамы, посещая нас
Всегда по четвергам в танцкласс,
Как куклой, любовались мною,
И хоть тогда я молод был,
Но ласки дамские любил.

VIII

Летело время, мчались годы,
Ударил скоро час свободы,
И вышел из опеки я.
Нет, вечно не забуду дня,
Когда я принял во владенье
Отца покойного именье.
Ах, Боже мой, как был я рад!
В мои лета свобода – клад.
Но, помня сына долг приличный,
Я прах родителей почтил
И Старову препоручил

Воздвигнуть мавзолеей отличный;
Он дорого мне стал, к тому ж
Для упокоя милых душ
Я в церкви заказал соседней
Служить сто двадцать в год обедней.
За то хвалили все меня,
И восхищался этим я.

IX

В то время, я когда был мал,
Наш губернатор, помня дружбу
Моих родителей, на службу
Меня в палату записал.
Я налицо всегда считался,
В трехлетье чином награждался
И аттестаты получал.
Когда ж попался в человеки
(То есть, как вышел из опеки),
Тогда служить не захотел:
Зачем служить из-за имени?
Меня уволили от дел
По силе моего прошения;
И был оставлен с чином я
Коллежского секретаря!

X

Тут все пошло, как мне желалось,
Не знал я никаких хлопот,
Затем, что мне на каждый год
Доходу тысяч сто сбиралось;
Все проживал я до гроша,
И был для общества душа.

XI

Беспечно тратил я доходы
И следовал законам моды:

Не близорук я, правда, был,
Однако же очки носил;
Для лучшего лицу убранства,
Для щегольства и для красы
Не брил, по вольности дворянства,
Мои кольчатые усы.
Я щеголь был первостатейный,
Всегда костюм носил затейный;
Тейль, Гаммер, Отто и Пигот,
Пеше, Флорье и Каstellани
Платили мне искусства дани
И деньги брали в оборот.
Буис, Дюлу и Монигетти
Меня ловили часто в сети,
И попадался я не раз,
Монго и Хейн, Рулье и Галли
Всегда мне обувь доставляли,
И был я в родине своей
Nec plus ultra из щеголей!

XII

За долг вменял я непременный
Иметь и экипаж отменный:
Бывало, выеду как я, —
Что за лихая четверня,
Что за лакеи, как одеты!..
А что мне стоили кареты,
Коляски, дрожки и ландо!..
О, много, много!.. но зато
Уж выеду ли прокатиться,
Народ глазеет и за мной
Бежит несметною толпой,
А сердце так и веселится!

XIII

Но барски я всегда живал,
Обеды через день давал;

И в постный день, и в день скоромный,
Бывало, стол всегда огромный:
Каких тут не было затей!
Всегда уха из стерлядей,
Всегда запасы осетрины,
И птиц дворовых, и дичины
(Ах! вспомнить не могу без слез,
Я сколько денег в кухню снес).
Десерт выписывал, бывало,
С нарочными издалека,
И, словом, только молока
Лишь птичьего недоставало.
Шато-ла-фит, как квас, текло,
Считался еперней водою,
И алой романе рекою
Лился в граненое стекло.
Будь гость вельможа, будь незнатный,
Для всех бывал один прием;
Токай струился ароматный
Пред пьяницей секретарем,
Который после отзывался:
«Напиток бы хорош казался,
Да что-то силы мало в нем!».

XIV

К театру я имел пристрастье;
Но надобно же, на несчастье,
Актеры-горе чтоб у нас,
Со вкусом черни подружась,
Лишь чернь одну и веселили,
Как тешит кукла дурака;
Давали ей «Сбитенщика»
И мелочные водевили.
Нет живости на их челе,
Ничто не выражали взоры,
И, словом, были те актеры
Упрек актерам на земле.

XV. XVI. XVII

Давно, давно уже известно
И юношам, и старикам,
Что летом в городе нам тесно,
Что пыльно, жарко, душно там,
Что ничего нет благородней,
Как жить в деревне подгородней,
Что должностные лишь одни,
Корпя век целый над делами,
Не расставаясь с городами,
В них летние проводят дни.
А потому, приняв советы
Моих друзей, в селе моем
Огромный я построил дом;
Он стоил денег мне без сметы.
И в нем с друзьями жили мы
Обыкновенно до зимы.

XVIII

О зимы, зимы – вы на радость
Даны губернским городам!
Без вас в деревне гасла б младость
И милых дев, и юных дам.
Отцы, мужья – народ брюзгливый, –
Когда дни летние придут,
Возделывать родные нивы
Вас всех в деревни увезут.
Тогда прощай, прощай веселье!
Усадят вас за рукоделье,
От *делать* нечего журят
И экономничать велят...
Поверьте, всей душой моею
О вас я, милые, жалею!

XIX

Зато едва пушистый снег,
Предвестник тысячи утех,

Застелет гладкую дорогу,
Начнут переезжать возки,
И дамские в них голоса
Хвалы поют усердно Богу,
Что позволяет им опять
Людей смотреть – себя казать.

XX

Пришла зима – и с ней собранья,
И маскарады, и катанья,
Спектакли, праздники; и тут
Сердца весельем расцветут;
Особенно как на квартиры
Полки веселые придут:
Всегда военные мундиры
Для милых девушек – кумиры,
И для блестящих эполет,
Друзья, несбыточного нет!

XXI. XXII. XXIII

Бывало, я любил кататься;
И на отличном бегуне
Всего приятней было мне
Перед народом показаться.
Бывало, мой бегун летит,
Летит – и пышет дым ноздрями,
Сажени меряет ногами,
От снежной пыли холм стоит;
Стрелюю санки по набережью,
Волнует ветер полсть медвежью,
И снег под подрезом визжит.

XXIV. XXV. XXVI. XXVII

Блажен, блажен, кому судьбами
Душа не пылкая дана;
Кто не знакомился с мечтами,

Кто карт не знал, не пил вина
И с грешниками не дружился,
Кто не истратился душой,
Кто был по вкусу холостой
Или по выгодам женился.
Он остается все одним,
Как был лет за двадцать пред сим;
Ему ничто не изменило,
Все так же есть, как прежде было,
Вся жизнь его, как нить, ровна,
И разве только седина
Ему о том напоминает,
Что он тихонько отцветает.
Блажен! он в юности своей
Не знал ни пламени страстей,
Ни к славе гордого порыва,
И жизнь его была счастлива:
Он постоянное любил,
Он ассигнации копил.

XXVIII

Таков был мой знакомый Чарин,
Давно забывший суеты
И променявший все мечты,
Как настоящий русский барин
(Я разумею, в старину),
На триста душ и на жену.
Отцов храня обычай древний,
Не расставался он с деревней
И там воспитывал гусей,
Баранов, уток и детей.

XXIX

Законными плодами чрева
Наш Чарин был благословлен;
В кружочках родового древа
Уже вписал он шесть имен

Неблагозвучных, деревенских,
Четыре мужеских, два женских,
И часто думал про себя:
«Куда ж детей всех дену я?..
Доходы видимо в упадке,
Сбыт хлеба весь остановлен!..
Нет, нет, не при моем достатке
Детей *устроить* в пансион!
Ах дети, дети, – вы обуза!
Готов бы я нанять француза
Или голубушку мадам,
Да больше пятисот не дам!»

XXX

Так размышлять оно не худо;
Но только за пятьсот рублей
Взять гувернера для детей
В наш век невозможно. Право, чудо,
Как этот вздорожал народ!
Глядишь, какой-нибудь проказник,
В Париже ремеслом колбасник,
Здесь стал учителем – и в год
Двух тысяч меньше не берет.
О деды, деды! ваших внучат
Давно уж иностранцы учат,
И пользы много!.. но не мне
Судить о нашей стороне.

XXXI

У Чарина была сестрица,
Лет эдак в пятьдесят девица;
Она всегда, сказать могу,
Жила в Москве в большом кругу;
И, может быть, из состраданья,
Чтоб братцу милому помочь,
К себе взяла для воспитанья
Paulin, его меньшую дочь.

(Полиной я назвал, не смея
Назвать по-русски *Палагея*:
Наш век, не то что старина,
Не терпит эти имена.)

XXXII

В Москве Полина вырастала,
И надо знать, что даже там,
В рассаднике прелестных дам,
Она красой своей блистала.
Но вот Полину, наконец,
К себе потребовал отец.
К отцу приехала Полина;
А милой дочери приезд
В отечественный свой уезд –
Эпоха в доме дворянина.
Едва на двор – отец и мать,
Сестра и братья, все толпою
Бегут приезжую обнять
И душат ласкою живою.
Едва лишь ступит на крыльцо,
Обстанет нянек, мамок туча,
Целуют в руки и в лицо
И, всеми ласками измуча,
К диванной, наконец, ведут
И спросы начинают тут.

XXXIII

Но я, друзья, заговорился,
Я в отступления пустился;
Мне только должно бы сказать,
Что дочь у Чариных меньшая
Приехала сердца пленять
В страны родительского края;
Отец, платя приличью дань,
Явился с дочерью в Рязань.
Я в тот же вечер встретил в ложе

Полину милую; и что же?
В минуту жребий мой свершен,
И я *смертельно* стал влюблен.

XXXIV

Ревел оркестр, певцы орали
(В тот вечер оперу давали),
Но я как будто бы оглох,
Я слышать ничего не мог.
Напрасно музыка гремела,
Душа в глаза перелетела;
Не мог я глаз с нее отвести,
Не мог я ей налюбоваться;
Готов бы был ни пить, ни есть,
Лишь доле б с ней не расставаться,
И в первый раз я пожалел,
Что час спектакля пролетел.

XXXV

«Вадим, свершилось! ты влюбился», –
Так говорил я сам с собой,
Когда, не помню как, домой
Я из театра возвратился;
Всю ночь я ту не засыпал,
Друзья мои, ни на мгновенье;
О ней, о ней одной мечтал,
И пылкое воображенье
Мне представляло вдалеке
Ее невестою моею;
Я думал о ее руке,
О счастье быть любимым ею.
Красив, и молод, и богат,
Казалось мне, скажу лишь слово,
И все к венцу уже готово,
И вот, Вадим, уж ты женат!
От силы пламенного жара
Я походил на Альнаскара,

И кто ж из нас, мои друзья,
Не бредил так же, как и я?..

Но отдохните, мой читатель!
Пора вам отдых предложить:
Признания повествователь
Вам надоел уж, может быть.
Когда же слово *апробую*
Сказать угодно будет вам,
То повести главу вторую
Тисненью скорому предам.

<1828>

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА. *Старов* – архитектор. *Тейль, Гаммер, Отто и Пигот, Пеше, Флорье и Кастелани* – портные. *Бусс* – парфюмер. *Дюлу* – шляпная лавка. *Мошигетти* – магазин разных товаров. *Монго и Хейн, Рулье и Галли* – сапожники.

ПРИМЕЧАНИЯ СОСТАВИТЕЛЯ. Поэма является одним из ранних подражаний «Евгению Онегину» А.С. Пушкина. Ко времени выхода ее из печати было написано семь и опубликовано шесть глав пушкинского романа. Работа Волкова над «Признанием...» остановилась на первой главе. Структура четырнадцатистишной онегинской строфы с рифмовкой по схеме АБАБВВггДееДжж последовательно им не воспроизводится. *Бобринский Алексей Алексеевич* (1800–1868) – камер-юнкер, церемониймейстер царского двора, предприниматель-сахарозаводчик и учредитель кампании по строительству Царскосельской железной дороги; имел репутацию благородного человека, был знаком со многими литераторами. *Пастырей собор* – служители церкви. *Моп рара* – мой отец (франц.). *Гражданская печать* – шрифт упрощенного, по сравнению с древнерусским, начертания; был введен в употребление в 1708 г. и предназначался для изданий светского характера. ...*вписан в книге был дворянской В почетную шестую часть.* – Согласно «Жалованной грамоте дворянству» (1785), в шестую часть дворянской родословной книги вносились роды, «коих доказательство дворянского достоинства за сто лет и выше восходят; благородное же их начало покрыто неизвестностию». ...*брали пятаки с рублей* – т. е. получали 5% от доходов. ...*в палату записал* – т. е. определил на службу (палата – государственное учреждение, чаще судебное). ...*налицо всегда считался* – числился присутствующим на службе (у Волкова подразумевается, что герой при этом мог и не появляться в том учреждении, в штате которого состоял). ...*аттестаты получал* – здесь: получал положительные письменные отзывы начальства о службе. *Коллежский секретарь* – гражданский чин X класса, равный штабс-капитану. ...*Не брил, по вольности дворянства, Мои кольчатые усы.* – Ношение усов при Николае I считалось привилегией военных; нарушение этого правила расценивалось как вольнодумство (упоминание о «вольности дворянской» имеет шуточный характер: это отсылка к Манифесту «О вольности дворянской»

(1762), в котором о праве на ношение усов речи не идет). *Nec plus ultra* – высшая точка (лат.); здесь: пример для подражания. *Шато-ла-фит, еперней, романе* – марки французских вин. *Токай* – марка венгерского вина. «*Сбитенщик*» – популярная комическая опера на либретто Я.Б. Княжнина (1783) по мотивам комедии Мольера «Школа жен». ... *Упрек актерам на земле* – реминисценция из оды А.С. Пушкина «Вольность» («... Упрек ты Богу на земле» – слова, адресованные Наполеону); Волков мог познакомиться с этим произведением только по рукописной копии, поскольку впервые оно было опубликовано лишь в 1856 г. *Альнаскар* – бесплодный мечтатель, персонаж одноименного произведения французского поэта Бартеlemi Эмбера (1774); произведение это было также известно русскому читателю в вольных переводах И.И. Дмитриева и П.П. Сумарокова.

MEMENTO MORI

Что наша жизнь? и что мы сами?
Подумаешь, так кинет в жар!..
Решу вопрос двумя словами:
Мы – торгаши, а жизнь – товар.
Кто ею нехотя торгует,
Кто оптом вдруг всю продает;
Кто сам обманут, кто плутует...
А смерть, как кредитор, идет;
Идет, не зная состраданья,
Представит вексель для взысканья:
Жизнь с молотка – и ты банкрот!
Пропал товар, и с ним доверье
К талантам, к счастью, к уму:
Ступай, банкрот, на новоселье,
Ложись-ка в тесную тюрьму.
Не спросят там, кто ты, откуда,
Бедняк иль тысячи имел:
Лежи, банкрот, лежи, покуда
Не дашь на выкуп добрых дел.
Ты был богат: а где же золото?
С собою много ли принес?
Им в нужде выкупал ли брата?
Отер ли им ток вдовьих слез?
Ты был могущ; а защищал ли
От притеснителя сирот?

От сильных слабого спасал ли?
Щадил ли кровь людей и пот?
Ты был в чести; а мог ли вправе
Ее заслугой приобрести?
Не низостью ль пробился к славе?
Не подлостью ль вошел ты в честь?..
Отнюдь не думая об этом,
В делах благих все медлим мы;
Зимою говорим: «Вот летом!»
А летом скажем: «До зимы!»
Но спросят *вдруг*, так тут-то что же?..
Мурашки побегут по коже,
Придет конечная беда,
И вспомним поздно уж тогда,
Что мы пловцы на чуждом море,
Где фарос наш – *Memento mori!*

<1841>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Memento mori!* – Помни о смерти! (Лат.)

САНИ, ДРОЖКИ И ДУГА (Басня)

В углу просторного каретного сарая,
Оглобли к небу простирая
И горько жалуясь на рок,
Стояли сани. «Кто бы мог
Несчастнее быть нас! – так в злой печали
Они на небо вопияли. –
Мы зиму целую почти не отдыхали,
Нас беспрестанно запрягали,
И в ночь, и в день
Скитались мы, как тень.
Для бар и для гостей, для всякой дряни –
Закладывай-ка сани!..
Вот, подлинно сказать, злосчастная звезда!..
Кому покой – нам все езда!

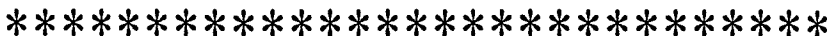
За что ж, помилуйте, из экипажей
Ни одному нет доли, горше нашей?!
Вот дрожки, например!.. Да чем же лучше нас?
А благодать такая им далась,
Что без пробуду спят, когда уж мы чуть дышим!..»
– Слышим! Слышим! –
Им дрожки тотчас же в ответ. –
Нет, мы не спим, нет, вовсе нет!
О боги! как же вы несправедливы:
Не меньше вас, саней, мы, дрожки, несчастливы;
Какое!.. мы несчастнее сто раз:
По крайней мере, дегтем хоть не мажут вас,
Не врезавают в грязь по оси!..
Вы по снегу поете, словно Росси;
А мы по тряской мостовой
Так дребезжим, как домовой...
Не смейте же вы тут роптать на ваше горе:
Оно пред нашим – капля в море.
Вот нам покоя нет, так уж сказать не грех!.. –
Тут с ближнего гвоздя раздался звонкий смех:
Упругая дуга
На спорящих уставила рога
И говорит: «По мне, как вам угодно,
Но вспомните, трудясь пополугодно,
На целых полгода вам тоже отдых есть.
Что ж жалуетесь вы? Вам надо же знать честь.
Смотрите на меня: ни летом, ни зимою
Я, истинно, не ведаю покою:
И с барином гулять, и ездить за водою –
Все бедную дугу тревожат кучера.
В работе я сегодня и вчера,
И завтра, и всю жизнь – всегда все будет то же!
Притом, ведь вы меня гораздо помоложе,
Так вам и легче быть должно.
На ваши жалобы мне гадко и смешно!
Хотите –
Служите,
Да и молчите!».

Смысл басни пояснен удобно был бы мной,
Да незачем: у нас в глазах пример живой.

10 апреля 1847.

Вологда

ПРИМЕЧАНИЕ. *Росси* – Генриетта Гертруда Зонтаг, графиня Росси (1805–1854), знаменитая певица; концертировала в России, 10 лет жила в Петербурге.

Афанасий Анаевский

ПАВЛИН И ЖУРАВЛЬ

Павлин хвалился красотой,
Журавль гордился высотой,
И между их взошел раздор,
Едва-едва не раздрались за спор.
Журавль в себя влюбился
И пред Павлином похвалился:
«Смотри, как голову я поднимаю
Да по-французски хорошо шагаю,
Горжусь и никого не знаю,
Везде летаю.
А ты живешь, как согрешил, в плену
И смотришь городьбу одну».
Сказал Павлин: «Смотри ты, голова тетерья,
Как я раскину перья,
То голову твою могу достать,
И ты со мной не можешь вровень стать.
Какой искусный живописец
Или хороший летописец
Возмог изобразить мою одежду?!
И я имею всю надежду
Воспользоваться угощением,
Красавица идет ко мне с прельщением,
В саду гуляю я, как точно граф.
А ты скитаешься в сухих горах.
За мною ходят и не отторгают,
И все красавцем величают.
В тебя, несчастный, лишь стреляют
И с милой разлучают».

Услышав то, Журавль побег.
Павлин ему сказал на смех:
«Хвастун не знает ведь покоя,
Покуда из него не сделают жаркою».

<1862>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Жаркою* – жаркого.

Игнатий (Брянчанинов)

УБИЛИ СЕРДЦЕ...

Здесь все мне враждебно, все смерти тлетворным дыханием дышит:
Пронзительный ветер, тяжелые воды, пары из болота,
Измены погоды и вечно пасмурно-грозящее небо.
Как бледен луч солнечный, Бельта повитый туманом и мглою!
Не греет он – жжет!.. Не люблю, не люблю я сиянья без жизни!
Сражен я недугом, окован, как цепью, к одру им прикован,
Им в келии заперт. Затворник невольный, влачу дни ко гробу.
А сердце мое?.. Ах! убили его!.. Оно жило доселе,
Страданиями жило, но жило. Теперь тишина в нем могилы.
Его отверзал я с любовью и верой, открытый всем ближним.
Вонзили мне в сердце кинжалы, и были кинжалы наградой
За дружбу, за слово прямое, за жизнь, принесенную в жертву!..
Уйду я, убитый, уйду от людей я в безвестность пустыни!..
Я вижу, что людям приятно и нужно: им нужны лесть, подлость,
Тщеславие, чуждое истинной славы. Забыли, что слава – от Бога,
От совести чистой. Но Бог им не нужен, и совесть – им бремя;
Не нужны им в слуги наперсники правды с общественной пользы
желаньем:
Им нужны рабы – орудья их воли развратной...
Уйду от людей и в глубокой пустыне предамся рыданиям:
Там в пищу мне будут лишь стоны и слезы напитком.
Оплачу себя, мое сердце убитое, мир, в зло погруженный, –
И снизу в могилу печальный, в надежде отрады на небе.

ПРИМЕЧАНИЯ. Написано в период, когда автор был настоятелем Троице-Сергиевой пустыни Петербургской губернии (1834–1857). *Бельт* – Балтийское море.

ЖАЛОБА

Для страждущей души моей
Искал я на земле врачей,
Искал я помощи, отрады –
Моим болезням были рады.

Надежда тщетна на друзей
Моих минувших счастья дней:
Они со мною пировали –
И одадь встали в день печали.

Не утушит тоски вино!
Напрасно сердцу утешенья
Искать среди самозабвенья:
Грустней пробудится оно.

И в развлеченье нет отрады!
Нет прочной в нем тоски преграды:
Еще веселья слышен шум,
А грусть, как ночь, туманит ум.

Испытан я судьбой, врагами,
Изранен многими стрелами:
Пытали клеветой меня,
Предательством был мучен я.

И долго, долго я томился...
Но, наконец, сквозь толщу туч,
Сквозь мрак суждений мира – луч,
Луч света радостный пробился.

Прозрел я, ожил. Оживленный,
Святою верой просветленный,
Спокойно совершаю путь,
Которым к вечности идут.

К ЗЕМНОМУ СТРАННИКУ

О, путешественник земной! проснись от сна:
Твоя сума полна грехов, одних грехов полна,
Ты погружен, как в сон глубокий, в нераденье.
Престань напрасно жизнь, бесценный дар, мотать!
Не то придет к тебе внезапно смерть, как тать,
А в вечности вратах ужасно пробужденье,
В последний жизни час...

СОВЕТ ДУШЕ МОЕЙ

Какой подам душе совет,
Когда Христос – от Света Свет,
Советует скорбей терпенье,
Чтоб в горнее достичь селенье!
Плотская страсть, земная честь
И тленного богатства лость,
Пленяющие человека,
Пребудут ли при нем в век века?
Приходит смерть; ее коса
Лицеприятия не знает:
Равно пред нею упадает
Власть, сила, гений и краса.
Бедняк забвенный вот лежит
Близ богача или героя.
И червь, во тьме могильной роя,
Главу надменную смирит!
Душа, душа, прими совет:
Вне стезь Его спасенья нет!
Укрась себя постом, слезами,
Молитвой, многими скорбями!
В святой Божественный чертог,
В светлейшую обитель рая
Ты вступишь радуясь, играя,
Там ждет тебя с наградой – Бог!

ПРИМЕЧАНИЯ. *Горнее селенье* – небесное селение, рай. ...*Вне стезь Его* – вне Его путей.

Иннокентий (Борисов)

НЕ УНЫВАЙ

Когда угодно было Богу,
Чтобы, родившись бедняком,
Ты пролагал себе дорогу
Терпением тяжким и трудом,
Ты будь покорен, терпелив,
Неутомим и молчалив,
На помощь свыше уповай
И никогда не унывай.

Когда Творцу благоугодно,
Чтоб в поте ты вкушал свой хлеб,
То не ропщи женоподобно
На Бога всяческих судеб.
Пред Ним смиренно преклонись,
Святою верой оградись
И ею дух свой ободряй,
Но никогда не унывай.

Когда ж, по слову Бога-Слова,
За правду будешь ты гоним,
Теки вослед за нею снова,
Любовью к ней руководим;
Гонителей своих прости
И, если можешь их спасти,
От бед и гибели спасай,
Но никогда не унывай.

Когда родня твоя и други
Тебя покинут, оттолкнут,

Забыв приязнь твою, услуги,
Тебя забвенью предадут,
За вероломство их прости,
Неблагодарность отпусти,
За зло добро им воздавай
И никогда не унывай.

Когда Божественная благодать
Тебя за доблесть наградит,
Подаст тебе здоровья сладость,
Богатством, славой одарит,
Смиреньем кротким оградясь
И сердцем к Богу обратясь,
Ему в щедротах подражай
И в деле сем не унывай.

Когда обилием и силою
В сей жизни будешь обладать,
Клеврета своего помилуй,
Умей врагам своим прощать;
Не презри сирого и вдовицу,
Спеши на помощь к ним без зову,
Их скорби в радость обращай,
В труде для них не унывай.

ПРИМЕЧАНИЯ. Публикация стихотворения в «Прибавлениях к "Вологодским епархиальным ведомостям"» сопровождалась примечанием: «Сочинение преосвященного Иннокентия (Борисова), покойного архиепископа херсонского, бывшего в 1841 году епископом вологодским. См. «Православное обозрение» (1888 г., май – июнь, стр. 23), где это стихотворение, в бытность преосвященного Иннокентия на харьковской кафедре, положенное на ноты, исполнялось певчими во время парадных архиерейских обедов». В настоящее время авторство преосвященного Иннокентия вызывает некоторые сомнения. *...по слову Бога-Слова. За правду будешь ты гоним* – Бог-Слово, Иисус Христос, говорил своим ученикам: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 10–12); «...будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется. Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий» (Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 22–23).

Владимир Соколовский

МИРОЗДАНИЕ

(Фрагмент. Четвертый день творения)

Прекрасный день опять одел
Лазурь небес своим сияньем –
И вновь над пышным мирозданьем
Глагол державный загремел.
Вдруг – непонятное явление:
Казалось, будто над землей
Стемнело на одно мгновенье –
И благотворный свет дневной
Куда-то несся в отдаленье...
Уже ли, радость мира, ты
Покинешь землю сиротою
И в лоно вечной красоты
Промчишься быстрою рекою
Сквозь голубые высоты?
Безмолвно к непонятной цели
Его блестящие струи
По воле царственной летели;
Но в сиротстве, в забытии
Земли покинуть не хотели.
Они над зеркалом морей
Слилися в вечное светило –
И вдруг с лазоревых полей
Всю землю чудно оросило
Дождем живительных лучей!..
С тех пор, красуясь над нами,
О, царь светил, сияешь ты
Неистошимыми лучами

Величья, жизни, теплоты!
Промчались дни, исчезли годы,
Прошли согбенные века,
И разрушения рука
Не раз касалась природы;
Но ты, в могучей красоте,
Блестишь в эфирной высоте!
Летят игривые мгновенья –
И солнце, оставляя свод,
Впервые в лоне светлых вод
Идет вкусить успокоенье.
И вдруг, для радости очей,
Из светлых солнечных лучей
И из земной душистой дани,
Одевшись в розовые ткани,
Явилась на небе заря –
И, как невеста молодая,
Лицо румянцем оттеняя,
Встречала юного царя.
Тогда впервые, для привета,
Сквозь волны радостные света
С его пылающих грудей
Упали на стекло морей
Неосязаемые розы:
И в первый раз тогда с небес
На шелк полей, на пышный лес
Роса скатилась, будто слезы.
Туман волнистой пеленой
Завесил запад молчаливый.
Все было тихо над землей,
И только ветерок игривый
То по кристаллам волн скользил,
То шелестил в лесу листьями,
То, лобызаясь с цветами,
Их ароматы разносил...
То вдруг слышнелось порою,
Как быстрый ключ дробил свои
Прозрачно-хладные струи,
Сливаясь с быстрою рекою;

Но в этот час густая мгла
Не тяготела над землею,
И, осенившись тишиною,
Природа дивного ждала.
Поблекла синева ночная,
Затуск эфир, и высь небес,
Как будто землю лобызая,
Склонилася на дальний лес.
А там, где чудными огнями
Лучи бессмертия горят,—
Там струны сладостно звенят,
И песни дышат похвалами...
Творец внимал, и вдруг рукой
Взмахнул на волны огневые —
И быстро брызги золотые
На свод упали голубой;
И весь усыпанный звездами,
Он и светлеет, и сквозит,
И гармонически мирами
По беспредельности кипит...
С тех пор приветливо сияют
Они в спокойствии ночей
И блеском трепетных лучей
О днях былых напоминают.
Но перед кем текут оне,
Сих радуг пышные сиянья?
Ужель в эфирной вышине
Не совершен весь круг созданья?..
Что ж из светлеющей дали
Какой-то тайной навевает? —
Подруга грусти и земли —
Луна на небо выплывает...
Царица милая ночей!
Куда свой путь свершаешь дальней?
Зачем дождем твоих лучей
Ты окропляешь мир печальной?
Зачем приветно смотришь ты
На молчаливую природу
И, будто погружаясь в воду,

Свои купаешь красоты?..
Закрой, закрой лицо стыдливо
Туманной дымкой облаков
И утони в эфир тоскливо
Сквозь ряд светлеющих миров!
Никто, никто в безмолвье ночи
Не смотрит на лучи твои,
И слез алмазные струи
Ничьи не зажигают очи!
Никто волшебною мечтой
В твоем сиянье не утонет,
И здесь ничьей души не тронет
Прелестно-томный образ твой...
Но ты идешь, но ты сияешь,
И в радостном пути своем
Воздушный яхонт освещаешь
Своим небесным серебром.

1832

ПРИМЕЧАНИЯ. Публикуемый фрагмент поэмы соответствует следующему фрагменту Ветхого завета: «И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что *это* хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый» (Бытие, гл. 1, ст. 14–19). *Глагол державный* – здесь: голос Всевышнего. *Воздушный яхонт* – здесь: синева небес.

НА ОСВЯЩЕНИЕ ЦЕРКВИ ПРИ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ

Отверзто небо... Волны света
В широких плесках разлиты
По безграничью высоты,
И высь чудесно разогрета,
Как разогрета заря
Любовью Вышнего Царя!..

И в той Любви, и в Свете оном,
Где Бог все славой оросил,
Кипят полки Предвечных Сил,
И над раскрытым небосклоном
В струях добра, в зыбях красот --
Поют Властителя высот!

Хор сил

Невыразим Ты, Иегова!
Невыразим и этот взгляд
Благословения святого --
Затем, что Ты безмерно свят!..

Они поют, и перекаты
От звуков тех и тех речей --
Среди огней, среди лучей
Скользят в клубках, как ароматы,
И дивно вокруг со всех сторон
Объемлют вечный Божий трон!
И вот в разливе тех курений,
Как полдень -- светл, хорош -- как луч,
Как небо -- добр, как вихрь -- могуч,
Посол Царя благотворений
Стоит, величием блестя,
А сам невинен, как дитя!..

Хор сил

Во славу Истины Святого
Здесь чистотою все горят,
Затем, что Ты, о Иегова, --
Ты свят, и свят и вечно свят!

Вот он, торжественный собою,
По знаку Божьего перста
Склонил к нам лик, разверз уста
И, как серебряной трубою,
Так все кругом, в избытке сил,

Он звонкой речью оросил!..
«Благословение – как воды,
Хвала – как шумная река,
Во все часы, во все века
Текут к стопам Творца природы,
И славословия пиры
Дают для Бога все миры...

Хор сил

Вся вечность петь Его готова,
Все небеса Ему гремят:
Кто так премудр – как Иегова?
Кто так, как Он, – безмерно свят?

Вся беспредельная природа
Для Бесконечного – как храм,
Но нет нигде, по всем мирам,
Ни поколенья, ни народа,
Где б для Властителя Царей
Не воздвигали алтарей;
И тот, кто с чувством умиления
И с добродушной простотой
Пред сей алтарь придет святой,
Чтобы Творцу воздать хваленья, –
Тот не пойдет к себе назад,
Не быв отрадами богат!

Хор сил

У нас блаженство вечно ново,
Затем – что здесь хвалы гремят:
Благословен Ты, Иегова,
Который славен, силен, свят!

Во всеизбытке, как в порфире,
И во вседарной красоте,
Он восседит на высоте –
И все Его, что в этом мире;

Но малый лепт души благой
Ему – как камень дорогой,
И, оцени весь пламень рвенья
И чистоту порыва в ней,
Он ливнем греющих огней
Прольет свои благословенья
За оный лепт, как в этот час
Он льет на храм и льет на вас!

Хор сил

Его дожди святыней Слова
И духом сил животворят –
И вот чем дивен Иегова,
И вот чем Он безмерно свят!»

Сказал – и восторженья полный,
Стончаясь дивно, он исчез
В разливе славы и чудес;
И вот, как хлынувшие волны
И как упавшие моря
Благословения Царя, –
Все, упитавшись благодатью,
На нас низверглись с быстротой,
Чтоб все мы радостью святой
Знаменовались, как печатью,
И восхваляли бы Творца
С начала дней и до конца!

Хор сил

Дожди Отца, Святого Слова
И Духа Сил на нас кропят:
Благословляйся ж, Иегова!
Ты Триединством вечно свят!

1837

ПРИМЕЧАНИЯ. Обстоятельства публичного исполнения стихотворения описал Ф.Н. Фортунатов: «Храм освящен был в декабре 1837 года Вологодским и

Устюжским епископом Стефаном; за освящением храма и литургиею следовал торжественный годичный акт в Вологодской гимназии <...> перед раздачею в конце акта наград прочтено было мною <...> стихотворение Соколовского, прерываемое неоднократно общим хором певчих; места стихотворения, назначенные для пения, были положены на ноты любителем музыки и знатоком ее Ант. Стан. Дембицким». *Предвечные Силы* – здесь: небесные духи, ангелы. *Иегова* – одно из имен Бога в Ветхом Завете. *Триединство* – единство трех ипостасей Божества: Бог-Отец, Бог-Сын, Бог-Святой Дух.

МОЛОДИЦА

Посвящено И.А. Вахрушеву

У моей младой, у моей молодицы
Голубые глаза и как соболь ресницы;
И высокая грудь под завесой лилей
Дышит негой любви у младой у моей.

Молодая цветна, ароматна младая,
Как сады, как весна ненаглядного края;
Как невинной мечты неземная страна,
Как поэзия любви, молодая цветна.

Молодица свежа, как прохлада ночная,
Как роса на цветке, как вода ключевая,
И, небесным одним на земле дорожа,
Как лобзанье любви, молодая свежа.

Молодая мила, молодица игрива,
Как заря на струях голубого залива,
И, чудесно светла от святого тепла,
Как отрада любви, молодая мила.

Молодицы уста, те уста огневые,
Что не радость души, что не розы живые,
Их краса весела, их улыбка чиста,
И как роскошь любви – молодицы уста.

Ее мягкая речь мирно катится к раю,
Я смотрю и молчу, и, любуюсь, внимаю:

Что не локон скользит, не со скатистых плеч,
А у ней о любви ее мягкая речь.

Я младую зову белокрылой своею,
Я водою живых молодую лелею,
И в мечтах, и во сне, и на светлом яву
Все лебедкой своей я младую зову.

Искупалася ты, ты умылась, лебедка,
И, смотря на себя, улыбаешься кротко:
Что не в сладкой росе, не в слезах чистоты,
Что не в Божьей красе искупалася ты!

Встрепенись, посмотри в эту даль на разливы.
Там из неги луга, там из радости нивы,
Из блаженства ключи, из восторгов зари,
А из Дивного день: встрепенись, посмотри!

Полетай же вперед, полетай, молодица,
Как мечтанья стрела, как моленья орлица,
Под лазурью небес, над сапфирами вод,
И к земле – ни на миг, а вперед, все вперед!

Ты в одном утони, молодица поэта,
Утони, погрузись в беспредельности света,
Утони навсегда, погрузись не на дни,
И, разлившись во всё, ты в одном утони.

1837

ПРИМЕЧАНИЯ. *И.А. Вахрушев* – сведения об адресате не выявлены. ...*под завесой лилей* – здесь: лилейной белизны. *Дивный* – здесь: Бог. ...*над сапфирами вод* – над синевой вод.

ОТВЕТ В. Д. М<АКШЕЕ>ВОЙ
Фрагмент

В нашем торжище унылом,
В этом скучном леднике,

И вблизи, и вдалеке
Отвечай мне чистым пылом
На разлившийся в разлив
Поэтический зазыв:
Будь мне музой, будь мой гений,
Будь мне здесь, в быту земном,
Вдохновения огнем
И предметом вдохновений!
Будь среди пропастей и скал
Ненаглядный идеал!..
Пой мне песни, лей мне звуки:
Лей их с плавностью реки;
Дай мне взгляд свой в день тоски,
Дай улыбку мне в день скуки,
Дай мне перл святой слезы
В день невзгоды и грозы!..

Все фантазии побеги,
Все мышления лучи
Съединим в одни ключи
И в края небесной неги,
К вечным истинам на пир
Заструим их сквозь эфир,
Чтобы с неба Творчий дивный
Расплескал бы нам в ответ
Вдохновения – как свет,
Силу дум – как дождик ливный,
И как чудную росу –
Занебесную красу...
И поверь, что Он ответит:
Даст нам счастьем цвести,
И на жизненном пути
Он проводит нас и встретит
И потом, над высотой,
Словно радугой святой,
Чудодейственно осветит
Всеизящной красотой.

1837

ПРИМЕЧАНИЕ. В.Д. Макшеева – дочь вологодского помещика, в которую Соколовский во время своего пребывания в Вологде был влюблен и безуспешно просил ее руки. О ней см. в разделе «Краткие сведения об авторах». Стихи В.Д. Макшеевой приводятся далее.

К ДЕВЕ-ПОЭТУ М<АКШЕЕ>ВОЙ

Я кличу клич: «Изящные счастливы!»
Итак, вперед, и, словно чародей,
Искусством ты чудесно завладей,
И рвись в лазурь и в Божии разливы!

Ты знать должна, как славой сиротливы
Все рифмачи, потешники людей:
В их песнях нет ни чувства, ни идей,
Сих колосов богоколосной нивы!

Их каждый стих нарядно весь одет,
Но сущность в нем – как суетность мирская:
Все тянет вниз, и вся пуста, как бред!..

Так вверх и вдаль!.. А даль-то ведь какая!
Святой глагол, безбрежность рассекая,
Дарит ее!.. Смелей же вдаль, поэт!..

1837 или 1838

Вологда

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение написано в форме сонета (четырнадцать строк пятистопного ямба, сгруппированные в два четверостишия и два трехстишия).

К ПОЭТУ <МАКШЕЕ>ВОЙ

Дня 4-го декабря

Кто скует тебя, океан седой,
Кто скует тебя глыбой льдистой,

Как заветною, боевой броней
Под насечкою серебристою?

Разволнуешь ты, расколышешь ты
Грудь широкою, грудь могучую,
Грозно скажешься и задышишь ты
Пеной белою и кипучею.

В пыль холодную сокрушится лед,
По волнам твоим он развеется,
И затихнешь ты, а равнина вод
Глубже прежнего засинеется.

Кто убьет тебя, мой поэт молодой,
Кто убьет тебя злобой скрытою,
Словно меткою, каленой стрелой,
Трехзубчатою, ядовитою?

Ясным соколом от вражды людей
Ты поднимешься в поднебесную,
Запоешь ты там о любви своей
Песню сладкую и чудесную!

При гармонии той лютой враг-змея
Повреждать тебя заопасится,
И прости его – вся душа твоя
Ярче прежнего разукрасится.

1838

КСЕНОФОНТУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЕРЕМЕЕВУ

I

Привет мой моряку-гусару!
Его отваге удалой,
И душегубке, пуле злой,
И сабли верному удару!

II

Привет тому, кто, как чумой,
Гнушался мыслью несвободной;
Привет душе, всегда прямой
И в каждом деле благородной!

III

Привет мой сердцу, где, горя,
Светлеет чувство без обмана,
Где все так чисто, как моря,
И все яснее доломана!

IV

Всему привет!.. но в добрый час,
За исключением привета,
Пусть сохранится здесь у вас
И эта книга от поэта!

12 августа 1838

Усадьба Остахово.

Радклифское подземелье.

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение посвящено владельцу усадьбы Остахово (Остахово), находившейся в Вологодском уезде. *Доломан* – гусарский мундир, расшитый шнурами. *Радклифовское подземелье* – шутливая отсылка к романам «тайн и ужасов» английской писательницы А. Радклиф (1764–1823).

СМЕРТЬ БЕССМЕРТНОГО

Живых избранный Воевода!
Господь небес и Царь земной!..
Когда роскошная природа
Среди семьи Твоей родной
Тебя, Бессмертного, на древе
Узрела мертвым, то она
Затрепетала вся во гневе

И стала смутами полна!..
В раю притихли ликованья,
Светил затускнула краса,
И ужаснулись небеса,
И вздрогли мира основанья!..
Но, убедившись теперь,
Что смертью той Ты отпер дверь
В чертог Отца всему созданию,
Я оставляю мрак и тьму
И поклоняюсь Твоему
Безмерно кроткому страданью;
Одной с разбойником мольбой
Молюсь, Распятый, пред Тобой:
«Мое нечестие велико;
Я шел погибельным путем,
Но помяни меня, Владыко,
В предвечном Царствии Твоем!..»

ПРИМЕЧАНИЯ. В стихотворении речь идет о распятии Иисуса Христа. «...помяни меня, Владыко, в предвечном Царствии Твоем!..» – Слова разбойника, распятого рядом с Христом («Один из повешенных злодеев злословил Его и говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой же напротив унимал его и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден за то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю». – Евангелие от Луки, гл. 23, ст. 39–43).

ЛЕСТВИЦА СПАСЕНИЯ

Душой Святыню обнимая,
Иаков зрел в отрадном сне,
Как благолепно к вышине
Пред ним шла лестница святая;
Но мне в пути до райских мест
Восходом служит Божий крест;
И так, наитьем чудотворным
Того креста, взведи мой ум
От низких чувств, от грязных дум
И от земли – к селеньям горним!..

ПРИМЕЧАНИЕ. В стихотворении противопоставляются Ветхий и Новый заветы как воплощения основных принципов двух верований – иудаизма и христианства. ...*Иаков зрел в отрадном сне* – отсылка к эпизоду из Ветхого завета: «И увидел <Иаков> во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Землю, на которой ты лежишь, я дам тебе и потомству твоему» (Бытие, гл. 28, ст. 12–13). *Иаков* – ветхозаветный патриарх, родоначальник двенадцати колен Израиля.

БОЖЕСТВЕННАЯ НОША

Благоволи мне, Боже, дать
Свою Цареву благодать,
И, с высоты пролив незримо
Ее в душевный мой фиал,
Прими меня, как Ты принял
Иосифа и Никодима.
И сотвори в любви святой,
Чтобы духовной красотой
Блестя, как ясною денницей,
К Тебе, мой Бог и мой Христос,
Я душу мирную принес
Желанно-чистой плащаницей,
И Тело здесь Твое одел
Благоуханьем добрых дел;
И чуждый страсти, чуждый злобе,
Еще бунтующих во мне,
Я бы понес Тебя, как в гробе,
В своей сердечной глубине,
И с этой ношею, ликуя,
Взошел бы в даль, в Твои края,
И чтоб всегда душа моя
К тебе взывала: Аллилуйя!..

ПРИМЕЧАНИЯ. *Иосиф и Никодим* – члены синедриона (высшего иудейского судилища), ставшие последователями учения Христа. ...*Я душу мирную принес Желанно-чистой плащаницей* – уподобление души автора покрывалу, которым было окутано тело Христа при погребении.

Василий Красов

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Н.В. С<танкевичу>

Есть поле победы, широкое поле!
Там ветер пустынный гуляет по воле!
На поле курганы – гробницы костей;
То грозное дело булатных мечей!
Давно там замолкли и крик, и удары,
И высохли белые кости бойцов.
Здесь русскою силой разбиты татары,
И здесь их обитель – ряд темных холмов!
Здесь гений России, с улыбкой презренья,
С высоких гробов на вселенну взирал,
Он круг необъятный жезлом начертал;
То грани России, то наши владенья!

Так это здесь – побоище Мамаю,
Позорище решительной борьбы,
Игра кровавая таинственной судьбы,
Спасение отеческого края!
О поле славное, покой тебе, покой!
Немало на тебе гостей отпировало,
Немало ты, широкое, стонало:
О поле славное, покой тебе, покой!
Вот с той страны, как туча, набежала
Неумолимая жестокая Орда;
Здесь русских рать отмщением пылала
И вековых оков и русского стыда!

Там смуглые бойцы – станицы кочевые –
Их взоры дикие, а чела, как туман;
Здесь цвет славян, краса полных стран,
И кудри русые, и очи голубые!
Туманна ночь последняя была:
Два стана спят, безмолвные, в покое.
Заутра шум – и там в кровавом бое
Судьба свершит великие дела!
Вот все бойцы беспечно засыпают!
Но ночь страшна; то слышен крик орлов,
То, в тысячу ужасных голосов,
Стада волков протяжно завывают.

И он вскипел, вскипел упорный бой;
Сразились тиранство и свобода;
И ты, любовь российского народа,
Носился здесь, воинственный Донской!
Ты здесь летал, виновник ополченья,
Для милой родины при зареве сраженья!
Для родины! Прекрасен твой удел,
Благословен твой подвиг незабвенной
Для родины несчастной, угнетенной! –
Хвала тебе! Прекрасен твой удел!
И вот бегут разбитые татары,
Перуны сыплются от русского плеча:
Вновь крики русские, как звонкие удары
Заветного славянского меча!
Теперь молчишь, молчишь, победы поле...
И я здесь был, и я благоговел!..

.....
.....

<1832>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Куликово поле* – место между реками Непрядвой, Доном и Мечею, где 8 сентября 1380 г. объединенные русские отряды под предводительством великого князя московского Дмитрия Ивановича одержали победу в битве с татарами и тем самым предопределили конец татаро-монгольского ига. *Станкевич* Николай Владимирович (1813–1840) – поэт, мыслитель и общественный деятель, руководитель литературно-философского кружка, одним из членов которого был

Красов. *Гений России* – поэтический образ небесного покровителя России. *Мамай* – военачальник, возглавлявший татаро-монгольские силы на Куликовом поле. *Немало на тебе гостей отпировало* – характерное для древнерусской словесности уподобление битвы пиру (использовано, например, в «Слове о полку Игореве»). *Орда* – Золотая Орда, татаро-монгольское государство, в зависимости от которого находились русские княжества на протяжении второй половины XIII – первой половины XV в. *...то слышен крик орлов, То, в тысячу ужасных голосов, Стада волков протяжно завывают.* – Реминисценции из «Слова о полку Игореве». *Воинственный Донской* – великий князь московский Дмитрий Иванович получил прозвище «Донской» после победы. *...Перуны сыллются от русского плеча* – т. е. русскими воинами наносятся удары, подобные молниям.

ЧАША

Старинная чаша, отцовская чаша,
Широкое дно, расписные края!
Давно ль ты живешь, дорогая моя –
Старинная чаша, отцовская чаша?
О, дедов радушных наследственный дар!
Я пью из тебя, старину вспоминая,
Быть может, ты помнишь злодея Мамаю
И тяжкое иго жестоких татар...
Ты сохла, ты сохла – и мед искрометной
Во время неволи в тебе не кипел,
И прадед печальный – в цепи долголетней –
Тебя не касался и песен не пел...
Но ты загремела во время Донского,
И пены бугры через край полились,
Как предки, отмщеньем пылая, клялись,
Клялись воевать за защиту родного!
И в ранах свободы воинственный дед
Сидел за тобой с дорогими гостями,
А ты украшала их русский обед
Веселым вином, расписными краями,
И слышала, верно, от предка не раз
О подвигах славных горячий рассказ!
Зачем же ты вновь затряслась, пролилася,
Что ж высохло снова широкое дно,
Зачем позабыла свой мед и вино?
Ах! в сердце России Литва ворвалась!

Ты помнишь убийство в Кремлевских стенах,
Где кровью, святыней ругался нам лях!..
Не долго! трубою ты вновь загремела,
И предок наполнил тебя до краев!
Вот Минин, Пожарский пошли на врагов
И в русских священная месть закипела!
Ну, пейте ж из чаши заветной, друзья,
И пойте победы, нынь очередь наша!
Раздайся, раздайся, отцовская чаша,
Широкое дно, расписные края!

<1833>

ПРИМЕЧАНИЯ. ...*время Донского* – время решающей борьбы за свержение татаро-монгольского ига. *Мамай* – см. примеч. к предыдущему стихотворению. ...*в сердце России Литва ворвалась* – имеется в виду агрессия Речи Посполитой (объединенного Польско-литовского государства) против России в начале XVII в. *Лях* – здесь: собирательное название поляков. *Минин* – Захарьев-Сухорук Кузьма Минич (?–1616), русский национальный герой, нижегородский мещанин, организатор борьбы русского народа против польской и шведской интервенции. *Пожарский* Дмитрий Михайлович (1578–1642) – князь из рода Стародубских, соратник Минина, полководец, руководивший военными действиями в борьбе против польских и шведских интервентов.

ПЕСНЯ

Взгляни, мой друг, – по небу голубому,
Как легкий дым, несутся облака:
Так грусть пройдет по сердцу молодому,
Его, как сон, касаяся слегка.

Мой милый друг, твои молодые годы
Прекрасный цвет души твоей спасут;
Оставь же мне и гром, и непогоды...
Они твое блаженство унесут!

Прости, забудь, не требуй объяснений...
Моей судьбы тебе не разделить...
Ты создана для тихих наслаждений,
Для сладких слез, для счастья любить!

Взгляни, взгляни – по небу голубому,
Как легкий дым, несутся облака:
Так грусть пройдет по сердцу молодому,
Его, как сон, касаясь слегка!

<1835>

ПРИМЕЧАНИЕ. В стихотворении, возможно, отразилось увлечение поэта А.А. Беер, сестрой одного из его университетских друзей. В.Г. Белинский интерпретировал произведение как монолог Гамлета, обращенный к Офелии. На этот текст композитором А.Н. Корещенко был написан романс.

МОЛИТВА

Спаситель, Спаситель, Спаситель, мой Боже!
Твой крест тяготеет на раме моем;
Слезами улито полночное ложе,
И я умоляю Тебя об одном.
Спаситель, мне тяжело, мне грустно, Спаситель!
Душа утомилась в оковах земных:
О, дай мне, Отец мой, покоя обитель
В свободном пространстве небес голубых!
Житейского моря мятежные волны
Давно сокрушили мне юную грудь.
На путь мой, страстей возмутительных полный,
Мне страшно, мне страшно, Спаситель, взглянуть!
Лишь тихая лампа и крест Твой священный
Полночные зрели страданья мои!
Когда же, Отец мой, душой обновленный,
Когда ж полечу я в объятия Твои?..

1835

ВОЗВРАТ

Мчусь домой. – Ах! в зимни вьюги
Сколько раз я мчался к ней!..

Вот у ней, в домашнем круге...
И я с бледныя подруги
Не свожу моих очей...

Вот стоит в дали пустынной
С белой розою в кудрях.
Я целую локон длинный...
Как она любила сильно!
Сколько жизни в прошлых днях!

Сны мои!.. Там, помню, ивы
Зеленелись над водой...
В первый раз она ревнива...
Вдруг чуть слышно, боязливо
Обвила меня рукой.

О, довольно!.. нет, тоскою
Сердце сжалось, Боже, вновь,
Смутный взор дрожит слезою,
Над усталой головою
Веет давняя любовь.

Да, недаром ты любила;
Все взяла ты у меня!
О, ты дорого любила;
Ты навек мне погубила
Цвет и прелесть бытия!..

И зачем уж в сновиденья,
Призрак милый, пролетишь,
Обольстишь воображенье,
Лишь на миг уединенье,
Светлый ангел, озаришь?..

И не так ли засияет
Над гробницею луна?
Мрамор, вспыхнув, оживает,
Но блеснет – и исчезает

В темном облаке она...
Все прошло!..

1837, октября 15

ДУМА

Она была его единым вдохновеньем,
Младой любви страдальческим венцом,
Она одна, с слезами и томленьем
Боготворимая задумчивым певцом...
Для ней он был готов лететь на поле битвы,
Когда нахлынули от запада враги,
В восторге петь прощальные молитвы
И весть на брань отмстителей полки.
Для ней бы он надел одежды пилигрима
И обувь странника и – рыцарь молодой –
Пошел бы в дальний край, к полям Ерусалима,
Чтоб только выполнить обет ее святой...
И как бы пламенно певец об ней молился!
Об ней бы думая, под пальмой отдыхал,
И снова бы на полночь возвратился,
Благословение возлюбленной сказал,
Принес бы ей фиал со влагой Иордана,
Над коим некогда гремел Иеговы глас, –
И странника чарующий рассказ
Для ней бы слаще был и гуслей, и тимпана.
А он замолк – любимый наш певец,
Расстался с звонкою цевницей,
Повесил он лавровый свой венец
Над хладною, печальною гробницей.
Не спрашивай, зачем он не поет:
Увы! мой друг, она его любила...
Он кончил песнь; она его зовет...
А проводник туда – могила.

<1838>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Ерусалим* – Иерусалим, город на юге Палестины, где находится гроб с телом Иисуса Христа; паломничество к этой гробнице является для христиан особо важным богоугодным делом. *Иордан* – река, протекающая по территории Палестины и впадающая в Мертвое море; является священной для христиан, поскольку в ней Иоанн Предтеча крестил Иисуса Христа. *Иегова* – одно из имен Бога в Ветхом завете. *Лавровый венец* – знак признания поэтического таланта.

ОБЛАКО

Долу глухо, долу мрачно –
Встал туман от хладных вод,
Даль небесная прозрачна,
Необъятен звездный свод!
На полуденной лазури
Вижу облако одно;
Знать, дитя протекшей бури
Там блуждать осуждено.
Чьей же силою гонимо,
Вдаль от севера летит?
Где приют для пилигрима,
Где свой бег он прекратит?
Отчего ж один, так мрачно,
Будто дум смертельных полн,
Он явился на прозрачный,
Необъятный небосклон?..
И зачем пред ним в мерцанье
Блещет севера звезда?..
Он затмил ее сиянье
И покинул навсегда...
Он понесся в даль эфира,
Омрачая хоры звезд,
Пилигрим в пустынях мира,
В бесконечности небес!

Но гляди: встает с востока
Тихо чистая луна,
И серебряным потоком
Льет сияние она;
Купол вокруг нее пылает,

Озарен внезапно дол,
Над челом ее играет
Недоступный ореол.
О луна, от мироздания
Не была прекрасней ты!
Сколько дум в твоём сиянье!
Сколько сладостной мечты!
Сколько раз, мое светило,
Сколько раз со мной она,
Было время, проводила
Ночи чудные без сна!..

И они в молчанье ночи
Быстро, трепетно сошлись, –
И магические очи
В облак сумрачный впились.
И стоит, как очарован,
И – смотрю – недвижим он,
Будто страстию окован,
Беглым счастьем упоен...
Долго ль? Миг один! – Печально
Вот уж снова вдаль помчал.
Лишь улыбкою прощальной
Пышный край его сверкал...
И, глядя на бег крылатый
По воздушному пути,
Я невольно, будто брату,
Говорю ему: прости!

И коня останавливаю,
И с мечтою давних пор
Я на север обращаю
Отуманенный мой взор...
О, когда ж туда – в дорогу?!
Там – прошедшее давно, –
Там без надписи так много.
Мной надежд погребено!..
Не сбылись же – обманули!..
Только сон сердечной бури

Остается навсегда,
Как высоко там, в лазури,
Неподвижная звезда!

<1839>

ПРИМЕЧАНИЕ. ...*понесся в даль эфира* – понесся вдаль по небесам.

AVE MARIA

Коленопреклонен, с смятнным сердцем я
Приветствую Тебя, владычица моя!
К святым отшельникам в печальные пустыни
Являлась, Матерь, Ты во время их кончины;
И схимник в трепете блаженства умирал,
И мертвый лик его неведомым сиял...
Небес владычица! Услышь мое моление:
Да загорит и мне звезда преображенья,
Да духом скорбным я восстану, укреплюсь,
Да пред Тобою вновь и плачу и молюсь,
Вдали от пристани, средь новых треволнений,
Я сердце сохраню от ран и заблуждений.
Приветствую Тебя – на светлых небесах,
С душой измученной, с слезами на очах!

<1840>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Ave Maria* – радуйся, Мария (лат.); католическая молитва, обращенная к Богородице.

БАБУШКА

Много езжу я по свету –
То забавен, то угрюм, –
И чего, друзья, поэту
Не придет подчас на ум:
То волшебные картины

Дальней, милой стороны,
То гроза моей судьбины,
То несбывшиеся сны.
Но всех более люблю я
Детство бедное мое,
С сладкой грустию бужу я
Стародавнее житье.
Вот за рощей, с колокольни –
С бедной, старой – слышен звон;
Вот народ наш богомольный
В храм спешит со всех сторон.
Утро тихо, небо ясно,
Весь в цветах знакомый луг.
Мы идем (я в куртке красной)
В церковь с бабушкой сам-друг.
И старушка говорила:
«Как была я молода,
Так же с бабушкой ходила
В эту ж церковь я тогда.
Сколько лет она в могиле!..
Долго жить мне Бог привел, –
И уж жизнь мне через силу,
Мой уж век за век зашел.
Много горя я узнала,
Мало счастья в жизнь мою...
Вот и внука увидала –
Буйну голову твою».
Я и слушал, и дивился...
Но минуту чуть спустя
Я в лугу уже резвился –
Своенравное дитя...
Много езжу я по свету,
То забавен, то угрюм, –
И чего, друзья, поэту
Не придет подчас на ум!

<1840>

МЕТЕЛЬ

Поздно. Стужа. Кони мчатся
Вьюги бешеной быстрей.
Ах! когда бы нам добраться
До ночлега поскорей!
У! как в поле темно, бледно,
Что за страшная метель, –
И далек ночлег мой бедной,
Одинокая постель!

Мчуся. Грустно. Злится вьюга
По белеющим полям;
И сердечного недуга
Я постичь не в силах сам.
То прошедшее ль с тоскою
Смутным чувством говорит,
Иль грядущее бедою
Мне неожиданною грозит?..

Пусть все сгибло в раннем цвете,
Рок мой мрачен и жесток;
Сладко думать мне: на свете
Есть блаженный уголок!..
И в полночи глубокой,
Как спешу к ночлегу я, –
Может – ангел одинокой
Молит небо за меня...

<1840>

ВОСПОМИНАНИЕ

Не спрашивай, чего мне стало жаль,
Что грустию мне память омрачило:
Мой друг, тоска пройдет, как прежде проходила.
Я вспомнил детских лет волнующую даль,
Несвязную, но сладостную повесть,

Весенних дней моих волшебный, светлый сон.
Мне стало жаль его! Давно исчез уж он...
Укором восстает тоскующая совесть...
Наш старый дом, наш бедный городок,
И темные леса, и бурный мой поток,
И игры шумные, и первое волнение –
Все живо вновь в моем воображеньи...
Вон дом большой чернеет над горой.
Заря вечерня за лесом потухает,
Кругом все спит – лишь робкою рукой
Она окно свое для друга открывает...
Луна взошла, зари уж нет давно,
А я смотрю, влюбленный, на окно!..

<1840>

ПРИМЕЧАНИЕ. ...*наш бедный городок* – Кадников, где поэт провел свое детство.

РОМАНС ПЕЧОРИНА

Как блудящая комета,
Меж светил ничтожных света
 Проношуся я.
Их блаженства не ценил я;
Что любил, все погубил я...
 Знать, так создан я.

Годы бурей пролетели!
Я не понял, верно, цели,
 И была ль она?
Я б желал успокоенья...
Сила сладкого забвенья
 Сердцу не дана.

Пусть же рок меня встречает,
Жизнь казнит или обольщает –
 Все уж мне равно.

Будь то яд, или зараза,
Али бой в скалах Кавказа, –
Я готов давно.

<1845>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Печорин* – главное действующее лицо романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (1840).

Николай Вуич

ЛУЧШАЯ ДОЛЯ

Не власти тревожной народов правителя,
Не силы для грозной борьбы,
Не скипетра властного, не лавра воителя
Просить бы я стал у судьбы.

Пленительно власти земной упоение,
Заманчив победный венок,
Но, мирный душою, но, полный смирения,
Я гордых желаний далек.

Нет, жаркий поклонник искусства свободного,
Прекрасное сердцем любя,
Возвышенной доли поэта народного
Просить бы я стал для себя.

ПРИМЕЧАНИЕ. ...не лавра воителя – не славы полководца.

НА СМЕРТЬ А. С. ПУШКИНА

Свершилось! – Рок неумолимый
Нам грянул тяжкою бедой!
Полночной Музы жрец любимый
Сражен безжалостной судьбой.
В разгаре светлых вдохновений,
Исполнен творчества и сил,
На ранний гроб наш милый гений
Чело цветущее склонил.

Давно ль звездою лучезарной
На русской славы небосклон
Явился он, пришлец избранный,
Высокой доле обречен?
Давно ль на лире сладкогласной,
Как ропот волжския струи,
Он пел роскошно и прекрасно
Нам песни дивные свои!
Давно ль? – И вот могильный камень
В печальном образе креста:
Под ним угас небесный пламень
И смолкли вещие уста.
И нет певца, – в пыли могилы
Цевница сирая молчит;
С ее струны звук, сердцу милый,
К нам боле в грудь не залетит;
Но мы внимали дивным звукам,
Мы ими нежили сердца,
Так сохраним же нашим внукам
Дар незабвенного певца!
Дар светлый, песни вдохновенны –
Поэт в тех песнях не умрет;
За них ему венец нетленный,
Венец бессмертья даст народ!

*1837 года,
Вологда.*

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА. ...*могильный камень В печальном образе креста.* – На могиле Пушкина, как известно, стоит каменный крест.

ПРИМЕЧАНИЕ СОСТАВИТЕЛЯ. ...*С ее струны звук, сердцу милый* – нарушение предметной логики (цевница – духовой музыкальный инструмент, а не струнный; в данном случае поэт, вероятно, имел в виду лиру).

ДВЕ ПОРЫ

Посвящено
Владимиру Игнатьевичу Соколовскому

I

В дни юности теплой в нас грудь молодая
Раскрыта всем светлым мечтам бытия –
И брызжет из сердца струя огневая,
Любви безусловной живая струя...

II

Кто хочет, являйся в личине участия,
Открыт для пришельца священный родник,
И полною чашей в ней черпай сострастья,
Доколе хлад жизни в него не проник.

III

Но опыт не медлит!.. ледяной корою
Ложатся на сердце за слоем слои,
И вот он то сердце сковал, как стеною,
И там уж замкнулись живые струи.

IV

Тогда не ходите к нему за любовью;
Отрадный источник остыл под корой
И вскинулся вместе с утихнувшей кровью
В гнездилище думы расчетливо-злой.

V

От ней же не ждите прекрасного дара:
Скупая хозяйка на свой обиход

Скопила остаток чудесного жара –
И тот безрассудно толпе не дает.

*20 декабря 1838.
Вологда*

ПРИМЕЧАНИЕ. О поэте В.И. Соколовском см. в разделе «Краткие сведения об авторах»; стихи его помещены в настоящем издании.

ПЕВЕЦ

Вл<адимиру> Игн<атьевичу> Соколовскому

Нахмурилось небо, на ясном челе
Нависнули тучи – тяжелые думы,
И пламенной мыслью, сквозь сумрак утрюмый,
Помчались перуны к смятенной земле.

И их провозвестник, громовый глагол,
Потряс, необорный, земные основы;
И слушают люди грозящее слово,
Со страхом толкуя небес произвол.

Но все ль разумеют глагол громовой?..
Нет, людям не внятен смысл речи чудесной.
Так кто ж им расскажет о воле небесной,
Мысль неба кто выразит речью земной?

В толпе есть избранник, чью душу Творец
Зажег вдохновенья святыми лучами,
Он в мире посредник земли с небесами,
И этот высокий избранник – певец.

*1839 года,
Вологда*

ДУМА

От светлой юности до сумрачной могилы
Мы жертвы слабые волнений и тревог;
Мир не дан нам в удел, в нас две враждебных силы
На тяжкую борьбу державно вызвал Бог.

На тяжкую борьбу, где ум и сердце в споре.
Порой в ней сердце верх имеет над умом
(И тут-то пир страстям на роковом просторе);
Порой холодный ум гордится торжеством.

Но ум ли, сердце ли отпразднует победу
И путеводит нас по жизненным стезям,
А к счастью верного мы не находим следу –
И тратим нашу жизнь, бродя по сторонам.

Минутой радостей, часами огорчений
Отмеривши себе на долю благ и слез,
Мы грустно сознаем, что прочных наслаждений
Ни сердце не дало, ни ум нам не принес.

Но счастье не мечта, оно для нас возможно:
Оно в борьбе ума и сердца. Тайна в том,
Чтоб сердце охлаждать рассудком осторожно,
А ум разогревать его живым огнем.

1840. Вологда

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение написано под впечатлением от лермонтовской «Думы» (впервые опубликована в журнале «Отечественные записки» в 1839 г.). Однако Вуич не только подражает Лермонтову, но и полемизирует с ним, что особенно отчетливо дает о себе знать в последней строфе.

РЕВНОСТЬ

Страшись, красавица, любовного недуга!
Придет отрадная и грозная пора, –

И я явлюсь к тебе, незваная подруга,
Любви суровая и злобная сестра.

Да, я явлюсь к тебе с тревожною мечтою,
Я в сердце жаркое прокрадуся, как тать,
И оболую его я черной клеветою,
И стану бедное сомнением терзать.

Средь светской суеты, средь блеска и средь шума,
И в мирной тишине твоей семьи родной
Я буду при тебе крушительною думой,
Неотразимая, всегда, везде с тобой.

И ночью темною, когда к тебе любовью
В объятия страстные повержен будет он,
Я мрачным демоном приникну к изголовью
И страшною мечтой смущу твой мирный сон.

И чувства бурные в твоей груди зажгу я –
Узнаешь мщение, зловещую боязнь;
И сонный друга бред, вздох, шепот поцелуя –
Все будет для тебя мучительная казнь.

Страшись, страшись меня! Любовного недуга
Придет отрадная и грозная пора –
И я явлюсь к тебе, незваная подруга,
Любви суровая и злобная сестра.

1840. Вологда

СОНЕТ

Порой отрадную, в те светлые мгновенья,
Когда в минувшее я сердцем погружен,
Я снова чувствую былые наслажденья,
Я вижу вновь любви моей прекрасный сон;

Душе знакомые, роскошные виденья
В фангасмагории пленительно-живой,

В картине радужной, мое воображенье,
Мой мощный чародей рисует предо мной;

Но сладостный обман недолго ум пленяет:
По резвой прихоти мгновенно исчезает
Мечта отрадная, виденье юных дней, –

И для души моей, как тяжкий мрак темницы
Для глаз, понеженных сиянием денницы,
Существование еще становится мрачней.

1840. Вологда

Николай Иванович Иваницкий

БОРОДИНО

Отрывок из дневника

1840 г. 28 июня

Ю.А. Гейне

День потухал. Прозрачной мглою
Скрывались дальние поля,
Один дорогой столбовою
В пыли на тройке ехал я.
Все было тихо, – лишь порою
Ямщик уныло песню пел,
Да колокольчик под дугою
То заливался, то звенел.
Среди безмолвныя равнины
Дорога лентою вилась...
Вдруг в глубине немой картины,
Как дух, колонна поднялась;
В огне зари – символ спасенья –
Над нею крест святой сиял,
Налево виделось селенье,
Направо Божий храм стоял.
В священном чувстве умиленья
Подумал я: так вот оно!
Поклон тебе, Бородино!

Года прошли... под сенью мира
Почиет Русская земля,
Одела жатва, как порфира,
В крови крещенные поля;

Умолкли громы славной брани,
И пал развенчанный кумир
В тоске мучительных мечтаний
При хорах европейских лир...
А здесь, где реки русской крови
За славу родины лились,
Где рати, полные любви,
Костями с молитвой улеглись, –
Стоит гранит пирамидальный,
И блеск его Европе дальней
Напоминает день былой,
Тот день, когда, сияя славой,
Ее шумели знамена
И за звездой своей кровавой
Шли на поля Бородина, –
Тот день, когда в громовой битве
Затмили ста побед венец
И, утомленный на ловитве,
Смирился царственный ловец!
Жив Бог! Красуйся ж многи годы,
Столицей процвети, село, –
Пусть повторяют все народы:
Бородино! Бородино!

Вологда, 1841

ПРИМЕЧАНИЯ. В стихотворении нашли отображение реальные впечатления Иваницкого, испытанные им во время путешествия из Пскова в Вологду и описанные в «Автобиографии»: «Через Бородино проезжали перед закатом солнца. Колонна возвышается налево, саженьях в 60 от дороги. Далее виден монастырь Тучковой. Село отстроено прекрасно: прекрасные трехэтажные дома, крашенные зеленой краской». Ю.А. Гейне – безответная любовь поэта; в его «Автобиографии» она выведена под инициалами Ю.А.Г. ...*Как дух, колонна поднялась* – поэт описывает памятник-часовню в виде восьмигранного чугунного столпа (архитектор А. Адамини), открытый 26 августа 1839 г. в центре Бородинского поля на Курганной высоте, где стояла батарея Н.Н. Раевского. ...*Направо Божий храм стоял*. – Храм Спаса Нерукотворного «для вечного поминовения воинов, на сем месте убиенных», поставленный в 1820 г. женой генерала А.А. Тучкова на месте его гибели; этот храм был первым памятником, воздвигнутым на Бородинском поле. *Развенчанный кумир* – Наполеон.

КИЕВ

Кисв, Киев златоглавый,
Пращур русских городов!
Озарен ты дивной славой,
Славой тысячи годов.
В век, неверьем омраченный,
Патриархом ты восстал;
Голос, свыше вдохновенный,
Ты к народам простирал:
«Приидите, примите
Дух и страха и любви,
И бессмертие вкусите
От Божественной крови!»
И пришли, смиреньем полны,
Люди дальних стран к тебе;
Погрузились телом в волны,
Вознеслись душой горе.
Ты сиял в величье новом,
Как Креститель Иоанн;
Ты гремел небесным словом
В темных дебрях диких скал.
Всюду глас твой вдохновенный
Мир и братство возвещал;
В край родной наш, край бесценный,
Он издревле долетал.
Слава, слава, златоглавый
Пращур русских городов!
О, красуйся ж величаво
Сотни, тысячи годов!

1841

ПРИМЕЧАНИЯ. В «Прибавлениях к “Журналу Министерства народного просвещения” на 1844 год», где было опубликовано стихотворение, его автор представлен как ученик Вологодской гимназии П. Холмов. Подлинное авторство устанавливается по «Автобиографии» Н.И. Иваницкого: «В этот год только и написал: *Кант*, петый при встрече п<реподобного> Иннокентия; *Бородинское сражение*, которое читал на акте; *Приступ Батория ко Пскову*, которое читал один ученик, да еще *Киев*, тоже написанный для одного ученика». Основное событие, с

которым ассоциируется образ Киева в стихотворении, – принятие Русью христианства как государственной религии в конце X века. *Патриарх* – здесь: старейшина, обладающий высшим духовным авторитетом. ...*бессмертие вкушите от Божественной крови!* – Примите христианство, одно из таинств которого (причащение) предполагает вкушение вина, воплощающего кровь Господню. ...*люди дальних стран* – здесь: славянские племена, населявшие Древнюю Русь. *Креститель Иоанн* – Иоанн Предтеча, последний из пророков, предвозвестивший пришествие Мессии и крестивший Иисуса Христа.

КАНТ НА ПОСЕЩЕНИЕ ВОЛОГОДСКОЙ ГИМНАЗИИ ПРЕОСВЯЩЕННЫМ ИННОКЕНТИЕМ

Гряди, о пастырь нам желанный,
Гряди, возри, благослови
И властью, от Бога данной,
Ты в сердце нас усынови!

По гласу пастыря, как дети,
Мы в море истины святой
Ума таинственные сети
Закинем с верою святой.

ПРИМЕЧАНИЕ. Пением этого канта преосвященный Иннокентий (Борисов) был встречен по прибытии в Вологодскую гимназию 20 августа 1841 г. В печати стихи воспроизвел по памяти учитель Ф.Н. Фортунатов, сопроводивший их следующими пояснениями: «Третьего куплета не припомню; оканчивался кант повторением первого куплета. По желанию преосвященного я выслал ему этот кант с нотами, на которые он был положен, в Харьков, и он в письме ко мне от 15 декабря 1842 года между прочим писал: “Благодарю за присылку нот. Хор мой поет их очень хорошо, а мы при сем всегда с благодарностью вспоминаем о том теплом усердии, которое служило источником сего канта. До сих пор жалею, что мне не прилучилось совершить служение в вашей церкви, и всегда вывожу из сего случая правило не отлагать исполнения добрых мыслей на будущее. Ибо оно-то, это откладывание, было причиною того, что мне не довелось помолиться со всею благодатною семьею вашею в церкви гимназической”».

ВЕСНА

В.С. Порошину

Когда ликует, радостно сияя,
На празднике весны прекрасный Божий мир,
Меня зовет к себе весна иная –
Весна любви, на свой прощальный пир!
Не красотой небесного сиянья,
Не красотой лилей и роз
Она манит мои мечтанья.
Мне чудится: трещит и искрится мороз,
Земля лоснится лебединой белизною,
Алмазы сыплются от месячных лучей,
И в светлом сумраке, как дух, идет со мною
Подруга – свет моих очей!
Морозно. Звездная порфира
Одела дивно небеса;
Но краше всех красот волшебных мира
Ее небесная краса!
Какое полное мечтанье
В се задумчивых очах!
Как жарко тайное лобзанье
В ее малиновых устах!
Весна! Весна! Как грустно обновленье
Долин, и гор, и рошей, и полей!
Какое томное волненье
Проснулося опять в груди моей?
Мне жаль снегов, взлелеявших приветно
Мою любовь, мои мечты, –
Как будто с ними исчезают неприметно
Моей души огнистые цветы, –
Как будто сердца сокровеннейшие раны,
Как горные ключи, раскрылись опять
И думы черные слетаются, как враны,
Остатки тлеющего чувства расхищать!
Где ж утешенье?.. Сын сует и горя!
Взгляни, как дольний мир и блещет и цветет:
Чья-то власть из бездн лазоревого моря

Струи огня и жизни льет!
Когда твой взор зажжен мятежной кровью,
А сердце высохло в страданиях любви, –
С молитвою горé ты очи возведи:
Там небо целое с Божественной любовью
Открыто бедным странникам земли!

Вологда, 1842.

ПРИМЕЧАНИЕ. В.С. Порошин – профессор кафедры политической экономики и статистики Санкт-Петербургского университета.

ПАДУЧАЯ ЗВЕЗДА

Прощай! С небес моей мечты
Не светозарным солнцем ты
Великолепно опустилась,
Но, как звезда падушая, скатилась,
Мгновенно и неожиданно для меня!
Прощай! Но все ж мне жаль, прекрасная, тебя:
Быть может, там – за дальними морями –
На небесах иных зажжешься ты опять;
Но кто ж, скажи мне, кто бессонными очами
Там будет на тебя с любовью взирать?
Кто, пылкий юноша, там встретит
Твой неожиданный восход?
Чью там слезу твой луч осветит?
Чье сердце песнь тебе пошлет?
Кто в грустный час душевного томленья
Там назовет тебя *заветною звездой*
И в самый миг неожиданного паденья
Благословит сердечною мольбой
Тебя на жизнь, на счастье, на покой?
Прощай! Быть может – после странствий дальних, –
Опять, обманчивая, ты
Блеснешь на небесах печальных
Моей обманутой мечты;

Но опыт умудрит в разлуке долголетней
Меня познаньем истины живой:
Уж я не назову тебя *звездой заветной*,
А назову *падучею звездой!*

Вологда, 1842.

ЧЕТЫРЕ ВЕКА

Играет в бокалах вино, как жемчуг;
Блистают пирующих взгляды;
Явился певец, он вступает в их круг,
Он лучшие вносит отрады:
Без лиры в чертогах, блестящих кругом,
Веселия нет и за сладким столом.

Ему сердце чистое небом дано,
Где свет, как в зеркале, глядится;
Все видел он, что на земле свершено
И что нам в грядущем хранится;
Он был в довременном совете богов
И слышал посев сокровенных миров.

Как свиток, блистательно, весело нам
Он тайную жизнь развивает;
Дарами небесныя музы, как храм,
Приют он земной украшает,
И в тесную хату, под низменный кров
Низводит он полное небо богов.

И как сын Зевесов, искусный Гефест,
Щита на блистательном поле
И землю, и море, и орбиты звезд
Иссек по божественной воле, –
Так в звук бысролетный вмещает певец
Все то, чего мыслям неведом конец.

Оттуда пришел он, где в детстве простом
Блаженные жили народы;
Беспечный скиталец! весь мир с ним знаком –
И все времена, и все роды;
Он был сотоварищ четырёх веков
И пятому ныне открыть их готов.

Сперва был под властью Сатурна народ;
Катилось, как день один, время;
Там пастыри жили, не зная забот,
Всегда беспечальное племя;
В любви утопая, не знали труда:
Все щедро земля им давала тогда.

Потом тяжкий труд и борьба начались;
Драконы и гидры восстали;
Явились герои, вожди поднялись,
И слабые сильных искали;
В долинах Скамандра вспылала вражда;
Но все богом мира была красота.

Из брани победа взошла наконец,
И кротостью силы сменились,
И музы запели в согласье сердец,
И храмы богам возносились;
Но дивной фантазии творческий век
Исчез, и на землю не снидет вовек.

Оставлен богами превыспренний трон;
Державная пала обитель;
Божественной Девой Младенец рожден,
Недугов земли исцелитель;
Волшебные сны человек отгонил
И думу живую в груди ощутил.

Исчез обольстительный призрак, чем мир
В цветущий свой век утешался,
И рыцарь железный пошел на турнир,
И инок в стенах бичевался.

Хоть век сей был мрачен, и дик, и суров,
Но кротко и мило в нем зрела любовь.

И музы под кровом святой тишины
Хранили алтарь свой смиренный,
И жило в груди непорочной жены
Все, что только было священо,
И песней огонь снова вспыхнул в груди
Пред девою верной, пред девой любви.

Так пусть же нежнейшие узы всегда
Певцов и красавиц связуют:
Они неразлучно, с рукою рука,
Достоин союз образуют.
В прекрасном слиянии песнь и любовь
Хранят юность жизни во веки веков.

Вологда
1843

ПРИМЕЧАНИЯ. Перевод стихотворения Ф. Шиллера «Die vier Weltalter» (1802). В его основу положена мифологическая периодизация истории человечества, описанная древнегреческим поэтом Гесиодом в поэме «Труды и дни» (VIII–VII вв. до н. э.) и римским поэтом Овидием в поэме «Метаморфозы» (начало I в. н. э.). История эта делится на четыре периода (века), каждому из которых соответствует какой-либо металл (золото, серебро, медь и железо). Золотой век, в котором царствовал верховный бог Кронос (римск. Сатурн), был периодом безмятежного счастья первобытного человечества. Приход к власти Зевса, сына Кроноса, знаменовал наступление серебряного века, когда люди вынуждены были добывать хлеб тяжелым трудом и перестали приносить жертвы богам. Уничтожив это поколение, Зевс создал из боевого копыя новых людей, превыше всего почитавших войны, и тем самым положил начало медному веку (веку героев). Третий период сменился для нас поныне железным веком – веком несчастных, жестоких, нечестивых, лишенных любви и стыда людей. У Шиллера медный век завершается расцветом античного искусства, а железному веку соответствует Средневековье, которое не было исключительно «мрачным, диким и суровым временем», потому что благодаря распространению христианства «кротко и мило в нем зрела любовь». В отличие от Гесиода и Овидия, история человечества представлена Шиллером не как история упадка, а как восхождение к неразрывному союзу красоты, любви и искусства, способному обеспечить «юность жизни во веки веков». Это предвосхищаемое поэтом состояние должно стать пятой эпохой, венчающей развитие человечества. ...сын Зевесов, искусный Гефест, Щита на блистательном поле И землю, и море, и орбиты звезд Иссек по божественной воле – в XVIII песни «Илиады» Гомера

подробно описываются изображения на щите Ахилла, изготовленном богом кузнечного ремесла Гефестом. ...*В долинах Скамандра вспыхнула вражда* – началась Троянская война, описанная в поэме Гомера «Илиада» (Скамандр – река в Малой Азии, на берегу которой стояла Троя). ...*Но все богом мира была красота*. – В греч. мифологии поводом к Троянской войне послужило похищение Елены Прекрасной, жены спартанского царя Менелая. ...*Державная пала обитель* – т. е. утратилась вера в античных богов. ...*Божественной Девой Младенец рожден, Недугов земли исцелитель* – речь идет о рождении Девой Марией Иисуса Христа.

КЕДРЫ В БОГОРОДСКОМ

День вечерел. Бледнел закат огнистый;
Разнообразный говор умолкал;
Проникнут был прохладой воздух чистый;
На старой церкви ярко крест сиял.
Под вашей сенью широко-ветвистой,
О кедры царственные, я стоял, –
И, внемля тихому ветвей шептанью,
Я предался сердечному мечтанью.

Свидетели давно протекших дней!
Вы зеленью одеты, как бывало;
А сколько крепких, как и вы, людей
Уже давно и невозвратно пало!
Но время, под навесом сих ветвей,
Сказаний о былом не начертало,
И сохраняют ваши рамена
Понятные лишь сердцу письма.

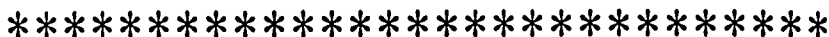
В саду обители уединенной
Вы были в юности насаждены,
И, как отшельники лесов, смиренно
Растете здесь, от бурь ограждены;
Лишь колокола голос вдохновенный
Вы слышите средь этой тишины,
Да соловей в час вечера прелестный
Вас услаждает песнью поднебесной.

Бывало, тот, кто сам здесь назначал
Для вас места святительской рукою,
Склонясь на жезл, задумчиво стоял,
Любуясь вашей тенью молодою,
И по себе на память начертал
Вкруг вас свой вензель влажною чертою,
И странник прочитает по прудам
Для вас святое имя – Варлаам.

И, погрузясь душою в размышленья
О жизни и делах минувших лет,
Услышит тихий голос поученья
Между ветвей: все суета сует!
А звезд небесных горние селенья,
Зари вечерней этот тихий свет,
И с колокольни колокола слово –
Проговорит ему о жизни новой.

<1844>

ПРИМЕЧАНИЯ. Реальная основа стихотворения описана в «Автобиографии» Иваницкого: «В 3 верстах от Устюга – Богородское, прежняя архиерейская дача. Она устроена при Елизавете пр<еподобным> Варлаамом. Там есть кедровая аллея; с колокольни видны все пруды, которые разрезают сад. Они образуют вензели П. В. Е. У. – т. е. пр<еподобный> Варлаам, е<пископ> У<стюжский>». Варлаам (Скамницкий) возглавлял Устюжскую епархию при Елизавете Петровне в 1748–1761 гг. ...*все суета сует!* – Цитата из Ветхого Завета (Екклесиаст, гл. 1, ст. 2).

Варвара Макшеева

ПОЭТУ

Да, не вечно нас пленяет
Счастье прелестью своей,
И не часто расцветает
Май отраднй для очей!
Как от бурь и непогоды
Вянут лучшие цветы,
Так в тяжелые нам годы
Блекнут счастья мечты.

Но порою тихим светом
В тяжком мраке грозных туч,
Как заря перед рассветом,
Дивно блещет ясный луч.
И твое пройдет ненастье,
Расцветет твоя заря,
И тебя проводит счастье
По долине бытия.

Ты под гул хвалы спокойно
Путь свой жизненный пройдешь
И на звучной лире стройно
Славу Бога воспоешь.

Асаново.
1837

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение адресовано В.И. Соколовскому.

СКАЖИ

Романс

Посвящено

Владимиру Игнатьевичу Соколовскому

I

Скажи, о чем ты умоляешь,
Когда, мечтательно-грустна,
Ты взор унылый устремляешь
Туда, где светится луна,

И, с гостьей чистого эфира
Деля заветные мечты,
Ты вдаль уносишься от мира
В края духовной красоты?

II

Скажи, о чем твоё мечтанье
Вчера в полуночной тиши?
Оно твой рай или терзанье,
Тоска иль радость для души?

Скажи, срываешь ли ты розы,
Полна ль отрады жизнь твоё?
Иль твой удел – святые слезы
Над горькой чашей бытия?

III

Скажи, не сумрак ли несчастья
Туманит взор твой огневой?
Иль ты не веруешь в участие
И грусть таишь в себе самой?

Тогда молчи, молчи ты, дева,
Священных тайн не открывай

И только стройностью напева
Мученье сердца усладдай.

16 декабря 1838.

Вологда

УТЕШЕНИЕ МАТЕРИ

На смерть дочери

Посвящено Е.А. Б....ой

Зачем хотите вы, чтоб в сладостные звуки
Я ваши горести старалась передать?
Ах, грустно, грустно мне, будя на сердце муки,
О горестном былом теперь напоминать!
Зачем вам вздохами и жалобой печальной
С почившим ангелом беседу заводить?
Зачем с унынием над урной погребальной
Нам слезы горькие, как прежде, снова лить?
И то создание, витавшее меж нами,
Та гостя светлая блистающих полей,
Захочет ли она, чтоб бренными словами
Душа наземная твердила все о ней?
И песня тихая к светлеющей долине
Домчится ли от нас посланницей святой,
Иль только здесь она, в безжалостной кручине,
Нам будет душу жать печалию немой?
Нет! сердце, возносясь к младой жилище рая,
Восторгом сладостным в нас будет трепетать,
И, очи смертные в лазурный свод вперяя,
Не будем мы на суд Предвечного роптать!
А ты, красавица обители надзвездной,
Которая меж нас сияла на земле,
Скажи, не лучше ли в стране твоей небесной,
Чем здесь, в погибельной, опасно-бурной мгле?
Не лучше ль там, чем здесь? Ты младостию вечной,
Воздушная, в раю невидимо цветешь;

В венце нетления, в отраде бесконечной
Ты с хором ангелов хвалы Творцу поешь.
Когда здесь мать твоя возносит с упованием
Молитву о тебе и, вся дыша тоской,
Сквозь слезы говорит с безропотным страданьем:
«Ты душу дочери, мой Боже, упокой!»,
Тогда слезу ее и скорбь души унылой
Ты видишь, светлая, с лазурной высоты,
И перед ней в тот миг, как дивное светило,
Блестаешь ты в лучах чистейшей красоты!
И в сердце полное вливаешь свет из рая
Рассказом сладостным о мире пресвятом,
И мнится ей тогда, что, вновь тебя лобзая,
Она живет с тобой, что ты в краю земном.
Но тень блаженная, красуясь пред нею,
Не здешним голосом с родною говорит...
Да, матерь нежная, ты с дочерью своею,
Но у нее теперь не плоти жалкий вид
Встречают весело увлажненные взоры,
О нет, она полна отрады неземной.
Какой венец на ней! какие разговоры!
Все дышит вокруг нее небесностью святой.
Слезу твою она лобзаньем отирая,
С улыбкой говорит: «Не сетуй обо мне,
Я счастлива теперь; не плачь, моя родная!
Блаженства моего не высказать тебе!
Но я молю тебя... с слезами оставляла
Я в вашем мире здесь малюточек своих, –
Живи для них, мой друг! Тебе их завещала,
Их должно в небеса ввести с полей земных;
Я жду их в Божий рай! об них я вспоминаю,
И к ним лечу душой бесплотною своею...
Но их сиротками я в мире не считаю;
Я мать – и матери оставила детей!»

И вот, обняв тебя, исчезла тень младая,
Как птичка райская, сокрылась от очей,

И, гимн Предвечному с весельем запевая,
К отчизне понеслась заоблачной своей...

<1839>

ПРИМЕЧАНИЕ. Адресат стихотворения не установлен.

ПРОШЕДШЕЕ

Что прошло – невозвратно!..

Жуковский

В сердцах людей всегда живет воспоминанье
О чувствах, радостях былых;
Оно, как легкое эфирное сиянье,
Блестит средь сумраков земных!

Мечтательной душе минувшее священо,
Ей мило то, что уж прошло,
И в области ее, мечтами осененной,
Оно себе приют нашло!

Как сладко вспоминать, что душу восхищало
Высоким чем-то, неземным,
Что наше существо мгновенно наполняло
Восторгом искренним, святым!

Ах! есть ли в свете тот, кто, в думе утопая,
Смотря на солнечный закат
И взор свой пламенный на запад устремляя,
Не вспомнит времени утрат?

В пучину волн морских ты шар свой погружаешь,
О солнце! прелесть, свет очей,
Теперь свой путь дневной торжественно кончаешь,
И гаснет огонь твоих лучей!

Прости, хоть завтра вновь блестящими очами
Ты дивный свет свой разольешь...

Но ты, Прошедшее, ты с новыми лучами
И новым солнцем не взойдешь!

Лишь в памяти людей ты можешь вновь родиться,
Душа – граница для тебя;
Ты новым существом в ней можешь оживиться,
Молчанье вечное храня!

В сердцах людей всегда живет воспоминанье
О чувствах, радостях былых;
Оно, как легкое эфирное сиянье,
Блестит средь сумраков земных!

<1839>

ПРИМЕЧАНИЕ. Эпиграф – из баллады В.А. Жуковского «Людмила» (1808).

ВСЕГДА Я ЛЮБИЛА

Всегда я любила час полночи сладкой,
Отраднo-святую его тишину;
Всегда я любила, от шума украдкой,
В безмолвном восторге глядеть на луну!..

Как часто, пленившись ее красотой,
Встречала я гостью спокойных ночей –
И сердце пылало высокой мечтою
При отблеске ясных и мирных лучей!

И сердце привыкло к восторгу святому:
И ту, огневую, душой люблю,
Я ей простодушно, как другу родному,
Как матери нежной, вверяла себя!..

И тайные думы, и пламень мечтаний,
И горе, и радость делила я с ней,
И в час вдохновенный безмолвных свиданий
Все с тою подругой светлело ясней!

И чистые думы, пылая огнисто,
Собой освещали мой внутренний мир,
Как ночи красотка, струей серебристой
В сияние рядит бездонный эфир!..

Когда от печали, от грусти глубокой,
От раны сердечной заност душа,
Тогда я люблюсь, как в тверди высокой
Луна хорошеется, блеском дыша!

Как томно и пышно лучи разливает,
И тайною полнит лазуревый свод,
И, кажется, горе людей понимает,
В причину страданий вникая с высот!

И тот, кто сроднится с унылой тоскою,
В ком сердце не ищет отрады земной,
Тот сблизится дружно с душевной мечтою,
С приветностью дивной царицы ночной, –

Питается блеском лучей благодатных,
Им грусть утоляет, как сладким питьем,
И едкую горечь о днях невозвратных
Чудесно врачует на сердце своем!..

Асаново

<1839>

К СЕРДЦУ

На разлуку с друзьями

Дни отрадны! где сокрылись
Ваша светлость и красы?

Капитист

Давно ли ты, сердце, так радостно билось
Под ласковый говор мечты?
Давно ли в блаженстве, как в море, носилось
Над бездной мирской суеты?

Давно ль, как младенец, к бедам равнодушный,
Ты, верное счастья звезде,
И светлой дорогой так тихо, радушно,
Спешило навстречу беде?

Давно ль говорило: «Как жизнь ненаглядна!
Как весело в здешнем пути!
Как все здесь светлеет роскошно, отраднo», --
И сладостно билось в груди?

А тайное чувство, о скорби гаданье,
Мелькало, как тень, впереди.
«Оно, – ты шептало, – пустое мечтанье», --
И вновь сладко билось в груди!

Но счастьем есть мера: бедам есть начало!
Не вечно ж нам тешить себя,
Недаром ты, сердце, беду предузнало –
Она уж искала тебя!

Ты здесь находило трудов испытанья,
Ты встретило рано грозу
И в очи послало, как язву страданья,
Горячую скорби слезу!

Как свежей рососою, как утра прохладой
Живилось ты лаской друзей,
И к ним ты стремилось нередко с отрадой,
А часто и с грустью своей.

Их чистою дружбой давно ль наслаждалось?
Но нам ли бороться с судьбой?
Она над блаженством твоим посмеялась –
И вот уж и нет их с тобой!

Покорствуй ей, сердце! терзаясь печалью,
Не сетуй на скорби свои

И помни: далеко за синею далью
Сочтутся все слезы твои.

<1839>

ПРИМЕЧАНИЕ. Эпиграф – из «Оды на уныние» (1796) В.В. Капниста.

МЕЧТА

Une illusion? Voilà notre bonheur!

Кому запрещено мечтать и восхищаться,
Кто может на земле тоскующей ирожить,
Чтоб изредка мечтой в душе не наслаждаться
И ею, как росой, свой дух не оживить?

Мы, часто горечью терзаясь бесконечной,
Взираем холодно, с душевной пустотой,
На светлый пир земли. Тогда наш пыл сердечной,
Блистая и лучась священной красотой,
Возносит нас туда, где дивно засияет
Для нас бессмертная, нездешняя заря,
Где радость нам с высот объятая простирает,
Где духи светятся, предвечностью горя!

И я, с беспечностью игривой ожидая
Все то, что мне сулит безвестность дней моих,
Я царствую в мечте! Она мне жизнь другая,
Моя сопутница, мой друг в полях земных!
Она мою слезу нередко отирала,
Шептала с лаской мне: невгодам есть конец!
И, счастья вестница, она цветы вполетала,
Наместо терния в мой жизненный венец!

Ты звал ее к себе, любуясь пышной Волгой,
И я сказала ей: «Крылатая, несись!
На юге погости, постранствуй там недолго
И с новой свежестью на север воротись!
Про волжские края, про берег вдохновенный,

Про дальние красы мне повесть расскажи,
И кистью чудною ты мне свой путь мгновенный,
Обратно прилетев, роскошно опиши!»

<1839>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Une illusion? Voilà notre bonheur!* – Мечта? Вот наше счастье! (Франц.)

МОЕ ГОРЕ

Tombez, larmes silencieuses,
Sur une terre sans pitié!
La Martine. Harm. Poet.

Я слышу, говорят: «О чем она мечтает,
Что за печаль в семнадцать лет?
Заботы никакой она еще не знает,
Так для нее и скорби нет!»

А я спрошу: «Зачем так скоро, торопливо
Решать душевный мой вопрос
И говорить, что я грущу несправедливо,
Что я не знаю жгучих слез!

Что стих мой траурный, унылое мечтанье –
Игра фантазии пустой,
Как будто для меня не создано страданье
И незнакома я с бедой!

Вы сами знаете: всегда ль равно прекрасен
Весны сапфирный небосклон.
Теперь вы смотрите: он чист и чудно ясен,
А иногда – как мрачен он!

И сердце юное порой печали знает,
И не всегда в нем счастья храм,
Порою из него к лазури долетает
Священной скорби фимиам...

Так почему ж и мне обильными слезами
Цветов весны не оросить?
Судьба возьмет свое, придется же с грозами
Когда-нибудь знакомой быть!

Но, верно, скажут мне: к чему же торопиться,
Ведь сердце радостно твое,
Так погоди, поверь, успеешь нагруститься,
Отживши счастье свое!..

И вот, забыв печаль, с беспечностью игривой
Я оглянусь на Божий мир;
Я жажду радостей: душой нетерпеливой
Готовлю чувствам чудный пир!

И что ж? На той земле, где многие ликуют,
Любуясь долею своей,
Их братья кровные сиротствуют, тоскуют,
Не зная в жизни светлых дней!

Здесь слышен плач сирот, там мать детей лишилась
И жизнь в отчаянье клянет;
Там едких горестей семья соединилась
И дружно странника гнетет!

Здесь сердце робкое от равнодушных взоров
Скрывает грустную мечту;
А там отчаянье потоками укоров
Мрачит терпенья красоту!

Везде все горестно, везде здесь слезы льются,
И всем из бед сплетен венец;
Вблизи и вдалеке лишь вздохи раздаются
Бесцветных, горестных сердец!

И мне веселой быть! мне голову младую
Цветами счастья украшать,
И жизнь несчастного страдальчески-святую
Забвенью в сердце предавать!

О, нет! я удалю младенческую Музу
От мест, где жизнь отрад полна;
С сердцами грустными священному союзу
Да будет ввек она верна!

Да будут вздохи ей залогом вдохновенья,
Небесной искрой Божества,
А благодарный взор и слезы умиления –
Чистейшим лавром торжества».

<1840>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Tombez, larmes silencieuses, Sur une terre sans pitié! La Martine Harm. Poet.* – Падайте, тихие слезы, на безжалостную землю! (Ламартин. «Поэтические и религиозные гармонии».)

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Голубое небо
Вдруг покрылось тучей,
Молодое сердце
Омрачилось горем.
Ах, зачем ты, небо,
Вдруг покрылось тучей?
Отчего ты, сердце,
Омрачилось горем?
«Набежала туча», –
Отвечает небо.
«Посетило горе», –
Говорит мне сердце.
Но нельзя ли тучу
С голубого неба
Свеять южным ветром?
Нет ли средства горе
Молодого сердца
Разогнать весельем?
Нет, густая туча
Разольется влагой

И дождем отбрызнет;
Обольется сердце
От земного горя,
Как дождем, слезами.
Как промчится туча –
Солнышко проглянет
На прозрачном небе;
А пройдет кручина –
Радость заблестит
В обновленном сердце.

<1840>

ДУМЫ ПОЭТА

О! много дум в душе Поэта
Небесно-чистых, огневых,
И полных жизни, полных света,
Но речи смертных – не для них!
Да! их не высказать словами,
Им звуков нет в стране земной.
Порой волшебными роями,
Согласно-дружною толпой
Они слезают с выси дальной
К страдальцу в горестную грудь
И к новой жизни идеальной
Ему указывают путь.
Порой огнистою струею
Они невидимо блещут
И ярко-пламенной звездой
В душе восторженной горят!
Порой отрадным, тихим пеньем,
Когда все полно тишины,
Они звучат – и вдохновеньем
Аккорды стройные полны.

О! хорошо тогда Поэту
В священной храме души,

Незримой гибельному свету:
Он с ними царствует в тиши.
И в этом храме все прекрасно:
Там гости неба собрались,
В воздушном хоре чудно-ясно
Их речи сладкие слились.
Там нет наземных разговоров,
Там нет оков святым мечтам,
И от угрюмо-злых воров
Не леденеет сердце там!
Да! целый мир очарованья
Тогда в Поэте заключен,
В минуты горя и страданья
Отраднo сладок сердцу он!
И эти думы, эти грезы,
Они нам милы в лютой час,
Когда струятся перлы-слезы
И счастье прочь летит от нас!
Они благими небесами
Даны нам щедро в жизни сей,
Чтоб мы не пали под цепями
Земных несчастий и скорбей,
Чтоб, ими чувства услаждая,
Неслись далеко от земли,
Туда, где блещет светом рая
Награда лучшая вдали.

<1840>

НА СМЕРТЬ Н.И. Н<АВАШИНА>А

Здесь пепел юноши безвременно сокрыли:
Что слава, счастье, не знал он в мире сем,
Но музы от него лица не отвратили,
И меланхолии печаль была на нем.

Жуковский

Его уж нет!.. Как рано он укрылся
От козней зла, от горестей земных;

Как рано он к отчизне удалился,
К отчизне душ высоких и святых!

Его уж нет!.. а юношам порою
Земная жизнь пленительна на вид,
Им будущность, вдали горя звездой,
Так много благ, изменница, сулит!

И, может быть, она ему когда-то,
Являясь в убранстве красоты,
Сулила век роскошливо-богатой
И счастья венчаные мечты!

Он верил ей в минуты заблужденья,
Ее ловил, как чудный идеал,
Но, в светлый миг душевного воззренья,
Он всю тщету наземного узнал!

Он разгадал, что в области страданья
Отжившее не оживает вновь,
И улетел, как светлое созданье,
В тот дивный край, где царствует любовь!

Он был поэт: его душа любила
Парить к дали и плавать в море слез,
А здешний мир – поэзии могила,
И он ее оставил для небес!

Он кроток был, а кроткими сердцами
Так часто здесь играет род людской!
Их ждет Творец за дальними звездами!
Он это знал – и там нашел покой!

Он воспарил к чертогам совершенства
И голубем взвился в родной предел,
А там познал в разлитии блаженства
Всю красоту чудесных Божьих дел!

<1841>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Н.И. Навашин* – выпускник Петербургского университета, учитель словесности, участник литературного кружка Ф.Н. Фортунатова при Вологодской гимназии, в который входила и автор стихотворения. Эпиграф – из стихотворения В.А. Жуковского «Сельское кладбище» (1802).

НОВОЕЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Как лебедь, выплыл ты из озера святого
И крылья распростер над светлою водой,
И всех манишь к себе, приют души больной,
Небесной силою спасительного слова!

Как много святости, как много благодати
Обитель иноков сокрыла от людей,
Какою райскою отрадой дышишь в ней!
И этот светлый сонм молящихся собратий,
И эти стройные, живые голоса,
Все, все возносит ум к заоблачным селеньям,
И льется благодать на душу, как роса;
И там чужда душа всем дольным треволнениям!
Так! небом веет здесь, надзвездной жизнью веет,
Здесь, мнится, Божество доступнее для нас,
Здесь скорбь утешена, здесь вера сердце греет,
И сладостной мольбой здесь полон каждый час!
Святые иноки, сподвижники Христовы!
Как сердцем праведным не радоваться вам?
Для вас на небесах венцы уже готовы
И ждут вас ангелы к Эдемским сторонам!

<1842>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Новоезерский монастырь* – Кириллов-Белый Новоезерский мужской монастырь, расположенный на острове Красном посреди озера Нового в окрестностях г. Белозерска (основан ок. 1517 г). ...к *Эдемским сторонам* – т. е. в рай.

Фома Вахрушев

ГУСАР

Повесть в стихах

А теперь что вижу – страх!
И гусары в модном свете –
В вицмундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете.

Денис Давыдов

I

Когда приезжий из столицы
В уездном городе гостит,
То нет ему в любви границы,
И наслаждаться он спешит;
Себе соперника не видит,
И знает, что не избидит
Его уездный скромный франт
Или какой-нибудь педант.
Зевают матушки невольно
От фраз блистательных его,
А он, проказник, оттого
Пред дочерями своевольно
Ведет заманчивую речь
И в ней касается до плеч...

II

Его способностям там праздник,
А остроумию простор;

За эпиграмму там, проказник,
Умильный получает взор.
Одет по форме иль по моде,
Он там проказит на свободе:
Танцуя с барышней, шалит –
И по-французски говорит...
И как он, Боже, вальсирует,
Любуясь барышней своей!
Как мило кланяется ей!
И как опять ангажирует
На предстоящий котильон
Танцовщицу другую он!

III

А между тем уже сатиру
Проказник милый сочинил
И образованному миру
Тайком по почте сообщил.
Со скрытым взором, скрытной миной
За всем он следует в гостиной,
И так-то он исподтишка
Все видит взглядом знатока.
А на квартире от безделья
Возьмет свои заметки он –
И прошлым балом рассмешен,
Насмешку злобного веселья
Тотчас бумаге предаст
И в радости грентвейн пьет.

IV

И, наконец, провинциальной
Соскучась жизнью вполне,
Бросает город он печальный,
Над ним смеясь в тишине.
В губернском городе явившись,
Со всеми вновь ознакомившись.

И в нем он так же жизнь ведет,
И так же он с ума собьет
Благовоспитанную дочку
С ее подругой молодой...
Но видит он: пора домой,
Уж скоро кончит он отсрочку –
И вот провинции поклон,
Чтоб снова взяться за bon ton.

V

Довольно будет предисловья,
Пойдемте дальше налегке.
Пошли нам, Господи, здоровья
Пожить в уездном городке:
Позвольте скрыть его название.
«Цветет ли в нем образование?» –
Быть может, будет ваш вопрос.
Но географ, повеся нос,
О том перед публикой скрывает.
Не мудрено, тут тайна есть.
В желанье цифры предпочесть
Он бойко жителей считает:
Семь тысяч, больше ничего
Нет в географии его.

VI

Но в сих местах уединенных
Увидеть можно чудаков –
Ценителей для незабвенных
В веках двенадцатых годов...
Вам одного наименую
Сейчас же я. Рекомендую:
Савватий Карпович Сульбин,
Помещик мирный. Он один
Своим поместьем управляет;
Имеет в городе он дом
С таким огромнейшим крыльцом,

Что если подданных собирает
На упомянутом крыльце,
Так много места на конце.

VII

Он тридцать лет на пользу мира
Служебной жизни посвятил
И, вышед с чином бригадира
В отставку, крестик получил.
Хоть мало был в делах военных,
Зато любил о незабвенных
Двенадцатых годах судить,
Дела героев приводить
Ко стратегической оценке.
Чтобы ясней судить о том,
Бывало, сядет пред окном
И нарисует на простынке
Все, что придумывал Барклай,
И скажет гостю: «Разбирай!»

VIII

Ему уж сорок миновало,
Пять лет в отставке прожил он;
Счастливица сердце не страдало,
Ни разу не был он влюблен
(Он честью заверяет в этом),
Вел дружбу он с своим соседом,
И с ним в размолвке не бывал:
Когда войну он объяснял,
Молчал сосед неговорливый.
Сосед его – исправник был,
И только мужиков судил;
А об оценке справедливой
Он и не думал – потому,
Что нужды не было ему.

IX

Они однажды рассуждали,
В простенок пристально глядя
(Чертеж военный разбирали,
Дела минувшие судя);
Вдруг колокольчика бренчанье
Соседей искренних вниманье
От их простенка отвело
И слух их очень заняло,
И, наконец, он умолкает.
И все еще они глядят
И ничего не говорят.
Вот чрез заставу проезжает
Коляска, минула собор –
И вмиг к исправнику на двор.

X

И вот исправник изумленный
Встречать приезжего спешит.
Какой писатель вдохновенный
Его восторг изобразит –
Особенный, не то чтоб нежный!?
Они встречаются поспешно,
Как бы старинные друзья.
Сказать по правде должен я,
Что уж они между собою
Познакомились давно...
Вот гостю подано вино,
И гость, ниспосланный судьбою,
Жуэта пенистый бокал
В своей руке не задержал.

XI

И о себе скажу я лично:
И я шампанское люблю.
Покуда пьет наш гость вторично,

Тотчас я вас познакомлю
С приездом этим из столицы.
Наверно, с первья страницы
Вы ожидаете его.
Итак, героя моего
Имею честь я вам представить:
Алинин, молодой гусар!
И ветренность, и сердца жар,
И смелость, и, еще прибавить,
Его презрение к молве
Прославили его в Москве.

XII

Какие делал он интриги,
И как он с женщиной шутил!
Он романтическая книги
Сюжет всегда б осуществил.
По службе ревностный блюститель,
Он вне ее был соблазнитель;
И скоро с женщиною он
Всегда бывал ознакомлен.
Его отец, в Москве известный
Помещик-барин (на Тверской
Я знаю дом его большой),
Сему исправнику был крестный
И, говорят, его родня:
Но в этом не ручаюсь я.

XIII

Когда Алинин был малюткой,
Исправник будущий у них
На воспитанье жил. Мишуткой
Его зывали. Глуп и тих,
Нередко он за пряник сладкой
Служил Алинину лошадкой.
Когда ж он грамоту узнал,
Старик Алинин отослал

Его для жительства в поместье;
При управителе он там
Вполне привыкнул к мужикам;
Как раз помещику известье
Дошло, что Мишка поумнел
И к делу очень наторел.

XIV

И впрок пошло ему ученье
И Бог его не оставлял:
О нем пеклося Провиденье,
И он в исправники попал.
Итак, его ласкало счастье, —
Тому помещика участие,
Конечно, очень помогло.
Довольно времени прошло,
Как он в исправническом чине
Явился в этот городок;
И хоть по старости он строг,
Но добр за доброе и ныне
Об управителях молчит
И никогда их не бранит.

XV

Михайлу Минычу дал крестный
Свою фамилию; он им
Женат на дочери прелестной
У управителя. Двоим
Не скучен им сей город штатный,
Уединенный и приятный.
И точно, мирно в нем они
Вели супружеские дни.
Они никак не ждали новость,
Чтоб их гусар наш посетил;
Имея отпуск, поспешил
Он к ним военную суровость

Согнать с души своей в гостях...
Но вот исправница в дверях.

XVI

Совсем невинным обращеньем
Жену исправника гусар
К ее руке прикосновеньем
Умел привести в приятный жар,
И он выходит на ланиты.
Как мило, наскоро завиты,
По щечкам локоны висят:
То так черны, то так блестят,
То своевольно выставляясь
На миловидное лицо,
То завиваяся в кольцо,
То к черным глазкам приближаясь!
Ах, как пленительна она,
Гусаром в стыд приведена!

XVII

Когда в деревне подмосковной
Она цвела в семье родной,
Тогда с Еленю Петровной
Уж был знаком гусар лихой.
И вот знакомку он находит,
На память прошлое приводит,
И тотчас вспомнил он те дни,
Когда видалися они;
И вспомнил первую он шалость...
Так быстро минуло шесть лет
И пять тому, ее как нет
У них в поместье. В сердце жалость
Ему запала, а она
Почти до слез доведена.

XVIII

Блаженной памяти старушка,
Гусара мать, жила с ним
В поместье часто. Там ей мушка
Была занятием таким,
Что ей свободы не давала:
Она играть не уставала,
И кто бы ни приехал к ней,
Того за карты поскорей
Садила с важностью степенной...
Но как же жил ее там сын?
Он без надзора жил один,
Нередко виделся с Еленой;
И начал он, друзья мои,
Еленой поприще любви.

XIX

Хотя она была постаре
И так невинна, так умна,
Но все ей нравилось в гусаре,
И предалась ему она
Так бессознательно, так нежно...
И вот проходит год поспешно,
И вот она уж за другим,
Рассталась навеки с ним...
Представьте ж радость их свиданья,
Их неостывшую любовь,
И, наконец, возможность вновь
Достичь им сладкого лобзанья,
Хоть ненадолго, хоть на миг:
Довольно и того для них!

XX

Но вот в любовниках волнение
Уж незаметно, уж прошло;
Но сколько сладких умиление

В душах их дум произвело!..
Они в различны разговоры
Душевные устремляют взоры,
И речь, как будто наизусть,
Из улыбающихся уст
Лится с живостью чудесной.
Исправник с ними говорит
И косо на камин глядит.
А Лёня радости небесной
Так в обращении полна,
Что чуть в приличии она.

XXI

Скажу ли то перед тобою,
Читатель просвещенный мой,
Что в час стоустною молвою
От этой заставы к другой
Приезд гусара стал известен?
Но правде ложный слух совместен;
Так точно было и сейчас,
И так бывает каждый раз,
И ныне тайно говорили,
Что это не гусар, что им
Incognito явился к ним
Сам губернатор. Знать, забыли,
Что он шестидесяти лет,
Или ко лжи привык так свет?

XXII

Прошла неделя. Наш приятель
Неделю с Лёней проводил.
Ты догадался, мой читатель,
Что на балах не раз он был:
Он видел странности градские,
Чем наша славится Россия:
И этот обращенья тон –
Поклоны вам со всех сторон,

Парижа моды наизнанку,
Чем бредит город наш насмерть,
На чайных блюдечках десерт,
Гудящего на скрипке Ваньку.
Все это вы, уверен я,
Видали, милые друзья.

XXIII

Глухие слухи совершенно
Исчезли в жителях тогда,
Когда гусар непринужденно
На балах первый завсегда
Бывал участником в кадрили.
С тех пор спокойно говорили,
Что приезжающий – гусар.
И, Боже мой, какие в дар
С тех пор красавицы улыбки
Гусару слали, как пред ним
Восторгом таяли немым!
Оне, замечу без ошибки,
С тех пор влюбились все в него,
А только он и ждал того.

XXIV

По силе клятвенных условий
Умел Алинин предпочесть
В сей дон-жуановой любви
Жену исправника. Привесть
Он не хотел ее в унылость
И тем оказывал ей милость.
И так внимательна к нему
Была Елена потому,
Что он делился с нею чувством,
Что проводил с ней вечера.
Признания et cetera
С живым кокетственным искусством

Гусар разыгрывал пред ней
И называл ее своей.

XXV

Гусар, любитель приключений!
Я о тебе забыл сказать,
Что ты хорошенький, Евгений,
Каких на свете поискать.
Моим читательницам нежным,
Быть может, временем мятежным,
Во сне явился ты, злодей!
Гусарской смелостью своей,
Быть может, приводил их в трепет
В невозмущенной тишине,
И вдруг, на ухарском коне,
Не внявши их прощальный лепет,
От них скакал ты с быстротой
Непостижимою, живой...

XXVI

Шесть раз хорошенький Евгений
Уездны балы украшал,
И двадцать разных приключений
В своих заметках записал...
Тогда, как сделал он визиты,
Градоначальник знаменитый
Дал бал гусару моему
Затем последовал ему
Его сосед, уездный лекарь;
Затем дал бал градской глава;
За ними вслед давал аптекарь.
А бригадир не делал бал,
Наедине с ним толковал.

XXVII

Признаться надо, неудобно
О нем все мелочи писать.
И для чего же вам подробно
Его победы узнавать?
Замечу лишь, ему отказу
Ни в чем здесь не дали ни разу;
Куда б он взор ни обращал,
Везде успехи он встречал...
И как искусно он заводит
Свои интриги! как всегда
Он без малейшего труда
Одну перед другой проводит
Жеманных женщин! как порой
Он смел пред девушкой молодой!

XXVIII

Не говорю я о причине
(Тут, может, Лёни тонкость есть),
Что бала не давал донине
Михайло Миньч гостю в честь:
Затем, что это чрезвычайной
Считал и сам исправник тайной.
Он, может, думал: сделал бал,
То так, за тысячу чтоб стал,
А не такой, чтоб в сотню, в двести;
Уж щегольнуть, так щегольнуть
Блистательно, не как-нибудь.
И, может, думал он о чести:
Чтоб не сказали бы чего
О поведении его.

XXIX

Уж две недели мой Евгений
В уездном городе гостит:
И много сладких впечатлений

На сердце страстном он хранит
И волокитство продолжает.
И вот он Лёню вызывает
Просить супруга сделать бал,
Где б с нею он потанцевал,
Еще свободней балов прежних.
Очаровательно мила,
Елена тотчас начала,
С улыбкой кроткой, в фразах нежных,
О сем супругу намекать.
Тот начал было возражать,

XXX

Но скоро, ею убежденный,
Он согласился сделать бал.
К ней от души расположенный,
Вполне он ей предоставлял
Распоряжаться балом этим.
И мимоходом мы заметим
О заседателе, что он
Был не Еленой принужден
Уезд объехать по-курьерски.
Понятно кем. Вот вдалеке
По волостям он налегке
Катает тройкой и по-зверски
Дерет крестьян... принуждены
Подарок делать старшины.

XXXI

И попустило Провиденье
Его тайком ревизовать
Савватья Карпыча владенье.
Не медля, стал туда катать
На обывательских он лихо.
В деревне было очень тихо,
Когда в нее приехал он.
Вдруг мужики со всех сторон

К нему явились, шапки скинув.
Лет двадцать доброю судьбой
Не был нарушен их покой.
Они стояли, рты разинув,
Покуда дядя Никанор
Не созвал всех к себе во двор.

XXXII

Когда ж тут начал заседатель
В их управление вникать;
Когда о взятке обиратель
Стал бестолковым намекать;
Когда, исправная хозяйка,
Неугомонная нагайка
Из рук служебных казака
Раз ошерстила мужика,
Что кровь явилась сверх рубашки
Для памяти об этом дне,
Тогда невольно по спине
У всех забегали мурашки,
И были все не лишены
Подобной участи спины.

XXXIII

Смутилось целое владенье
При положении таком.
Но, наконец, по рассужденье,
От заседателя тайком,
Отправлен в город был нарочный...
Везде храня порядок точный,
Я здесь замечу, что посол
К помещику поспешно шел:
Пять верст бежал не отдыхая
И вмиг владельцу объявил,
Как заседатель поступил,
И истина пред ним нагая

Была доказана вполне
Пятном на жестком полотне.

XXXIV

Тотчас, не медливши нисколько,
Он за исправником послал,
С ним объяснился очень колко,
Но скоро хладнокровен стал:
Все это правда, не натяжка.
За то исправник наш, бедняжка,
Как у простенка мучен был!
Зато и сам он говорил
С помещиком часа четыре;
В приноровленной простоте
Судил он о Бонапартé,
Как бы о лучшем бригадире.
Так, ссоры чужды искони,
Сильней сдружилися они.

XXXV

И лишь исправник возвратился
Отсель задумчивый домой,
На тройке вслед ему явился
Его помощник удалой:
Так точно, милый мой читатель,
То был уездный заседатель.
С какою лаской встречен он,
С каким усердьем угощен,
Изобразить все это трудно.
Когда ж дошло до дележа,
По-губернаторски лежа,
Как проникательно, как чудно
Исправник сбор весь угадал,
А то, что следовало, взял.

XXXVI

И вот они за пуншем вкусным
О том толкуют, о другом;
Речам вверяется изустным
И то, что мыслим мы тайком.
Так и на этот раз, быть может,
Их мысли разговор тревожит
О взятках: чтобы тайна их
Не стала тайною других.
При этом случае исправник
Так заседателю сказал:
«Ну, я никак не полагал,
Чтобы решился ты, забавник,
Пугнуть помещичьих бедняг –
Да что уж взять: кто бос, кто наг».

XXXVII

Он объяснил ему, что знает
Сосед ревизию его,
Что, впрочем, он не затевает
Об этом ровно ничего.
Затем еще поговоривши,
Ещё порядочно попивши,
Они по-братски обнялись
И дружелюбно разошлись:
Наш ревизор в свою квартиру,
В дом Цечещековой, вдовы,
О коей, я уверен, вы
Мою настроенную лиру
Не станете обременять,
Чтоб биографию писать.

XXXVIII

Я продолжаю: наш хозяин
Идет, шатаясь, к жене.
Пред ней он не скрывает таин

И говорит наедине,
Чтобы она похлопотала
Для предназначенного бала
Все приготовить, запасти.
Он не забыл ей принести
На то три кучки депозиток,
Что приобрел он дележом.
«Что кучка -- сотня серебром,
Пересчитай... Да нет ли ниток
Или снурка? Перевяжи
Да бережливее держи».

XXXIX

Читатель! верно, не заставишь
О сборах к балу толковать
И мне работу предоставишь --
Бал незабвенный описать?
Уж вечер наступил желанный.
И вот и званный и незванный
На бал к исправнику спешит;
Толпа веселая шумит
У освещенного подъезда;
Старинных дрожек длинный ряд
Все прибывает; и шумят,
По малому пространству места,
Между собою кучера,
А в близкой кухне -- повара.

XL

Вот поднимается, толкаясь,
Аристократия наверх;
Где всяк, с хозяевами встречаясь,
О здравье спрашивал да сверх
Того-сего хвалил погоду.
«Какое множество народу
К нам собирается на бал, --
Евгений сам себе сказал,

Любуясь чистотой собранья, –
Тут есть: чиновники, купцы,
Дворяне, матери, отцы,
И дочки, милые созданья,
И малолетни сыновья,
И, между прочим, попадья.

XLI

Меж ними много я встречаю
Знакомых барышень и дам...
Пускай накушаются чаю,
А там занятье будет нам».
Вот, с взмахом Ваньки-чародея,
С ним два какие-то еврея
(Один на скрипке, как Иван,
Другой – в турецкий барабан),
Взыграли польский: «Гром победы».
Толпа уж больше не шумит,
И тише каждый говорит,
И прерываются беседы;
И вот гостиная пуста –
Вся вышла в залу красота.

XLII

И вот гусар ангажирует
Дочь городничего; им вслед
Почтмейстер хилый торжествует
С купчихой двадцати трех лет;
За ними шел с женою лекарь;
За ними шел с женой аптекарь;
За ними шли учителя,
Переменив супруг; тут тля –
Поэт, уездный самоучка,
С градоначальницей больной;
Тут живописец молодой
И протопоповская внучка;

Хозяева; а тут парá –
Две барышни; et cetera.

XLIII

Потом музýка загремела
Кадриль французскую нежней...
Елена близ гусара села –
И как приятно стало ей.
И как проказит мой Евгений:
Среди различных рассуждений
Какие глазки строит он
И как, нимало не смущен,
Ее касается колена
Своими брюками, и вмиг
Он быстро отдаляет их.
Еще пленительней, Елена
Гусаром вольным смущена,
Стыда приятного полна.

XLIV

И вот он с ней кадрили танцует
В четыре пары; и опять
Тотчас ее ангажирует
Лихой гусар вальсировать;
И вот они одни кружатся;
Им все, безмолвные, дивятся,
И даже сказанный поэт
Боится им пуститься вслед...
Невольно все к стенам прижались,
И только толстый бригадир
От прочих отделил мундир.
Лишь с ним танцоры поравнялись,
В толпу податься он хотел,
Да растерялся, не успел.

XLV

И складки розового платья
Его коснулись как раз...
Прощай стратегия, занятья!...
Уже потерян он для вас.
Все помыслы души высокой
Убиты юбкою широкой...
Один случайный нежный взор
Разрушил все: и разговор
Не будет у простенка слышен...
Иная страсть волнует кровь
Савватья Карпыча: любовь!
И в чувствах он теперь излишен:
То хочется ему любить,
А то – Евгений погубить...

XLVI

И вот вспотевшие танцоры
Садятся тихо по местам;
И снова слышны разговоры;
И многочисленным гостям
Настало снова угощенье:
Мороженое и варенье
Им то и дело что несут;
А вот и кофе подают
И с ним пирожного подносы;
А вот, кто хочет, шеколад;
А вот и мед и лимонад.
Живей рассказы и расспросы,
И каждый начинает речь,
Желая сам себя развлечь.

XLVII

Чу! слышите ль, музыки грохот
Зовет гостей на котильон;
Беседы прерваны, и хохот

В гостинной тотчас прекращен;
И снова танцы начались.
Ты, молодость, танцуй, резвися,
А мы на старость поглядим.
Итак, в диванную спешим.
Старушки (Рембрандта в картинах
Такие есть), смотря в очки,
Играют молча в дурачки;
Порой в морщинистых их минах
То добродушие блеснет,
То след промчавшихся забот.

XLVIII

А вот мужчины в кабинете
В бостон играют в три стола;
Но не игра у них в предмете –
Обыкновенные дела:
Отведав пунш, довольно сладкий,
Они беседуют над взяткой –
Одни о службе, о чинах,
А те о разных новостях;
Тут три купца, не прекословля,
Употребляя слово «брат»,
Между собою говорят,
Что явно падает торговля
У них в уездном городке,
К невыразимой их тоске.

XLIX

Кто о войне толкует турка,
Кто о французе говорит.
Но в зале, Боже мой, мазурка
На голос Пушкина гремит.
Забудем тяжкую разлуку,
Читатель милый! руку в руку,
И встанем вместе мы с тобой
Меж суетящейся толпой;

Прошедшую вспомним младость,
Вспомним первую любовь,
Когда в нас так играла кровь
И приносила нам то радость,
То грусть, то сладкую печаль...
Ах, как же юности не жаль?!

L

Но для чего молодые лета
Напрасно нам припоминать?
Уж знаем мы, что́ опыт света,
И их нам в жизни не видать.
Начто же тем себя тревожить,
Что может в нас печаль умножить?
Любой повеса молодой
Напоминает нам собой,
Какие прежде мы бывали...
Так это в сторону, друзья,
И повесть продолжаю я.
И вот опять затанцевали
Опять любовники парá,
А тут им вслед et cetera.

LI

Как милым дамам мой Евгений
Тайком свиданья назначал,
Как он, любитель приключений,
К свиданьям девушек склонял,
Как танцевал он с этим цветом, —
Распространяться мы об этом
Не станем здесь, читатель мой.
Воображения игрой
Ты все себе представил живо:
Уездный выговор речей
И слов французских (что, ей-ей,
Почти всегда несправедливо),

И танцы барышень, и в них
Уже проказниц молодых.

LI

Конечно, ты себе представил
Кокеток влюбленных вполне
В гусара самых модных правил;
И как в мечтах своих оне
Его за жениха считают,
Пред ним в восторгах сладких тают,
Когда сострит он что-нибудь.
Я ж не намерен здесь ничуть
О них касаться эпиграммой.
Но пусть иронией гусар
Наводит им приятный жар,
Их матушкам болтает прямо
О их наклонностях вольно,
Хоть и зевают те давно...

LII

Все от души довольны пиром.
Любуется красавиц рой
Гусарским стройным вицмундиром
И привлекательной красой
Очарователя Евгенья.
Ах, все увидят, без сомненья,
Они Евгения во сне.
Как будут счастливы оне,
Предавшись милому виденью,
И как таинственно потом
Мечтать все будут об одном,
Моляся скрытно Провиденью
Перед киотами икон
Осуществить на деле сон.

LIV

Музыка русскую играет,
 И танцевать желает всяк.
 И вот всех прежде начинает
 Гусар с Еленой вальс-казак.
 За ними гости. Шум и топот,
 Танцующих невнятный шепот,
 Фигуры до конца одне –
 Как это все приятно мне.
 Во всем какая-то свобода
 И удаль чудная видна, –
 И все уж это старина!
 А впрочем, жаль, что ныне мода,
 Французских полек возлюбя,
 Забыла, вальс-казак, тебя.

LV

Уж близко утро. Торопливо
 Столы для ужина несут,
 Их накрывают очень живо
 И ужинать гостей зовут.
 При звуках польского мужчины
 Различны пьют с подносов вины,
 И все садятся по местам –
 По состоянью, по чинам...
 Вот гости все уселись чинно,
 И шумен стал веселый пир.
 Но Боже! где же бригадир,
 Где он, влюбившийся невинно?..
 Исправник! где же твой сосед?
 Но нет его – пропал и след!

LVI

Никто не хватится соседа,
 Все говорят, едят и пьют,
 И искрометного жуэста

Уже в четвертый подают.
Гусар с Еленой, сидя вместе,
О наступающем разъезде
Друг с другом тихо говорят,
Порой друг на друга глядят,
Очаровательно краснея.
Но кончен ужин; все как раз
Домой уехали, прощась.
И вот Иван и два еврея,
За труд по красной получив,
Идут в кабак сыграть мотив.

LVII

Скажу ли я тебе, читатель,
С соседом что произошло?
Иль, видно, допустил Создатель
Савватья Карпыча на зло:
Но хоть бы милый застрелился,
А то, бедняжка, удавился!
Пришедши с бала на крыльцо,
Он в потолок ввинтил кольцо,
Снял галстух... стал приготовляться
(А раньше слуг он отослал,
Чтоб каждый преспокойно спал),
И поутру три домочадца
Нашли уж мертвого его,
Отца-владельца своего.

LVIII

Он постыдился, без сомненья,
Гусара вызвать на дуэль;
Но и не мог снести волненья –
И вот самоубийства цель!
(Его именье поступило
В казну, что очень веселило
Героев земского суда,
Больших проказников всегда.)

Слух, что помещик удавился,
Мгновенно город облетел:
И всяк помещика жалел,
И всяк несказанно дивился
Его поступку и тому,
Как это вздумалось ему!

LIX

Но вот, к несчастью Елены,
Евгений оставляет их.
Во всем любитель перемены,
Спешит он в круг друзей своих
И на пути сыскать до службы
Две-три коротенькие дружбы
В губернском городе, где ждет
Его поболее хлопот,
Чем здесь, в глуши провинциальной.
И вот он с городом совсем
Уже простился, и меж тем
У Леночки в альбом печальный
Довольно написал стихов –
И вот в коляске был таков!

LX

Прошу тебя, читатель милый,
Вообразить все то, как здесь,
С негодованием, унылый,
Через неделю город весь
В журнале сам себя увидел!
Евгенья он возненавидел;
И лишь исправница одна
Любви осталася верна:
Ничуть гусара не бранила,
И как могла она бранить?..
По-прежнему решившись жить,
Она потом не изменила

Ни разу мужу своему,
Хоть, впрочем, все равно ему.

LXI

Теперь конец для первой встречи,
А там прошу вас в новый путь.
От продолжительных речи
Теперь приятно отдохнуть.
Хвала тебе, моя Камена!
Пред нами кончилась сцена
И занавес сокрыл ее.
Но пусть творение мое
В печати публики достигнет:
И даст поэту славы дань,
И даст поэту славы брань,
И нашу критику подвигнет
Критиковать мой слабый дар
Как автора тебя, «Гусар»!

<1846>

ПРИМЕЧАНИЯ. Поэма «Гусар» является подражанием роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». В ней не только точно воспроизведена онегинская строфа, но и использован целый ряд мотивов и речевых оборотов из пушкинского романа. Есть основания предполагать, что в описании уездного и губернского городов отразились наблюдения автора над повседневной жизнью Тотьмы и Вологды. Помимо «Гусара», перу Вахрушева принадлежит поэма «Преподобный Феодосий Тотемский». Она также написана онегинской строфой. Ее публикацию в «Вологодских епархиальных ведомостях» (1896. – № 19–20) краевед Евлампий Бурцев сопровождал следующей справкой: «Фома Андреевич Вахрушев был мещанином г. Тотьмы. Предки его занимались торговлей. В Тотьме и теперь есть его родственники. Предполагается, что Фома Вахрушев учился только в уездном училище. Некоторое время он жил в С.-Петербурге. Скончался в Тотьме в самом начале семидесятых годов. По отзывам знавших его лиц, он писал много стихотворений. Некоторые из его стихотворений есть в печати. Так, например, им была отпечатана книжка с содержанием, заимствованным из Священной истории Ветхого и Нового завета в стихотворной форме. Предлагаемое здесь стихотворение Фомы Вахрушева “Преподобный Феодосий Тотемский” сохранилось в находящейся у меня рукописи. Рукопись от 1862 года; на ней есть незначительные поправки цензора». Автографы стихотворений поэта и «книжка с содержанием, заимствованным из Священной истории Ветхого и Нового завета в стихотворной форме», о которых упоминает Бурцев, к настоящему времени не выявлены. Не известны пока и подробности его

биографии. Поэма «Гусар» выходила единственным раз отдельным изданием: Гусар, повесть в стихах. Сочинение Фомы Вахрушева – М., 1846. Фрагменты из поэмы «Преподобный Феодосий Тотемский» приведены в кн.: Слово о Вологодском крае: За тремя волоками. – Вологда, 2003. Эпиграф – из стихотворения Д.В. Давыдова «Песня старого гусара» (1817). *Von ton* (франц.) – хороший тон, хорошие манеры. *Бригадир* – офицерский чин пятого класса в русской армии XVIII в., промежуточный между полковником и генерал-майором. *Барклай* – М.Б. Барклай де Толли (1761–1818) – русский полководец, генерал-фельдмаршал; летом 1812 г. – командующий русской армией, участник Бородинского сражения и заграничных походов. *Тверская* – улица в Москве. *Город штатный* – уездный город, административный центр уезда. *Мушка* – карточная игра, в которой самой значительной картой является туз пик, именуемый «мушкой». *Incognito* (от лат. *incognitos*) – скрывающая свое имя. *Кадриль* – бальный танец; исполнялся двумя или четырьмя парами, расположенными по четырехугольнику. *Et cetera* (франц.) – и так далее. *Бонапарт* – Наполеон I (1769–1821), французский император и полководец, вторгавшийся на территорию России в 1812 г. *Польский* (полонез) – бальный танец под музыку 3/4, стилизованный под торжественное шествие. «Гром победы» – «Гром победы, раздавайся...», марш-гимн, написанный в 1791 г. композитором О.А. Козловским на стихи Г.Р. Державина; под эту музыку на балах мог танцеваться полонез. *Пара* – парой. *Котильон* – заключительный раздел кадрили на балу. *Рембрандт* – Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669), голландский художник. *Бостон* – карточная игра вчетвером, в которой старшей картой и четырнадцатым козырем считается бубновый валет (используется колода в 52 карты). *Мазурка* – танец, являвшийся кульминацией бала; состоял из вступительного раздела и череды танцев с разными фигурами. ...*мазурка На голос Пушкина гремит*. – Т. е. соответствует ее описанию в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Мазурка раздалась. Бывало, Когда гремел мазурки гром, В огромной зале все дрожало, Паркет трещал под каблуком, Тряслися, дребезжали рамы...» (гл. пятая, строфа XLII). *Забудем тяжкую разлуку, Читатель милый! руку в руку* – реминисценция из «Прощальной песни воспитанников Царскосельского лицея» А.А. Дельвига (1817 – «Простимся, братья! Руку в руку! Обнимемся в последний раз! Судьба на вечную разлуку, Быть может, здесь сроднила нас!»). *Музыка русскую играет* – т. е. мелодию бального танца, называвшегося «Русский». *Вальс-казак* – разновидность вальса, танцуется на счет раз-два, раз-два-три; основа этого танца – движение па-де-баск. *Полька* – танец в быстром темпе под музыку, для которой характерна отрывистость. ...*За труд по красной получив* – т. е. по ассигнации десятирублевого достоинства. *Земский суд* – уездный административный орган.

Юрий Волков

ПОЭТ

Огнями яркими сияет Божий храм,
Толпа безмолвствует, полна благоговенья,
И ароматный дым несется к небесам,
И вслед ему летят моленья!..

Тот просит золота, тот власти и чинов,
Иной, бедняк, быть может, только хлеба...
Но среди их один не просит тех даров:
Другого молит он у неба!..

О чем он молится? Он просит чувств живых,
Давно родных ему. Ему не нужно злата,
Не нужно почестей его душе чужих:
Она – познанием богата!..

Он просит у небес любви, любви святой –
Вот цель души его, предмет его моленья.
Он просит у небес одной любви земной,
Но без границ и без забвенья...

Пусть нищета ему достанется в удел,
Пусть... он любить умел бы с нищетою...
И, ею оживлен, он долго бы горел
Звездой яркой над толпою!..

И стройно к небесам летел хвалебный глас,
И жарко плакал он и сил искал для битвы...

Он забывал весь мир, вся жизнь его слилась
В предел надежды и молитвы...

<1847>

ПАДШЕЙ

Скажи, ужель ты рождена
Быть вечной жрицею порока?
И без сомненья, без упрека,
Ужели ты по воле рока
На эту жизнь осуждена?
Неужто, Божие создание,
Ты пасть глубоко так могла
И на позор и поруганье
Себя навеки отдала?..

Не верю я, чтоб создавала
Природа душу – для страстей;
Чтоб так глубоко упадала
И назначенье забывала
Ты, покоряясь только ей!
Чтоб жертвой тайного порока
Свою весну ты провела
И без малейшего упрека
Для лучшей жизни умерла!

Неужто вечное призванье
Нам для порока жизнь дает
И без суда и воздаянья,
Как смутное воспоминанье,
Все с нами жившее умрет?..
Быть может, голос тайной мести
Или отвергнутой любви
Тебя лишил навеки чести,
Зажег огонь в твоей крови?

Быть может, нужды и страданья
Тебя в пучину завлекли,

И из прекрасного земли
Ты стала – язвою созданья!
Но нет! любовь, и даже месть,
Так исказить души не властны.
Когда мы бедны иль несчастны,
То утешенье наше – честь.

Но ты святыню позабыла,
Себя разврату обрекла,
Ты недостойно полюбила,
Ты безвозвратно отдала
Все, что имела, чем могла
Пожертвовать земному счастью,
Все принесла в дар сладострастью;
Отвергла нравственность, закон;
Не слыша тайного упрека,
Осталась на пути порока –
И овладел тобою он!

Зато погибнешь ты, как челн,
Игрушка несмиримых волн,
И на закате грешных дней
Твой ангел света не придет
Как чистой девы к изголовью;
В час смертной муки он с любовью
Не утолит тоски твоей,
Отрады в душу не прольет.

Припомни: страшно умирать
И добродетели прекрасной;
А как на суд небес предстать
С душой испорченной?.. Ужасно!..
Когда ты шла в час темной ночи,
Скажи, ужель когда-нибудь
Тоска не западала в грудь
И слезы не вступали в очи?

Ужели тягостный упрек
Не волновал души порочной

И голос правды в час полночный
Был сердца грешного далек?..
Ужель тебя без состраданья
Твой гений кинул навсегда
И ты не знала никогда
Жены высокого призванья,
Ни сладких слез, ни упования,
И никогда в душе твоей
Заря спасенья не всходила,
И безответно, как могила,
Ты умерла для лучших дней?

<1847>

* * *

Дымная хата и лес,
Полог рябины душистый;
Свод отдаленных небес
Бледно-лазурный и чистый;
В рост человека трава,
Возле – струи молодые:
Тихо катится Эж – ва,
Дальше – леса голубые.
Дичь и пустыня кругом,
Путь утомительно долог,
Мы и верхом и пешком
Дважды измеряли волок.
Но среди тихой ночи
Есть за труды воздаянье:
В час, когда гаснут лучи,
Позднего ветра дыханье
Веет меж сонных дерёв...
Чем-то таинственно полны,
Возле крутых берегов
Чуть рассыпаются волны...

1854

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА. *Эж-ва* – Вычегда. Здесь она только еще начинается.

ПРИМЕЧАНИЕ СОСТАВИТЕЛЯ. Стихотворение входит в текст цикла очерков Ю. Волкова «Заметки и впечатления охотника по Вологодской губернии».

ТРИ КАРТИНЫ

1

Если б гений минувших времен
Из могилы восстал на мгновенье,
Как смутился бы тягостно он,
Увидав на земле превращенье!
Величаво катилась река,
Были светлы шумящие воды;
Изменили ее не века,
А короткие бурные годы!
Но не силу они принесли,
Не в волнениях правда и сила!
Три цветка благородной земли
Мощь сомнительной силы сгубила!
Было время – великий народ
Преклонялся пред чистою славой,
Богом венчанный царственный род
Управлял и мечом и державой...
Знаменитейших рыцарей цвет,
Обессмертивших имя родное,
Шел искать благородных побед
В Палестину, за дело святое...
Пылок был их воинственный жар,
Незнакомо душе вероломство:
Дю-Гесклен, Дюнуа и Баяр
Перешли, как символы, в потомство!
То – герои прекрасной земли,
То – сподвижники славных усилий!
И над ними в короне цвели
Три цветка белых царственных лилий!
Имя Франции чтити друзья,

А враги, преклонясь, трепетали!..
Изменилась народа семья –
Что вы были и что теперь стали?
Карл Великий французом забыт,
Имя Генриха странно и дико,
И толпа безучастно глядит
На безгласный дворец Людовика!
Был великий пришелец у них,
На мгновенье взял волю и силу;
Но пред голосом правды – затих,
И далеко нашел он могилу!
Положен не в родимой земле,
Схоронен не при шуме сражений...
На далекой, пустынной скале
В тишине успокоился гений!
Пролетело немало годов –
Как ужасно народ изменился:
Он не принял державных цветов,
А пред новым вождем преклонился!
Дней народа река не чиста,
Его сон злая совесть тревожит,
И теперь за Святые места
Он, как прежде, сражаться не может!

.....
А без веры – кто силу разбудит?
Каждый воин теперь в их рядах
Без упрека и страха не будет!
И уже не в Святую страну,
Как бывало, идут кавалеры.
Нет! они заслоняют луну
От светильника истинной веры!
Горе! смолкли и честь и закон,
Пошатнулася слава народа;

Под покровом турецких знамен –
Христианских полков воевода!
Содрогнется весь ряд королей,
Опочивших под сенью закона,

Если взглянет на падших детей
Прежде столько великого трона.

2

Если б гений минувших времен
Из могилы восстал на мгновенье,
Как смутился бы тягостно он,
Увидав на земле превращенье!
Было племя морских королей,
Старых викингов храброе племя.
Как потомков великих людей
Изменило жестокое время!
Дух Генгиста и Горзы упал,
Сгибла память Канутова трона,
Сам Альфред бы теперь не узнал
Измельчавших сынов Альбиона!
Где тот гордый, воинственный пыл,
Где девались полки удалые,
Те, что Львиное Сердце – водил
Воевать за символы святые?
Все минуло... Британский народ
Не за правду, как в прежние годы,
Посылает униженный флот
Защищать мусульманские воды!
Неохотно бегут корабли,
Неохотно вожди выступают,
Не пределы родимой земли,
Нет! луну от креста защищают!
Дух корысти – народ изменил,
И Британия славу забыла,
Пробуждает воинственный пыл
Мусульманского золота сила!

3

Если б гений минувших времен
На минуту с могилой расстался,
Из держав европейских бы он

Над одною бы гордо поднялся...
Миновало уж девять веков,
Как любви благодатная сила
Над Россиею Божий покров
Животворным крестом укрепила!
Уже десять столетий прошло
С той поры, как во имя закона
Богом данного рода чело
Осняет святая корона!
В эти славные десять веков
На Руси не бывало примера,
Чтоб хоть раз, для друзей иль врагов,
Изменились бы правда и вера.
Было время – Европа на нас
Поднималась огнем и войною,
Но мы слышали царственный глас,
Были верою крепки святою.
А правдивая брань – не долга,
Ополчилась Русь, как бывало,
И в священных пределах врага
Ни единого – скоро не стало!
Но стоял еще твердо кумир
Над Европой, пылая войною,
И Европе трепещущей – мир
Царь наш подал державной рукою!
Те давно ли прошли времена?
Изменилась ли Русь? ослабела?
Ей опять угрожает война,
Снова буря – за правое дело!
Что ж? Пусть снова Европа идет,
Снова станем во имя закона...
К силе прежней прибавился флот?
Как упал леопард Альбиона!
Пусть! Священ нашей славы символ,
Нашей силы – правдива дорога,
И всегда наш двуглавый орел
Под защитою Господа Бога!
И велик православный наш царь,
Силен нашей горячей любовью,

И сумеем мы ныне, как встарь,
Отслужить и стяжаньем и кровью!
Пусть шумят, ополчаясь на нас,
Мы все тою же жизнью дышим,
И без трепета царственный глас,
Призывающий к битве, услышим.

1854

ПРИМЕЧАНИЯ. Поэма написана под впечатлением от событий Крымской войны (1853–1856), которая велась за господство на Ближнем Востоке и в которой против России выступили Турция, Франция и Великобритания. *Великий народ* – французы. *Богом венчанный царственный род* – короли династии Капетингов, правившие Францией в 987–1328 гг. ...искать благородных побед В Палестину, за дело святое... – Т. е. участвовать в Крестовых походах, целью которых объявлялась борьба за освобождение Гроба Господня и Святой земли от «неверных» (мусульман). *Дю-Гесклен, Дюнуа и Баяр* – прославленные французские полководцы: Бертран дю Гесклен (1314–1380), организатор широкомасштабной партизанской борьбы против английских захватчиков во время Столетней войны; Жан Дюнуа (1403–1468), сподвижник Жанны д'Арк, освободитель Нормандии от англичан; Пьер Баярд дю Террайль (1467–1524), отличавшийся беспримерной храбростью герой Итальянских войн (между Францией, Испанией и «Священной Римской империей» за обладание Италией). ...Три цветка белых царственных лилий! – Эмблема французских королей. *Карл Великий* (742–814) – франкский король и император из династии Каролингов. *Генрих* – французский король Генрих IV (1553–1610), первый из династии Бурбонов. ...безгласный дворец Людовика – версальский дворец, резиденция короля Людовика XIV (1638–1715), чье правление было апогеем абсолютизма во Франции. *Великий пришелец* – французский император Наполеон Бонапарт был уроженцем острова Корсика, итальянцем по национальности. ...далеко нашел он могилу! – Наполеон умер в ссылке на острове Святой Елены, находящемся в южной части Атлантического океана. ...не принял державных цветов – положил конец правлению королевской династии Бурбонов. ...перед новым вождем преклонился – речь, вероятно, идет о Наполеоне III, племяннике Наполеона I; в 1840 г. он был избран президентом Французской республики, в 1851 г. совершил государственный переворот и стал императором; в Крымской войне Франция участвовала при нем. ...Без утрака и страха (Sans peur et sans reproche – франц.) – прозвище Баярда дю Террайля. ...они заслоняют Луну От светильника истинной веры! – Т. е. выступают на стороне Турции (полумесяц – символ мусульман) против единоверцев-христиан. *Викинги* – скандинавы, занимавшиеся в VIII–XI вв. морским грабежом и завоеванием чужих территорий. *Генгист и Горза* – согласно летописному преданию, братья-викинги, приглашенные бриттами для прекращения межплеменных раздоров и ставшие в 449 г. основателями англосаксонского государства. *Канут* – Кнуд I Великий (995–1035), сын короля Дании и первый король всей Англии, создатель большого государства, в состав которого, помимо Англии, входили Дания, Норвегия и часть Швеции. *Альфред* – Альфред Великий (ок. 849 – ок. 900), король королевства Уэссекс, добившийся объединения

ряда англосаксонских королевств. *Альбион* – древнее название Британских островов. *Львиное Сердце* – Ричард I (1157–1199), английский король из династии Плантагенетов, участник Третьего крестового похода. *...любви благодатная сила Над Россию Божий покров животворным крестом укрепила* – речь идет о принятии в 988 г. христианства как государственной религии на Руси. *...Богом данного рода чело осеняет святая корона!* – Первым воплощением идеи государственной власти на Руси («первым князем») был легендарный Рюрик, призванный, согласно летописному преданию, в 862 г. ильменскими славянами княжить в Новгород и ставший основателем династии Рюриковичей. *...кумир над Европой* – Наполеон I Бонапарт, французский император. *...мир царь наш подал* – имеется в виду Александр I Павлович (1777–1825), с именем которого связывались победа русского народа в войне 1812 г. и освобождение Европы от власти Наполеона. *К силе прежней прибавился флот* – в сентябре 1854 г. началась осада Севастополя с моря. *Леопард Альбиона* – изображения леопардов входили в состав герба Англии в XII–XVIII вв.

* * *

Над землей, подернутой туманом,
Высоко раскинут звездный свод,
Одиноким, мощным великаном
Шар луны сияющий плывет.

Тихо все, природа сном объята,
Тяжелы громады горних туч,
И бледнеет в стороне заката,
Умирая, невозвратный луч.

День прошел – надежд и обольщений,
Ожиданий, горя и забот,
Веры в счастье, радости, сомнений, –
День прошел, ночь тихая идет.

Буря смолкла на душе мятежной,
Тихий вечер сердцу дал покой...
Ждешь ли ты минуты неизбежной?
Ждешь ли ты минуты роковой?

В тишине, далеко от волненья,
Ты поймешь ли, бедный человек,

Чем достиг ты цели Провиденья,
Как провел самолюбивый век?

Ты хоть раз представил ли понятно
Всех дневных случайностей итог?
И, свой день проживши невозвратно,
Точно ль лучше ты прожить не мог?

Ты сберег ли к истине стремленья,
Сердце ль чистой мыслью освятил,
И сказал ли в час успокоенья:
«День прошел! но я недаром жил!»?

1855

* * *

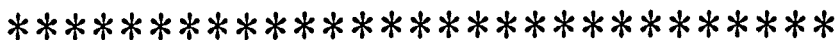
В минуты душевной тревоги,
В томительный час бытия,
Свободно и пламенно льется
Простая молитва моя!

В ней нет ни могучего слова,
Ни сердца обманутых грез...
Но есть в ней любовь и прощенье
За все, что я здесь перенес!

Да грешное есть покаянье
За все, чем я был увлечен;
Что в жизни душе изменило,
Навек улетело, как сон!

И с нею становится легче
Мне Богом указанный путь;
И вздох освежит благоворный
Молитвой согретую грудь!

1855

А. Герасимов

ПОЖАР МОСКВЫ

Запылала, – и заревом ярким зажгла
Широко горизонт отдаленный;
До Амура и Вислы молва протекла
О сожжении жертвы священной,
И по звучному, мощному гласу царя
Задрожала земля, закипели моря.

И спешит с отдаленного, жаркого юга
Под кольчугою Терека сын;
И оттуда, где вьется метель лишь да вьюга,
Рыжевласый пришел зырянин;
И якут свой родимый шалаш покидает
И на пир боевой под Москву поспешает.

И свой лук узкоглазый калмык натянул,
И башкирец летит с диким гиком,
И лапландец с себя снег мохнатый стряхнул,
И казак поднял длинную пику,
И остяк выползает из юрты на свет,
И на лыжах широких бежит самоед.

Собралися из дальних и ближних краев
К златоглавой, престольной столице
Сонмы верных широкого царства сынов,
Как орленки молодые к орлице.
Собралися – и ожили доли и лес,
И смутился любимец победных чудес.

И познал он уж поздно смущенной душой,
Что московское грозное пламя
Поднялось не случайно над Русской землей,
А как брани священное знамя;
Что чем выше вздымалось оно к небесам,
Тем ужаснее гибель грозила врагам.

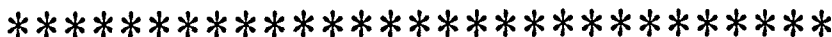
Разразилась, и битвы одна за другой
Загремели, неся истребленья,
И бежал сей властитель, дышавший войной,
Покидая свои ополченья,
Ополченья – недавнюю света грозу,
Всей Европы и силу, и цвет, и красу.

И нежданно и ярко везде проблестел
Луч желанной, отрадной свободы,
И Европа, над коей губитель хотел
Грозно властвовать многие годы,
Пробудилась от тяжкого, грустного сна
И за Русью пошла, как за ветром волна.

Все пылали к престолам любовью святой,
Как Москва, сердце Руси, пылала,
И чудесная слава волшебной трубой
О великих делах прозвучала,
И доньне из рода в род мчится молва,
Как горела для общего мира Москва!

<1844>

ПРИМЕЧАНИЯ. В стихотворении описывается пожар занятой французами Москвы в 1812 г. *Висла* – самая большая река Польши, часть территории которой в 1812 г. входила в состав Российской империи. ...*по звучному, мощному гласу царя* – имеется в виду русский император Александр I. *Терека сын* – представитель народов Северного Кавказа. *Зырянин* – представитель народа коми, живущего на северо-востоке Европейской части России. *Лапландец* – представитель саамов, народа, живущего на крайнем северо-западе Европейской части России. *Остяк* – представитель народа хантов, живущего в северо-западной Сибири. ...*любимец победных чудес* – Наполеон, французский император и полководец, предводитель армии, вторгнувшейся на территорию России в 1812 г.

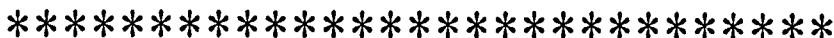
Царевский

СУХОНА

Между крутыми берегами,
Пышна, быстра и широка,
Катится светлыми водами
Великолепная река:
Она то тихо воды стелет,
То с шумом меж камней крутит,
Над нею лес сосновый дремлет,
И тень его в струях дрожит.
Люблю я сухонские волны
Под сенью их лесов и гор:
Воспоминаний прошлых полный,
По ним привык блуждать мой взор.
Когда-то здесь, в былые годы,
Когда ребенком слабым был,
В день ясный сухонские воды
Веслом я возмущать любил.
По ним с родными я катался,
На удочку рыбку в них ловил,
И день блаженством мне казался,
Когда сюда гулять ходил.
Вот снова здесь я: сердце бьется,
Внимая тихий говор волн,
И все прошедшее несется
Передо мной, как светлый сон.

<1844>

ПРИМЕЧАНИЕ. *Сухона* – река, вытекающая из Кубенского озера и при слиянии с рекой Юг близ Великого Устюга дающая начало Северной Двине.

В. Образцов

НЯНЯ

Вечер, ясный и холодный.
На кровати, озаренной
Лунным светом, у окна
Спит под пологом дитя.
Перед ним седая няня,
Сидя, сгорбясь над чулком,
Или охает, иль вяжет,
Или дремлет чутким сном.
Вдруг ребенок встрепенулся,
Громко вскрикнул и проснулся:
Зашумело вдруг в трубе,
Пес залаял на дворе.
Няня вздрогнула, вскочила
И к малютке подошла:
«Что ты, Бог с тобою, милый,
Кто тебя?» – произнесла.
– Няня... ах! смотри: покойник!
Он сердито так глядит!
Вон и гроб его, весь черный!..
Ах! покойник мне грозит. –
«Полно, дитятко, не бойся!..
А крестил ли ты, мой свет,
Как ложился, изголовье?
Не крестил?» – Ах, няня, нет. –
«Вот не крестишься, родимый!..
Тут не долго до греха.
Сколько раз тебе, мой милый,
Повторяла это я!

Моего послушай слова:
Если крестишься, дитя,
Наваждение духа злого
Ты отгонишь от себя.
Прилетит к тебе Хранитель,
Осенит тебя крылом,
Обовьет тебя руками,
Припадет к тебе челом.
И увидишь сон прекрасный:
Улетишь на небеса,
Ангел радужный и ясный
Просветит тебе глаза.
Ты увидишь рай небесный,
Вечный ангелов приют,
Ты услышишь: “Царь Небесный,
Свят, свят, свят”, – они поют.
И проснешься, улыбнешься,
Будешь весел целый день!» –
Няня смолкла; мальчик, стоя
На коленях, крест творил
И дрожащею рукою
Изголовье окрестил.
Лег – и светлая улыбка
Засияла на устах,
И уснул ребенок снова
В тихих, радужных мечтах.

<1851>

Николай Левашов

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Широ́ко ты свои раздвинула пределы,
И нерушим, и свят, и славен твой покой!
Как великан, стоишь ты мощно, смело,
Высоко вознесясь венчанною главой,
Святая Русь! Сильна ты непритворной
Святой любовью сынов твоих родных
К царю, отечеству и силой чудотворной
Святых угодников, заступников твоих.
О, кто против тебя, против твоей святости
Дерзнет, Святая Русь, свой гордый меч поднять?
Несокрушимые поставишь ты твердыни,
Христолюбивую свою подвигнешь рать, –
Ту рать, которая, по Божию велению,
От плена и стыда Европу всю спасла...
И видели враги державное паренье
В лазурных небесах двуглавого орла.
Но были времена – кровавая година,
И Божия гроза носилась над тобой...
И с грустью вспомнит их потомок славянина,
И память их почитит горячею слезой.

Когда над пленною Москвою разливалось
Пожаров зарево, злодействовали в ней
Мятежников толпы, и стоны раздавались,
Лилась невинно кровь и старцев и детей,
И появлялись, как мстительные тени
За смерть погибшего царевича, тогда
В России самозванцы; в ослепленьи

На имя их одно сдавались города...
И храмов Божиих поругана святыня,
И жертвою крамол, раздоров и измен
Ты погибала, Русь. И кто сотрет гордыню
Врагов, и чья рука Москвы расторгнет плен?
Тогда в самой груди России православной,
Где Волга светлая, царица русских вод,
По бархатным лугам, по нивам вольно, плавно,
Прозрачно синие струи свои несет,
Раздался в первый раз призыва глас священный
На брань против врагов, за веру и закон.
Явился гражданин там, свыше вдохновенный,
И восклицал, исполнен скорби, он:
«Избавим Русь! спасем Москву родную,
И имущества свои и дома продадим,
Заложим жен, детей; за нашу Русь святую,
О, братья, жизни мы своей не пощадим!»
Понятен голос тот для сердца; добровольно
Спешили все имущество отдать...
И двинулась в поход при звоне колокольном,
При кликах радостных спасительная рать...

Страдая раною тяжелой, изнуренный,
Недвижимый, на ложе тот лежал,
Кто бился на стенах Москвы опустошенной,
Кто раной славною свой подвиг увенчал.
Перед иконою чуть теплилась лампада;
Дрожащий луч ее на ложе упал;
Был грустен он; едва сверкали взгляды;
О гибнущей Руси Пожарский размышлял,
Что кары Божии над ней отяготели...
Вдруг видит Минина страдалец пред собой:
Отважен вид его, глаза его горели...
«Князь, – смело он вскричал, – князь, дружною семьей
Товарищи мои сюда, по воле Бога,
Пылая ревностью святою, собрались;
Веди нас, укажи к победе нам дорогу!
Спасти святую Русь мы дружно поклялись».
И, свыше оживлен, словам его внимал он;

Воскресли силы в нем; израненной рукой
На меч булатный свой пришельцу указал он,
Сказав: «Так хочет Бог! умрем за край родной!».
И принял власть герой над избранною ратью;
С ним верный Палицын; с ним храбрый Трубецкой...
И вот подвинулась та рать на помощь братьям,
На гибель и на страх врагам земли родной...

Века прошли. Под мирною державой
Мужает и цветет родимая страна,
Из пепла вознеслась Москва в сиянье славы,
И, златоглавая, красуется она.
Но память в ней свята, герои, и поныне
О ваших подвигах. И вот в виду Кремля,
В виду заветного хранителя святыни,
Воздвигла памятник вам Русская земля.
И будет говорить он живо про былое,
И сына подведет к нему отец седой,
Укажет с гордостью ему он на героев
И благодарною помянет их слезой.

<1853>

ПРИМЕЧАНИЯ. Стихотворение написано на волне патриотического подъема, вызванного началом Крымской войны. *Минин и Пожарский* – см. примеч. к стихотворению В. Красова «Чаша». ...*Ту рать, которая, по Божию веленью, От плена и стыда Европу всю спасла...* – Имеется в виду победа в Отечественной войне 1812 г. и заграничные походы русской армии 1813–1814 гг., завершившиеся взятием Парижа и падением империи Наполеона I. ...*были времена, кровавая година* – далее речь идет о событиях Смуты начала XVII в. ...*над пленною Москвою* – имеется в виду присутствие в Москве войск, пришедших из Польши вместе с Лжедмитрием I, который занимал российский престол в 1605–1606 гг. *Мятежников толпы* – во время Смуты в Москве и ее окрестностях бесчинствовали отряды интервентов, политических авантюристов, казаков и шайки «гулящих людей». ...*появлялись, как мстительные тени За смерть погибшего царевича, тогда В России самозванцы* – в 1591 г. при неясных обстоятельствах погиб малолетний сын Ивана Грозного царевич Дмитрий, последний отпрыск династии; по одной из версий, это было убийство, организованное Борисом Годуновым, который стремился к власти и убирал с дороги соперников; Лжедмитрии I, II (Тушинский вор), III (Исковский вор) выдавали себя за якобы избежавшего чудесным образом смерти отпрыска Грозного. ...*в ослепленьи На имя их одно сдавались города...* – Исторический факт, измена московским властям и сдача ряда русских городов Лже-

дмитрию I без боя. *Явился гражданин там, свыше вдохновенный* – Козьма Минин, мещанин из Нижнего Новгорода. *Страдая раною тяжелой, изнуренный, Недвижимый, на ложе тот лежал* – князь Дмитрий Пожарский, зарайский воевода, участник Первого (Рязанского) и руководитель Второго (Нижегородского) ополчения для борьбы с польскими интервентами (оба создавались в 1611 г.). *Палицын* – Авраамий Палицын (?–1626), церковный деятель и писатель, один из составителей «окружного» послания, призывающего князя Пожарского к борьбе, участник Земского правительства Второго ополчения, автор «Сказания» о Смутном времени. *Трубецкой* – Дмитрий Тимофеевич Трубецкой (?–1625) – князь, государственный и военный деятель, один из организаторов Первого ополчения, участвовал во Втором ополчении и возглавлял вместе с Пожарским Земское правительство, созданное этим ополчением. ...*в виду Кремля, В виду заветного хранителя святыни, Воздвигла памятник вам Русская земля.* – Памятник Минину и Пожарскому работы И. П. Мартоса, установленный на Красной площади в Москве в 1818 г.

Василий Сиротин

ВЕЧЕР

Как ни глумится черт над миром,
Как ни дурачит он людей,
Но часто хочет быть кумиром
Вблизи священных алтарей.

Раз случилось в час вечерний
Мне довольно погулять,
И я шел с Горы Соборной
Вдаль туда, где рыбный ряд.
Вижу я: чертог спасенья
На пути моем стоит –
Это церковь Вознесенья...
Подхожу... и что за вид!
В окнах там свечи мелькают,
И трезвонят, и поют –
Танцы-пляски, знать, играют,
«Груню-ягоду» поют.
Ну, друзья, признаться должно,
Страх душою овладел,
Ужаснулся я невольно,
Как порядком посмотрел!
Чтоб потешить дочь родную,
Дьякон созвал тут девиц
Да полдюжину-другую
Пола мужеского лиц:
Из чиновников палаты,
Из уездного суда,

Два и наших также хвата
Забрались играть сюда.

И сброд с пустою головой,
Отрада ябеды бумажной,
Завидя здесь содомский вой,
В порывах глупости отважной,
Забыв чернила и перо,
И крючкотворные кавычки,
Они все ходят здесь ребром,
Горды и славны, как калмычки.
Бумаг безграмотных писцы
И переносчики линейки,
И абсолютные глупцы
С душой ценою в три копейки –
Вся эта язва-саранча
Толпы подкупной и продажной,
Из кося за два калача
Продаст вам душу каждый,
Забывши близость алтаря,
Который подле за стеною,
Забыв веление Царя
Над небом и землею,
На месте гимнов и стихов
И Богу сладких песнопений,
Взамен святой молитвы слов
Взамен коленопреклонений,
Поют любовь земных страстей
И чувство плоти похотливой,
И похвалы красы смазливой.
Не гуслей слышится здесь звук
Благовещанного Давида,
А звон гитары, пляски стук...
Какая Господу обида!
И дом молитвы, как кабак –
Горит в нем вместо фимиама
Простой дунаевский табак...
Смешна, страшна такая драма!
И афанасьевский тут поп,

Забывши все и сан священный,
С глупцами чуть уж не в галоп...
О, если б знал преосвященный!
Вот посмотрите-ка в окно:
Он по своей привычке старой
Трезвонит что-то уж давно
И забавляется гитарой.

И под мерные удары
Быстро двигаются пары
В вихре пляски удалой
Живописною канвой,
И кружатся, и несутся,
Ходят тихо и толкутся,
И в неистовой игре –
Словно кони на дворе...
Франты вычурно шагают,
Дамы задницам виляют
В такт каданса и руки,
Дребеденят каблуки,
От подолов дамских ветер
(Освежает майский вечер),
Говор, шум и голоса,
Точно Мурмански леса,
Полуночною порою –
Разговор там бури с мглою
Иль у ведьмы с силой злой –
Резкий хохот, шум и вой.
Посмотрите: вон сидит,
Как султан в своем диване,
И с улыбкою глядит
Сам почтеннейший Баданин
На свою родную дочь,
Распивая чай горячий,
Глаз с нее не сводит прочь
И следит в толпе ходячей...
А Раиса молодая
С щекатуренным лицом,
И резвяся, и играя,

Скачет ловко с молодцом:
 То, как серна, вскочит скоро,
 То припрыгнет, как коза,
 То поводит страстным взором,
 То опустит вниз глаза,
 То она пройдет, как пава,
 То, как лебедь, пролетит,
 То вернется ловко, браво,
 То вдруг медленно катит,
 Понаклонится немножко –
 И опять пошла плясать
 Грациозной своей ножкой...
 Но всего не описать.
 Не насмотрится родная
 На свою милую дочь,
 Смотрит все, хоть и зевая,
 Гонит сон далеко прочь.
 Сын Баданина удалый
 Там на воле у дверей
 Зазывает опоздалых
 Проходящих всех гостей.

ПРИМЕЧАНИЯ. П.А. Дилакторский, в коллекции которого сохранился текст этого стихотворения (ГАВО, ф. 439, оп. 1, № 370), сделал к нему пояснение: «...надо сказать, что раньше [рядом] с церковью Вознесения (напротив Духовного училища) была пристройка, где и жил дьякон. На устроенную им вечеринку не пустили В.И. Сиротина, и наутро следующего дня это стихотворение было написано и было известно уже многим вологжанам. Есть еще слух, что героиня этого стихотворения в том же году померла и ее смерть будто бы была из-за тех насмешек, которыми стали ее наделять, благодаря этому стихотворению». *Соборная гора* (горка) – возвышенность на правом берегу реки Вологды, где стоит Софийский собор, главный храм города. *Рыбный ряд* – амбары, в которых торговали рыбой. *Церковь Вознесенья* – находилась близ впадения в реку Вологду речки Золотухи на Известной горе, в 1929 г. была разрушена. *«Груня-ягода»* – народная игровая песня («Что велела мне-ко мати...»). *Ябеда бумажная* – чиновничье крючкотворство. *...Царя Над небом и землю* – Бога. *Не гуслей слышится здесь звук Благовещанного Давида* – ветхозаветный царь Давид славился игрой на гусях; он считался автором псалмов, текстов религиозных песнопений, входящих в состав Библии; древние евреи пели псалмы под аккомпанемент гуслей. *Дунаевский табак* – продукция табачной фабрики Н.Ф. Дунаева в Ярославле. *Афанасьевский поп* – священник церкви Афанасия Александрийского, находившейся на Старой Торговой площади близ Городской думы (ныне площадь Революции); в 1924 г. эта церковь была снесена.

ИСПОВЕДЬ

Поэма

Его императорскому высочеству
великому князю Константину Николаевичу

Быть может, слишком смело
Решаюсь я, великий князь,
Иметь с особой Вашей дело,
Отложив трепет и боязнь.
Но не всегда же судит строго
Сам Бог за наши нас грехи.
Надеюсь, снизойдете много
И Вы мне за мои стихи.
А чтоб могло известным статься,
Откуда Вам и чей сей глас –
Извольте мне на первый раз
Как должно рекомендоваться.
Я раб греха и плоти пленник,
Но я зачислен в Божью рать,
Затем, что, будучи священник,
Ношу священства благодать.
Зовут меня отец Василий,
Мне двадцать семь от роду лет,
Пишу стихи не без усилий,
Но для себя и сам поэт!..
Так, Вологда, когда подъяла
Война на Крым кровавый стяг,
«Восток и Запад» мой читала,
Оттиснувши в «Ведомостях».
Люблю науки, Божье слово,
Красы естественных картин.
Одно несчастье, что я вдовой.
Мое прозвание – Сиротин.
Оно и кстаги: скарб мой – ряса,
А библиотека – псалтырь.
Живу на Каменном у Спаса,
Мое жилище – монастырь.
Теперь – да даст Вам Бог терпенья –

Ко сказанному выше я
Намерен сделать дополненья.
Вот биография моя.

Я кончил семинарский курс,
И как воспитанник казенный
Оставил в то же время бурс —
Приют, для бедных уделенный.
Но, бывши круглым сиротой,
До тех пор я не видел нүжды.
Душе с невинной простотой
Заветы жизни были чужды.
Я права не имел роптать
На долю, данную судьбою.
Приют казны отца и мать
Вполне мне заменял собою.
Когда ж покинуть минул срок
Приют тот, теплый и спокойный,
Я был решительно далек,
Чтоб жить вполне себе достойно.
В борьбе с нуждами каждый час —
Борец, для жизни незрелый, —
Я постепенно в жизни гас
И упал душой и телом.
Я к людям вопиял не раз
О помощи и благостыне,
Но вопль мой был лишь слабый глас,
Глас вопиющего в пустыне.

Летели годы, а мой челн
Носился все в житейском море,
Им правил рок средь ярых волн,
А в парус дуло только горе...
Я часто плакал, но и слез
Судьбе жестокой было мало —
Я в горе жил и с горем рос,
И сердце радости не знало.
Знакомых мало было мне,
Никто не брал ко мне участия,

И я мог слыть тогда вполне
По жизни – символом несчастья...
Товаришей счастливых круг
Редел с годами постепенно.
Иной давно уж был супруг –
Отец и семьянин почтенный,
Иной, усердием горя,
Давно солидным уж мужчиной
На службе Белого Царя
Служил и был не с первым чином.
А я, забытый у судьбы,
В опале мстительного рока,
С одной судьбой лишь знал борьбы
И был от счастья далеко.
Искал возможности не раз
Служить, как служат люди, – честно.
Но бедному всегда отказ
Бывал, порой не очень лестной.
И долго б я еще бродил,
Уча детей, дая уроки,
И кочевал бы, и твердил
Про трудность жизни одинокой.

Но, к счастью моему, судьба
Взглянула как-то ненароком
На позабытого раба
Довольно милостивым оком.
И вот, угрюмая досель,
В глаза блеснула мне улыбкой,
Назначила и жизнь и цель,
Да только, кажется, ошибкой.
Был нужен сельский иерей
Среди зырян в одном приходе –
В краю мне чуждых дикарей
По языку и по природе.
Чтобы избежать нищеты,
Покорный нужд житейских гласу,
Отложив лишние мечты,
Решился я одеться в рясу.

По просьбе поданной – за мной
Осталось дальнее то место.
Я ожил телом и душой,
Все дело было за невестой.
Есть в жизни много трудных дел.
Но легче нет найти невесту,
Когда жених к тому ж успел
Пристать к какому-либо месту.
Невесту я тотчас сыскал,
Мой выбор был неприхотливый,
И брачный пир отпировал
С гостями избранными живо.
Я жить и чувствовать спешил.
Спешил забыть бывшее горе.
Вот сан священства получил
И зажил в счастливом просторе.
Лилось блаженство через край
Из полной жизни сладкой чаши.
В жене земной я видел рай,
И быстро дни неслися наши.
Я жил себе, как жить хотел,
Мечтал и чувствовал сугубо,
Не шел за счастьем, а летел,
Как вдруг – обманут счастьем грубо.
Подругу дав, и нежный плод
От ней иметь [оно] польстило.
Я ждал... надеялся... и вот –
Встречаюсь с раннею могилой.
Лишь брачной жизни минул год,
Жена занемогла родами,
И полилися в свой черед
Беды за страшными бедами.
Несчастной (только расцвела!)
Жаль было с жизнью расставаться;
Звала о помощи... ждала...
И не могла ее дождаться.
А я, неопытный супруг,
Я зрел ее и скорбь и муки,
Но, быв не врач, а только друг,

Не мог связать у смерти руки.
Старался, но урочный час
Для жертвы смерть уже пробила.
И так светильник мой угас,
И плод его взяла могила.
О, Боже мой! О, мой Творец!
Исчезли счастья мечтою,
Блаженству краткому конец,
Опять я в мире сиротою.

И как еще? В кругу людей,
Где нет родных ни слов, ни звука,
Не только кровных и друзей,
О, тяжела была разлука!
Я жил в краю чужих небес,
И жизни этой половина
Была мрачна, как темный лес,
Дика, как облик зырянина.
Я одичал, я изнемог
Средь варваров в стране суровой.
И как страдал, то видел Бог,
А выразить не может слово.
Не могли горя одолеть,
Опять пловец в тумане моря,
Я начал страшно так болеть,
Как русский с радости и горя...
Когда очнулся – наяву
Мне снова Русь моя предстала.
Я будто ожил и живу,
Но на душе еще опала...

И что ж отрадного: пустырь
По дикарям и по природе
Я променял на монастырь,
Где та же глушь, в другом лишь роде...
И в самом деле, бросив взгляд,
Везде одни встречаешь воды,
Они крутятся и шумят
Под свист бушующей природы.

Внутри и вне меня темно,
В душе тоска, в природе буря.
Тоскливо взглянешь чрез окно —
И небо грустно без лазури...
Но если бы и хороша
Была вокруг меня природа,
То все же требует душа
Занятий и другого рода.
И я здесь должен подтвердить
Правдивость мысли сей Крылова:
«В пустыне где и с кем делить
Дар образованного слова?»
Суров монахов мрачный вид,
И жестки их сухие речи,
Печален отцвет их ланит.
И их бежишь невольно встречи.
Молитва деет чудеса.
Что ж делать? Буду я молиться.
Но не всегда на небеса
Молитва грешников годится.
Хотел бы видеть, подмечать
Состав вещей в их связи тайной.
Но мне ли с мира взять печать
В припадке ревности случайной?
Без книг, где тайны естества
Трудом веков едва раскрыты,
Познаний мира, Божества
Где может взять мой ум насытый?
И делать нечего! Как зверь,
Сижу, как в клетке, в душной келье
И в услажденье всех потерь
Питаюсь скуки горьким зельем.
Вот все. Здесь вкратце жизнь моя,
Вот здесь и вся моя история.
Теперь Вы знаете меня,
Жильца житейского поморья.

Великий князь!

В моей томительной пустыне

Я, прежде Богу помолясь,
Решился Вам молиться ныне.
Нет сил в душе моей нести
Крест испытания тяжелый
И с ним по тернии идти
В житейский путь стопою голой.
Я к Вам, злосчастный, вопию:
Подайте помощи десницу
И душу сирую мою
Освободите из темницы!
Лишь слово Ваше мне одно –
И сердце в радости взойдет,
Забудет скорби все оно
И новой жизнью заживет.
Великий князь! Вы мой оплот.
Велите – и с любовью, с жаром
Ваш раб пойдет служить во флот
Царю и Вам посильным даром.
В глухих стенах монастыря
Мне грустно жить в тоске, в забвенье.
Для Бога, Родины, Царя
Грешно быть вечно в заточенье.

1857

ПРИМЕЧАНИЯ. Поэма является своеобразным подражанием «Молению Даниила Заточника», выдающемуся памятнику древнерусской литературы XIII в. *Константин Николаевич* (1827–1892) – брат императора Александра II, адмирал, глава Морского министерства, осуществивший ряд прогрессивных преобразований на флоте, председатель Государственного совета, участник подготовки крестьянской реформы. ...«*Восток и Запад*» мой читала – это стихотворение в газете «Вологодские губернские ведомости» не обнаружено. ...на *Каменном у Спаса* – в монастыре Всемиловитого Спаса на Каменном острове Кубенского озера. *Бурс* (бурса) – общежитие при семинарии. ...*Глас вопиющего в пустыне* – выражение, восходящее к ветхозаветной Книге пророка Исайи (гл. 40, ст. 3). *Белый Царь* – русский царь. ...*Все дело было за невестой*. – Согласно православному обычаю, будущий священник, чтобы стать представителем духовенства, должен жениться до рукоположения. *Сугубо* – здесь: прекрасно. *Нежный плод* – ребенок, потомство. ...*страшно так болеть. Как русский с радости и горя...* – Пьянствовать. ...*Я променял на монастырь* – факт биографии Сиротина: перевод в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. «*В пустыне где и с кем делить Дар образованного*

слова?» – Измененная цитата из басни И.А. Крылова «Пустынник и Медведь»: «...все прискучится, как не с кем молвить слова».

УЛИЦА, УЛИЦА...

Раз возвращаюсь домой я к себе,
Улица странною кажется мне.
Левая, правая где сторона?
Улица, улица, ты, брат, пьяна.

И фонари так неясно горят,
Смирно на месте никак не стоят,
Так и мелькают туда и сюда.
Эх! да вы пьяные все, господа!

Ты что за рожи там, месяц, кривишь,
Глазки прищуришь, так странно глядишь?
Лишний стаканчик хватил, брат, вина.
Стыдно тебе, – ведь уж ты старина.

ПРИМЕЧАНИЕ. Стихотворение обрело широкую популярность, было положено на музыку и стало народной песней.

ПИТЕЙНЫЙ

Посвящается всем винопийцам

Что так жадно глядишь на питейный
И украдкой читаешь слова
Его вывески хитро затейной?
Знать, с похмелья болит голова.

И зачем ты бежишь этак спешно,
Лишь случатся деньжонки, в кабаке?
На побег твой, по цели успешный,
Смотрит с завистью куча зевак.

На тебя заглядеться – не диво,
Наблюдать тебя каждый не прочь,

Чтобы видеть, как водка и пиво
Превращают и день в тебе в ночь.

По румянцу щеки твоей грязной
Нацарапанный вьется узор,
Глаз подбит и глядит безобразно,
И людей ты бежишь, словно вор!..

Взгляд один, как сидишь ты за чаркой,
К неизбежной приводит тоске:
А тебе и не душно, не жарко –
Ты бы вечно сидел в кабаке.

Поживешь и попьешь до упаду,
Пока будут в кармане гроши,
И за пьянство получишь в награду
Смерть по телу и смерть для души.

На дороге твой труп бездыханный
Полицейский подымет солдат
И потащит его с речью бранной,
Куда власти ему повелят.

Тут свершится прискорбное дело:
Сердце вчуже изнает с тоски,
Когда лекарь бездушное тело
Будет холодно резать в куски...

Напластавши рукою привычной,
Чтоб и череп и внутренность вскрыть,
Он велит потом труп горемычный
Поскорее собрать и зарыть.

И положат тебя в домовине,
И зароят тебя, как скота,
Там, вдали, где-нибудь за кладбищем,
Не поставивши даже креста!..

Не гляди же с тоской на питейный
И похмелье стерпи как-нибудь:

Человек ты, быть может, семейный.
Так жену и детей не забудь!

<1864>

ПРИМЕЧАНИЯ. В произведении пародийно обыгран текст стихотворения Н.А. Некрасова «Тройка» («Что так жадно глядишь на дорогу...» – 1846). *Питейный* – питейный дом, кабак. *Вчуже* – здесь: не испытывая родственных или дружеских чувств.

ЛИВАНСКИЕ КЕДРЫ

На склонах древнего Ливана
Когда-то рос высокий лес.
Смотрел он в воды Иордана
И возвышался до небес.

Созданье мощное природы,
Он долго землю осенял:
Текли века, катились годы.
А кедров лес еще стоял!..

Как исполин лесов могучих,
Он грозно с бурей в брань вступал:
Напрасно шли с громами тучи,
Надменный им не уступал.

Лишь отряхая сон и негу
С своих развесистых ветвей,
Он ждал отважного набега
Питомца бурного степей.

Вот враг нахлынул... и могучий
Напору ветра ставит грудь.
И враг отбит, а ветер и тучи
Скорей несутся в дальний путь!..

Когда ж, рассыпав горы злата,
Природу жег полдневный луч,
Лес кедров, полный аромата,
Был весь живительно пахуч.

Он видел много поколений
В зной отдохавших в нем людей.
И им, в приюте сна и тени,
Певал восточный соловей.

Та кедров тень для пилигрима
Святыни, тайн была полна:
С ней прошлых дней Ерусалима
Была судьба сопряжена.

Но что щадило долго время,
На то поднялся дровосек.
И наших дней людское племя
Все истребило там навек!..

Напрасно кедров Соломона
Теперь пришельца ищет взор:
Их нет, как нет царей Сиона!..
И голы ребра древних гор!..

<1865>

ПРИМЕЧАНИЯ. *Ливан* – здесь: горная цепь на севере Палестины, образующая естественную границу с Сирией. *Иордан* – река, протекающая по Палестине. *Соломон* – царь Израильско-Иудейского государства в 965–928 гг. до н. э., славившийся мудростью; воздвиг иерусалимский храм, при строительстве которого использовались ливанские кедры. *Сион* – холм в Иерусалиме, на котором находились дворцы царей Соломона и Ирода; иносказательно Сион – земля иудеев.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Мне не спится... Дума к думе на беду!..
Я с полночи, видно, очи не сведу!

Нет! Пойду гулять на волю в чистый луг:
В чистом поле дышит волей все вокруг!..

Ах! Куда мой путь и гладок и хорош:
По тропинке, по лошинке, через рожь!..

На лугах лежит вечерняя роса,
И в тумане на поляне полоса.

Чуть-чуть дышит ветер в равнине полевой
И лениво клонит иву головой.

В ниве спрятались и шепчутся цветки –
Голубые молодые васильки...

Месяц ясный всплыл обычной чередой,
Мечет взоры дол и горы, молодой,

И в прибрежье, где кочуют рыбаки,
Над водою лег тропую вдоль реки.

Здесь в кусточке, в полусумраке ветвей,
Вот за елью свищет трелью соловей.

Там вдали стоит и дремлет темный лес,
А над лесом пал навесом свод небес...

В синем небе много звезд-очей зажглось.
И в том взоре жизни море разлилось...

Как хорош ты, летний вечер!.. Тишь и гладь!..
Мир в народе, и в природе благодать!..

<1866>

Иван Куратов

КОМИ ЯЗЫК

Правда, слов высоких
Мой язык не знает,
Но и то я знаю –
Всуе не болтает.

Нежный и красивый,
Дорогой и звучный –
Бог простит грехи мне,
Коль на нем молюсь я!

Мои сестры, братья
Все на нем мечтают,
И на нем добра мне
Мать с отцом желают!

Наш язык я слышал
С колыбели милой,
Видно, и забуду,
Лишь сойдя в могилу.

Красотой своею
Сердцу он открылся –
И на нем я первый
Вслух запеть решился...

Пусть другие громче
Запоют за мною –
И услышат коми
Многое родное!

1857

Пер. А. Смольникова

ДЕРЕВЕНСКАЯ ДЕВУШКА ГОРОДСКОМУ БАРИНУ

Что ты, барин, обольщаешь
Красотой своей меня?
Зря улыбками встречаешь,
Вне себя от злости я.

Не смотри в глаза, тоскуя,
Рук не трогай, проходи!
Не дождешься поцелуя,
Не прижмешь к своей груди.

Ишь разбаловался скоро,
Разговорчив больно стал;
Мне ли, бедной, схать в город,
Мне ль кривляться средь зеркал?

Мне ль ходить под ручку в залах
В кринолине, в жемчугах?
Поскользнусь еще, пожалуй,
Зарябит от свеч в глазах.

Ты твердишь – я русской стану.
Кто ж меня в селе поймет?
Больно ты красив, как гляну,
И обнять-то страх берет.

Золотой, играй с другою,
С той, что ждет, томясь душой.
Солнце ясное с луною
Не сойдутся – ты не мой.

Обещаешь, коль наскучит
Мне житье в твоём доме,
Отпустить меня, не муча,
Вновь к семейству моему.

Как дитя, ты избалован;
Девке сельской, грамотей,
Не умеешь молвить слова, –
Убирайся прочь, злодей!

Ты, видать, считаешь, барин,
Что одна на свете я?
Есть красивый, сильный парень
На деревне у меня.

Лишь словцо ему шепну я –
Попадешь, глупец, в беду...
Одного его целую,
Душу за него кладу!

1862

Пер. С. Северцева

ПРИМЕЧАНИЕ. *Кринолин* – старинная широкая юбка на обручах из металла или китового уса.

* * *

Ах ты, милая, моя куколка!
Не пропал в лесу добрый парень твой,
Припозднился, знать, да лесует он,
Чтоб прийти к тебе, одарить тебя!
Куропатку собьет – чтоб бела, как ты,

И тебе поднесет на чистом блюдечке;
Соловья поймает – чтоб звонок, как ты,
Пусть в твоей поет светлой горнице.
А медведь попадет – шубу снимет враз,
Пусть буренка молочная здравствует;
Да и волка он не упустит, нет –
Пусть с овцы не падет и шерстиночка!
Будет шуба твоя на лисьем меху,
А постель твоя – на лебяжьем пуху;
Будет шкура медвежья одеяло тебе,
Горностаевый мех – воротник тебе.
А бродя по лесам, по высоким борам,
Приглядит на избу сосны толстые;
А домой придя, все расскажет тебе,
На ушко шепнет, где морошка растет.
Полон кузов его, туго-туго набит –
За отца твоего подать выплатит.
Подать выплатит, синий дукэс сошьет,
И подарит отцу ружье меткое
И собаку свою, лайку Катшыса;
Твоей матери он китайку сошьет,
А дубленку худую попросит снять;
А со стола своего вкусного
Он поделится питьем-яствами –
Чтобы радость всем и веселье всем,
И богато всех он одарит сам
И на будущее будет щедрым он!
Ты узнаешь его сердце доброе.
И останется, моя милая,
Все принять тебе, моя куколка!
И за все за то заплатить одним –
Сердце парню отдать из белой груди.

1862

Пер. А. Смольникова

ПРИМЕЧАНИЯ. *Дукэс* – армяк. *Китайка* – здесь: верхняя одежда, сшитая из китайки, плотной хлопчатобумажной ткани синего цвета.

ТЬМА

Нашу землю облегла
Ночь крошечная от века;
Темны люди и дела –
Здесь не сыщешь человека,

Нет, не сыщешь! Даже лучших,
Чье убранство белым было,
Ныне тьма мышей летучих
Одолела, облепила.

Зрят вампиры белый цвет –
И вопьются... И конечно,
Прежде, чем придет рассвет,
Захлебнусь я тьмой крошечной.

Тесно людям без огня...
Но заря теснит потемки:
Светлый мир – не для меня!
Но для вас грядет, потомки.

Близок, братья, час чудесный!
Вижу я, уже светает...
Вся земля в росе небесной
Под лучами засверкает.

1865

Пер. В. Тихомирова

СЛЕПОЙ СТАРИК

Хоть совсем уж дед слепой, –
Он не в тягость людям. С толком
Он на ощупь, тихомолком
Что-то ладит день-деньской.

Чуть не век старик живет,
А на зависть молодому –
Лапти он сплетет живому,
Гроб покойнику собьет.

Он и кадку смастерит,
Он и вырежет лопату,
И хоть руки слабоваты,
Все в них словно бы горит.

Проработав дотемна,
Выйдет дед и для порядку
У ворот он бросит кадку –
Мол, не треснет ли она?

И, подняв ее, рукой
Сделав два иль три удара,
Узнает по звуку старый –
Есть ли в ней изъян какой.

Если есть – так в тот же миг
Он, не вымолвив ни слова,
Мастерить возьмется снова.
И всегда молчит старик.

Молча он заказ возьмет,
Все исполнит аккуратно,
Сам снесет и так обратно,
Не сказав цены, пойдет.

Чтит он только честный труд,
Видит грех в любом обмане,
Знают деда все селяне
И к другому не идут.

Денег с них он не берет,
За труды же – то старуха,
То бабенка-молодуха
Хлеб, бруснику, холст несет.

Этот даст ему сукна,
Тот дровишками услужит,
Так старик живет – не тужит,
Слеп, а жизнь ему видна.

1866

Пер. Б. Иренина

* * *

Раз тоска меня взяла,
Опечалилось и небо.
Нож схватил я со стола
И отрезал... ломтик хлеба.

Снова стало тяжело мне,
Утопиться думал с горя,
В воду – бух!.. И на спине
Переплыл речушку вскоре.

В третий раз, судьбу кляня,
Захотел я смерти яро,
Попросил скорей огня
И зажег... себе сигару.

Нож, вода, огонь! Не раз
Помышлял я жизнь разрушить!
Больше звать не буду вас,
Грусть сама меня иссушит.

1867

Пер. П. Семьнина

Материю, Природу
Себе я мыслю так:
Вселенское молчанье –
Ее величья знак.
Себя не предлагает
Назойливо в друзья,
Хотя сама – основа
Людского бытия.

Сложна и бесконечна,
Нам дарит тьму и свет,
И смерть ее величья
Не затмевает, нет!
Бессмертна, совершенна,
В себе огонь таит,
Из праха и из тлена
Жизнь новую творит.

Сама не преподносит
И не дает из рук,
Но щедрые подарки
Раскиданы вокруг:
Бери, мол, нынче больше,
Чем взять сумел вчера.

«Ты много взял», – не скажет,
Не учинит скандал,
И вора не обяжет
Вернуть, коль много взял.
Нет, словом не обидит,
Но, не имея глаз,
Мне кажется, что видит,
Как на ладони, нас.

За всякими делами
Нас, грешных, застает...
Но жить нам не мешает,

Скорей – наоборот.
Однако если станешь
Тонуть в реке, она
Как будто отстранится,
Светла и холодна...

Безмолвна, бесконечна,
Из звезд ее венки.
Коль оттолкнешь – то будешь
Сам нищ и одинок.
А любишь – безучастна,
Привольна, широка,
Бессмертна и прекрасна,
Близка и далека.

1867

Пер. Б. Сиротина

ПОМИНКИ У ДРЕВНИХ КОМИ

Пожил хорошо ты,
Избегать работы
Не умел, терпел,
И заснул теперь.

Ехать надо скоро
За поля, за горы,
За леса – туда...
Знаешь сам, куда.

Медлить, брат, не стоит,
Дело не простое,
Хоть в дороге, брат,
Нет тебе преград.

Сыт, одет был в жизни,
И теперь на тризне –
Каша и творог...
Скоро за порог.

Далеко до цели...
Новый лаз одели,
И копьё – в ладонь;
У крыльца твой конь.

Вздрагивает сытым
Брюхом, бьет копытом,
На коне, браток,
Не седло – мешок.

В нем добро хранится:
Рожь, овес, пшеница.
Ты с любовью всей
Там паши и сей!

Вот под грай вороний
В мир потусторонний
Едешь без преград.
Там приволье, брат!

Солнце там сильнее
Светит, и синее
Наших – небеса,
Гуще там леса.

Звонче щебет птичий,
Ну а рыбы, дичи
Столько, что и Бог
Сосчитать не смог.

Да и сам ты чище
Станешь там, дружище,
Уж коня со зла
Не ударишь зря.

Это мир просторный,
И работы черной
Там в помине нет;
Не скудеет свет.

Нет земного страха,
Белая рубаха
Там всегда чиста,
И чисты уста.

...Вот под грай вороний
В мир потусторонний
Едешь в светлый час –
Вспоминай про нас!

1875, Ташкент

Пер. Б. Сиротина

ПРИМЕЧАНИЕ. *Лаз* – накидка из домотканого сукна.

БРАТУ

Почему обидел Бог
Добротой тебя и чувством?..
Я склоняюсь пред Искусством –
Потому тебе и плох.

Не кричу я, что поэт,
Хоть и числили поэтом
С малых лет, но ведь при этом
Не терял ума я, нет!

То не Божия печать,
Просто мне далось уменье
Каждое стихотворенье
Звонкой рифмою венчать.

Почему же я храню
Эти все свои маранья?
Отвечаю – из желанья
Быть у светлого Огня.

Из меня поэт большой
Пусть не выйдет, что же, что же, –
Всё равно зажгусь душой
От летучей искры Божьей!

И когда свободен я
От чиновничьего гнета,
Эта славная работа –
Словно воздуха струя.

Вся-то жизнь – с нуждой в борьбе,
Вся – сомненье и бессилье,
А вот сел писать тебе –
И как будто дали крылья!

Так ли плох угрюмый дед,
Тот старик, что вдруг привстанет
Со скамьи и зорко глянет
Юной девушке вослед?

Или пахарю виной
Будет ли, когда стремится
Позабавиться с женой,
У нее отнявши спицы?

Я же... Разве совершу
Преступленье, иль кого-то
Оскорблю, коль напишу
О душе, придя с работы?!

Постигаю бытиё
Криком боли, вздохом счастья.
Стихотворчество мое
Не профессия – причастье.

И хотя давно уже
Высшей Воле повинуюсь,
С Бёрнсом, Гёте, Беранже
Никогда не соревнуюсь.

Каждый жив своей судьбой,
Каждому – и жребий свой...
Соревнуемся играя,
Или водку выпивая.

Соревнуюсь я, браток,
Здесь, в твоём уютном доме,
Напеваю песню коми,
Чтоб забыть её не мог.

Соревнуйся, подхватив –
То веселый, то печальный –
Сей бесхитростный мотив
Нашей жизни изначальной!

Пой, мой брат, ты не старик,
Чтобы путать тьму со светом!
Может быть, себя на миг
Ты почувствуешь поэтом...

Пер. Б. Сиротина

ПРИМЕЧАНИЯ. *Бёрнс Роберт* (1759–1796) – шотландский поэт. *Гёте Иоганн Вольфганг* (1749–1832) – немецкий поэт, прозаик, драматург и мыслитель. *Беранже Пьер Жан* (1780–1857) – французский поэт.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	3
Задонщина (Кирилло-Белозерский список)	16
Семен ШАХОВСКОЙ	
Молитва преподобному Димитрию, вологодскому чудотворцу.....	26
Молитва против разлучения супружества.....	27
Тимофей АКУНДИНОВ	
Декларация московскому посольству.....	28
Неизвестный автор	
Самородные стихи.....	33
Михаил ЗАСОДИМСКИЙ	
Эпистола господину кавалергарду его благородию Роману Владимировичу Ломану, 1775 года, июля 10 дня, в бытность его в Вологде курьером.....	34
Неизвестный автор	
На открытие театра.....	41
На открытие ж и первую оперу.....	42
Афанасий БРЯНЧАНИНОВ	
Ода.....	43
«Приятностию то в глазах наших блистает...».....	46
Алексей ОЛЕШЕВ	
Хвала Богу.....	48
Обращение к человеку.....	49
Михаил МУРАВЬЕВ	
Суд Момов.....	52
Сельская жизнь.....	53
Путешествие.....	55
Эклога к его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву...	57
Письмо к А. М. Брянчанинову на смерть супруги его Елисаветы Павловны.....	62
Ода вторая.....	63

Николай ИЛЬИНСКИЙ	
Мысли о человеке.....	66
Ода «Время».....	69
Федор БРЯНЧАНИНОВ	
Хочу.....	73
Евгений (БОЛХОВИТИНОВ)	
Три стихотворения о жизни, счастья и смерти	
I. О жизни («Первый глас...»)	75
II. О счастья («Скажи мне, друг мой верный...»)	76
III. О смерти («Вотще мя устрашася...»)	77
Два канта	
I. «Для того ли светом льститься...»	78
II. «Только явятся...»	79
Михаил ЗАВАРИН	
Канты на Рождество Христово	
I. «Радость, радость...»	82
II. «Что торжествуют...»	83
III. «Громко жители эфирны...»	84
Даниил ПЯТИЛИН	
Ода по случаю необыкновенного наводнения в г. Устюге от весеннего разлития р. Сухоны в 1817 г.	86
Ода г. Устюгу на избавление его от истребления каменно-огненной тучей в XIII столетии по молитвам св. праведного Прокопия, устюжского чудотворца.....	89
Неизвестный автор	
Сверлюк Стерлюк Харахорович.....	94
Николай ОСТОЛОПОВ	
Упреки Аполлону.....	112
Бедная Дуня.....	113
Зяблик.....	114
Открытие в любви духовного человека.....	116
Львы и Осел.....	118
«Не бушуйте, ветры буйные...».....	119
Благодарный Амур.....	119
К приятелю в столицу.....	121
Светящийся Червячок и Алмаз.....	125
Дитя и бритва.....	126
Осторожный слепец.....	126

Константин БАТЮШКОВ

Вакханка.....	128
Элизий.....	129
Мои Пенаты.....	130
Разлука.....	140
Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года.....	141
Тень друга.....	142
Надежда.....	144
Таврида.....	145
Беседка Муз.....	146
«Есть наслаждение и в дикости лесов...».....	148
Подражания древним	
1. «Без смерти жизнь не жизнь: и что она? сосуд...».....	148
2. «Скалы чувствительны к свирели...».....	149
3. «Взгляни: сей кипарис, как наша степь, бесплоден...».....	149
4. «Когда в страдании девица отойдет...».....	149
5. «О смертный! хочешь ли безбедно перейти...».....	149
6. «Ты хочешь меду, сын? – так жала не страшись...».....	150

Павел МЕЖАКОВ

Виноват.....	151
Оправдание.....	154
К Кате.....	157
Солома.....	158
Возвращение на родину.....	159
Н*** Н***. На смерть дочери.....	160
Бессмертие.....	161
К лире.....	162
Мотылек.....	165

Александр КРЫЛОВ

Разлука.....	166
Недоверчивость.....	167
Весна.....	169
Истребленная роща.....	170
Могилы персидского поэта.....	172
К К<юхельбекер>у.....	174
К Плетневу.....	175
Вакхические поэты.....	177
К клену.....	178

Николай КОНШИН

Баратынскому («Куда девался мой поэт?»).....	179
Три времени.....	180

Прошедшее.....	181
Поход.....	181
Кому-нибудь.....	182
Финляндия.....	183
Баратынскому («Напрасно я, друг милый мой...»)	184
Ария.....	185
Запад.....	186
Жалобы на П<етер>бург.....	187
Первая поездка к вам.....	187
Воспоминание.....	189
Ворон.....	189
Путешественник.....	190
Пристав дома сумасшедших к посетительнице.....	190
Платон ВОЛКОВ	
Признание на тридцатом году жизни.....	192
Memento mori.....	206
Сани, дрожки и дуга.....	207
Афанасий АНАЕВСКИЙ	
Павлин и Журавль.....	210
Игнатий (БРЯНЧАНИНОВ)	
Убили сердце... ..	212
Жалоба.....	213
К земному страннику.....	214
Совет душе моей.....	214
Иннокентий (БОРИСОВ)	
Не унывай.....	215
Владимир СОКОЛОВСКИЙ	
Мироздание (Фрагмент. Четвертый день творения).....	217
На освящение церкви при Вологодской губернской гимназии.....	220
Молодица.....	224
Ответ В. Д. М<акшее>вой.....	225
К деве-поэту М<акшее>вой.....	227
К поэту <Макшее>вой.....	227
Ксенофону Александровичу Еремееву.....	228
Смерть Бессмертного.....	229
Лестница спасения.....	230
Божественная ноша.....	231

Василий КРАСОВ

Куликово поле.....	232
Чаша.....	234
Песня.....	235
Молитва.....	236
Возврат.....	236
Дума.....	238
Облако.....	239
Ave Maria.....	241
Бабушка.....	241
Метель.....	243
Воспоминание.....	243
Романс Печорина.....	244

Николай ВУИЧ

Лучшая доля.....	246
На смерть А. С. Пушкина.....	246
Две поры.....	248
Певец.....	249
Дума.....	250
Ревность.....	250
Сонет («Порой отрадною, в те светлые мгновенья...».).....	251

Николай Иванович ИВАНИЦКИЙ

Бородино.....	253
Киев.....	255
Кант на посещение Вологодской гимназии преосвященным Иннокентием.....	256
Весна.....	257
Падучая звезда.....	258
Четыре века.....	259
Кедры в Богородском.....	262

Варвара МАКШЕЕВА

Поэту.....	264
Скажи.....	265
Утешение матери.....	266
Прошедшее.....	268
Всегда я любила.....	269
К сердцу.....	270
Мечта.....	272
Мое горе.....	273
Русская песня.....	275
Думы поэта.....	276

На смерть Н. И. Навашина.....	277
Новоозерский монастырь.....	279
Фома ВАХРУШЕВ	
Гусар.....	280
Юрий ВОЛКОВ	
Поэт.....	309
Падшей.....	310
«Дымная хата и лес...».....	312
Три картины.....	313
«Над землей, подернутой туманом...».....	318
«В минуты душевной тревоги...».....	319
А. ГЕРАСИМОВ	
Пожар Москвы.....	320
ЦАРЕВСКИЙ	
Сухона.....	322
В. ОБРАЗЦОВ	
Няня.....	323
Николай ЛЕВАШОВ	
Минин и Пожарский.....	325
Василий СИРОТИН	
Вечер.....	329
Исповедь.....	333
Улица, улица... ..	340
Питейный.....	340
Ливанские кедры.....	342
Летний вечер.....	343
Иван КУРАТОВ	
Коми язык.....	345
Деревенская девушка городскому барину.....	346
«Ах ты, милая, моя куколка!..».....	347
Тьма.....	349
Слепой старик.....	349
«Раз тоска меня взяла...».....	351
«Материю, Природу...».....	352
Поминки у древних коми.....	353
Брату.....	355

Литературно-художественное издание

ПОЭТЫ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

Хрестоматия

Ч.1

Подписано к печати 29.08.2011. Формат 60x84 1/16. Печать – ризограф.

Усл. печ. л. 21,2. Уч.-изд. л. 10,4. Тираж – 140 экз.

ООО «ИПЦ «Легия»,

160031, Вологда, Октябрьская, д. 19, к. 116

The image shows the front cover of a book. The background is a dense, repeating pattern of green flowers and leaves on a lighter green background. In the center, there is a large white oval with a thin green border. Inside the oval, the text "ВОЛОГДА" and "2011" is printed in a green, serif font. Below the year, there are three small green asterisks. The entire cover is framed by a thin green border.

ВОЛОГДА
2011
